
•

Айзек Азимов
КОНЕЦ ВЕЧНОСТИ

Глава 1. ТЕХНИК

Эндрю Харлен вошел в капсулу. Ее стенки были идеально круглыми и плотно прилегли к вертикальной шахте, образованной редкими прутьями, которые поблескивали в непроницаемой дымке шестью футами выше головы Харлена. Харлен взялся за рукоятки управления и плавно нажал на пусковой рычаг.

Капсула осталась неподвижной.

Харлена это не удивило. Он не ожидал никакого движения — ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево, ни вперед, ни назад. Лишь промежутки между прутьями словно растаяли, затянувшись серой пеленой, которая была твердой на ощупь, но все равно нематериальной. Еще были легкая дрожь в желудке и слабое головокружение, говорящие Харлену что капсула со всем содержимым, включая и его, стремительно мчится сквозь Вечность.

Он вошел в капсулу в 575-м Столетии, ставшем его оперативной базой два года назад. В то время 575-е было самым дальним уголком будущего, куда ему доводилось путешествовать. Сейчас он направлялся в 2456-е Столетие. В обычных обстоятельствах Харлену стало бы не по себе от такой перспективы. Его родное Столетие — если быть точным, 95-е — осталось далеко в прошлом. Это был век запрета на атомную энергию, патриархальной простоты и деревянных построек, который экспортировал во многие другие Столетия напитки и ввозил семена клевера. Хотя Харлен не был в 95-м с тех пор, как в пятнадцать лет стал Учеником и прошел специальную подготовку, его не покидало чувство тоски по дому. В 2456-м он оказывался почти в двухстах сорока тысячелетиях от даты своего рождения, а это ощутимая дистанция даже для закаленного Вечного.

При обычных обстоятельствах все было бы именно так. Однако сейчас Харлен не мог думать ни о чем, кроме документов, оттягивавших ему карман, и планов, тяжело давивших на сердце. Он был отчасти испуган, отчасти взволнован, отчасти смущен.

Его руки автоматически остановили капсулу в нужной точке нужного Столетия.

Странно, что Техник способен волноваться или нервничать по поводу чего-либо. Наставник Ярроу однажды сказал:

— Прежде всего Техник должен быть бесстрастен. Совершаемое им Изменение Реальности может отразиться на жизни пятидесяти миллиардов человек. Миллион или более могут измениться так сильно, что сделаются совершенно новыми личностями. В этих условиях эмоции — непозволительная роскошь.

Харлен резко тряхнул головой, прогоняя из памяти воспоминание о сухом голосе его учителя. Тогда он не мог даже вообразить, что у него проявится талант именно в этой области. И все же эмоции взяли над ним верх. Но он волновался не из-за пятидесяти миллиардов человек — какое ему, ради Времени, до них дело? Его интересовал только один. Один человек.

Он заметил, что капсула больше не движется, но прежде чем выйти наружу, задержался на долю секунды, чтобы собраться, с мыслями и вновь обрести холодное, бесстрастное состояние духа, подобающее Технику. Капсула, которую он покинул, конечно же, не была той же самой, в которую он вошел, в том смысле, что не состояла из тех же атомов. Харлена это заботило не больше, чем любого Вечного. Только Ученики, новички в Вечности, ломают голову над тайнами межвременных путешествий вместо того, чтобы просто принять их как факт.

Он снова задержался у бесконечно тонкой завесы Межвременья, которое отделяло его от Вечности с одной стороны и от обычного Времени с другой. По ту сторону завесы лежал совершенно неведомый ему Сектор Вечности. Конечно, кое-что он узнал, поскольку перед отъездом заглянул в Темпоральный Справочник. Но никакой Справочник не мог заменить личного впечатления, поэтому он был внутренне готов к любым неожиданностям.

Он настроил управление на выход в Вечность — это было очень просто, куда проще, чем выйти во Время, что делалось гораздо реже. Шагнув вперед и оказавшись по ту сторону завесы, он зажмурился от ослепительного блеска и инстинктивно прикрыл глаза рукой. Перед ним стоял всего один человек. Вначале Харлен едва мог разглядеть его.

— Я Социолог Кантор Вой, — сказал человек. — Полагаю, что вы и есть Техник Харлен?

Харлен кивнул.

— Ради Времени! — воскликнул он. — Неужели вы никогда не

выключаете эту иллюминацию?

— Вы имеете в виду молекулярные пленки? — вежливо спросил Вой, оглядевшись.

— Именно их! — раздраженно буркнул Харлен. Справочник упоминал о них, но Харлен никогда не подозревал, что световые отражения могут сиять так неистово.

Харлен понимал причину своего раздражения. 2456-е Столетие, как и большинство других, основывалось на использовании вещества, поэтому он надеялся с самого начала встретить что-то похожее на знакомый ему мир. Здесь не должно было оказаться сбивающих с толку любого питомца вещественного Столетия энергетических вихрей 300-х или силовых полей 600-х. В 2456-м из вещества, к удовольствию нормального Вечного, изготавливалось все, от стен до гвоздей.

Конечно, вещество бывает разным, хотя человек из энергетического Столетия мог бы с этим не согласиться. Для него любое вещество было чем-то грубым, тяжелым и варварским. Но Харлен родился в вещественный век и воспринимал вещество как дерево, металл (тяжелый или легкий), пластик, кирпич, бетон, кожу и так далее.

Но попасть в мир, состоящий из одних зеркал!

Таково было его первое впечатление от 2456-го. Каждая поверхность сверкала, отражая свет. Молекулярные пленки создавали повсюду впечатление зеркальной глади. И повсюду виднелись бесчисленные отражения его самого, Социолога Воя и всего окружающего в самых невероятных ракурсах. От блеска и пестроты красок его начинало мутить.

— Сожалею, — сказал Вой, — но таков обычай данного Столетия, а в нашем Секторе принято по мере возможности перенимать все, что практично. Постепенно вы тоже привыкнете.

Вой быстро зашагал вперед, наступая на пятки другому Вою, который шагал вниз головой, в точности повторяя все движения первого. Он передвинул волосок индикатора по спиральной шкале к нулевой точке.

Отражения угасли, яркие огни потускнели. Харлен почувствовал себя спокойнее.

— Не пройдете ли вы со мной? — пригласил Социолог.

Харлен последовал за ним через пустые коридоры, в которых всего несколько мгновений назад царил хаос огней и отражений, вверх по пандусу и через переднюю в кабинет Воя.

На всем пути они не увидели ни одной живой души. Харлен настолько привык к такому положению, что воспринимал безлюдные коридоры как должное. Он был бы удивлен, почти шокирован, заметив спешащую

скрыться с глаз человеческую фигуру. Можно было не сомневаться, что весть о прибытии Техника уже разнеслась по Сектору. Даже Вой пытался держаться на расстоянии и поспешно отшатнулся, когда Харлен случайно задел ладонью его рукав.

Харлен слегка удивился охватившему его после этого чувству горечи. Он полагал, что раковина, выросшая на его душе, слишком толста, чтобы реагировать на подобные вещи. Если он ошибался, если стенки его раковины стали тоньше, то этому могла быть только одна причина.

Нойс!

Социолог Кантор Вой наклонился к Технику с кажущимся дружелюбием, но Харлен машинально отметил, что их разделяет довольно широкий стол.

— Я польщен, — начал Вой, — что Техник с такой высокой репутацией заинтересовался нашей маленькой проблемой.

— Да, она представляет некоторый интерес.

Харлен отвечал тем холодным и бесстрастным тоном, какого от него ждали. (Но достаточно ли он бесстрастен? Конечно, его истинные побуждения должны бросаться в глаза, а его вина написана каплями пота на лбу.)

Он вытащил из внутреннего кармана рулончик с описанием запланированного Изменения Реальности. Это был тот самый экземпляр, который месяцем раньше был послан Всевременному Совету. Благодаря своей близости к Старшему Вычислителю Твисселу — к самому Твисселу! — Харлен заполучил его без особого труда.

Перед тем как расстелить ленту на поверхности стола, где ее удерживало слабое парамагнитное поле, Харлен немного помедлил. Молекулярная пленка, покрывающая стол, погасла не до конца. Проследив взглядом за движением руки, Харлен увидел свое мрачное лицо, отраженное на поверхности стола. Ему было тридцать два года, но он выглядел старше, и сам это знал. Возможно, его старили узкое лицо и темные брови над еще более темными глазами, придававшие ему суровый, насупленный вид — настоящий Техник, каким его представляют все Вечные. А может, причина была в том, что он сам осознавал себя прежде всего Техником.

Тут же он развернул рулон на столе и решительно приступил к делу.

— Я не Социолог, сэр.

— Звучит зловеще, — усмехнулся Вой. — Когда кто-то объявляет себя некомпетентным в какой-либо области, то обычно за этим немедленно следуют самые банальные суждения по данному вопросу.

— О нет, — сказал Харлен, — не суждение. Всего лишь просьба. Я хотел бы, чтобы вы еще раз просмотрели ваше заключение и поискали, нет ли в нем небольшой ошибки.

Вой сразу же помрачнел.

— Надеюсь, что нет.

Одна рука Харлена лежала на спинке стула, другая на коленях. Он не должен был барабанить по столу беспокойными пальцами, не должен закусывать губ. Не должен позволять себе никакого проявления чувств.

Даже после того, как все течение его жизни неузнаваемо изменилось, он регулярно просматривал все новые проекты Изменений Реальности, которые проходили через административные жернова Всевременного Совета. Как личный Техник Старшего Вычислителя Твиссела он мог не считаться с небольшим нарушением профессиональной этики. Особенно в последние дни, когда все внимание Твиссела полностью поглотил его собственный проект. (У Харлена чуть раздулись ноздри — теперь он кое-что знал об этом проекте).

Харлен почти не надеялся, что ему удастся найти то, что он искал, в оставшееся у него время. Наткнувшись на проект Изменения Реальности с 2456-го по 2871-е Столетие, серийный номер В-5, он даже решил в первый момент, что принимает желаемое за действительное. Не доверяя самому себе, он весь день проверял уравнения и зависимости, и чем дальше, тем сильнее возбуждался. С чувством благодарности, оттененным легкой горечью, он вспоминал своих Наставников, обучивших его элементарной психоматематике.

Сейчас Вой с недоумением и озабоченностью разглядывал ту же самую перфоленту.

— Мне кажется, — произнес он наконец, — я имею в виду, что лично мне кажется, что все в полном порядке.

— Тогда я позволю себе обратить ваше внимание на любовные отношения, характерные для Реальности вашего Столетия. Это область социологии, поэтому я решил в первую очередь встретиться именно с вами, а не с кем-либо еще.

Вой нахмурился. Он был вежлив, но в его голосе слышался холод.

— Наблюдатели, приписанные к нашему Сектору, очень опытные. Я совершенно уверен в точности их информации по данному проекту. Может быть, у вас есть другие сведения?

— Вовсе нет, Социолог Вой. Я принимаю ваши данные и ставлю под сомнение только выводы. Взгляните сюда: не будет ли комплекс-тензор в этой точке переменным, если подставить точные значения для любовных

отношений?

Вой взглянул, и на лице его явственно отразилось облегчение.

— Разумеется, Техник, разумеется, но уравнение в этой точке превращается в тождество. В итоге получается лишь небольшая петля без побочных ответвлений с любой стороны. Надеюсь, вы простите мне использование этого цветистого языка вместо точных математических формул.

— Я оценил это, — сухо сказал Харлен. — Вычислитель из меня не лучший, чем Социолог.

— Что ж, отлично. Упомянутый вами переменный комплекс-тензор, который можно назвать просто развилкой, не играет никакой роли. Развилка снова соединяется в один-единственный путь. Это такой пустяк, что о нем не стоило даже упоминать в наших рекомендациях.

— Раз вы так считаете, сэр, то мне остается только согласиться с вами. Теперь осталось только выбрать МНВ.

Харлен заранее знал, что при этих словах Социолог поморщится. МНВ означало “Минимальное необходимое воздействие”, и здесь решающее слово принадлежало Технику. Социолог мог считать себя выше критики со стороны существ низшего порядка, пока он занимался математическим анализом бесчисленных возможных Реальностей, но в деле выбора МНВ все решал Техник.

Одних математических вычислений здесь было недостаточно. Даже самый большой Киберцентр, управляемый самым умным и опытным Старшим Вычислителем, в лучшем случае мог только указать область вероятных поисков МНВ. После этого Техник изучал данные и выбирал в границах этой области нужную точку. Хороший Техник ошибался очень редко. Первокласный Техник не ошибался никогда.

Харлен не ошибся ни разу.

— МНВ, рекомендованное вашим Сектором, — продолжал Харлен ровным, бесстрастным голосом, четко произнося слова Единого межвременного языка, — предусматривает аварию космолета и мучительную смерть дюжины или большего количества людей.

— Это неизбежно, — сказал Вой, пожимая плечами.

— В свою очередь я считаю, что МНВ может быть сведено к простому перемещению небольшого ящика с одной полки на другую. Взгляните сюда.

Харлен сделал своим бледным, идеально подходящим для указывания ногтем слабую отметку на одной из серий перфорации. Вой слушал его с напряженным, но молчаливым вниманием.

— Разве это не меняет ситуацию с рассмотренной вами развилкой? Это делает появление развилки менее возможным и приводит нас...

— ...к вероятной МОР, — прошептал Вой.

— ...к точной Максимальной ожидаемой реакции, — поправил Харлен.

Вой поднял глаза; на его смуглом лице попеременно отражались злость и досада. Харлен мимоходом обратил внимание на щель между верхними передними зубами Социолога, придававшую ему обманчивое сходство с зайцем, что контрастировало со сдержанной силой его слов.

— Полагаю, что Всевременной Совет еще укажет мне на эту ошибку, — сказал Вой.

— Не думаю. Насколько мне известно, Всевременной Совет ничего об этом не знает. Во всяком случае, ваш проект Изменения попал ко мне без комментариев. — Харлен не уточнил слова “попал”, и Вой не спросил его об этом.

— Значит, это вы обнаружили ошибку?

— Да.

— И не сообщили о ней Всевременному Совету?

— Нет, не сообщил.

Сначала Вой облегченно вздохнул, затем нахмурил брови.

— Но почему?

— Мало кто мог избежать подобной ошибки. Я решил, что смогу исправить ее, пока не поздно. Так я и сделал. Чего же еще?

— Что ж, благодарю вас, Техник Харлен. Вы повели себя как друг. Хотя ошибка, допущенная нашим Сектором, как вы сами сказали, почти неизбежна, боюсь, что в отчетах она выглядела бы непростительной оплошностью.

После секундной паузы Вой продолжал:

— Впрочем, по сравнению с теми сдвигами, которые вызовет грядущее Изменение Реальности, преждевременная смерть нескольких человек мало что значит.

“Похоже, он не слишком мне благодарен, — подумал Харлен. — Скорее обижен. А если он к тому же подумает, что от выговора его спас Техник, он обидится еще больше. Будь я Социологом, он бросился бы мне на шею, но Технику руки не подаст. Он не желает даже притронуться к Технику, а сам готов обречь дюжину людей на смерть от удушья”.

Ждать, пока Социолог обидится всерьез, было нельзя, и Харлен напрямую спросил:

— Я надеюсь, что вы в знак благодарности не откажете мне в

маленькой услуге?

— Услуге?

— Мне нужен План Судьбы. Все необходимые данные у меня с собой, как и проект Изменения Реальности в 482-м. Мне надо выяснить влияние этого Изменения на судьбу определенного человека.

— Я не уверен, что правильно понял вас, Техник, — медленно проговорил Вой. — Разве вы не можете сделать это в вашем собственном Секторе?

— Могу. Но я занимаюсь личными исследованиями и не хочу, чтобы до их завершения какие-либо результаты стали известны. В моем Секторе такой план трудно составить без... — Харлен завершил фразу неопределенным жестом.

— Значит, вы хотите сделать это неофициальным образом?

— Я хочу сделать это конфиденциально. И получить конфиденциальный ответ.

— Слушайте, это ведь противозаконно. Я не могу пойти на такое нарушение правил.

Харлен нахмурился.

— Это не более незаконно, чем мой отказ сообщить о вашей ошибке Всевременному Совету. Однако в том случае вы почему-то не возражали. Если вы так щепетильны в одном случае, то следует быть не менее щепетильным и в другом. Надеюсь, вы меня понимаете?

Вой отлично все понял — об этом говорило выражение его лица. Он протянул руку.

— Могу я взглянуть на документы?

Харлен слегка расслабился. Главная помеха осталась позади. Он внимательно смотрел, как голова Социолога склоняется над принесенными им пленками.

Наконец Вой нарушил молчание:

— Клянусь Временем, это же совсем небольшое Изменение!

Воспользовавшись случаем, Харлен решил рискнуть.

— Так и есть. Слишком небольшое, на мой взгляд. Дело именно в том, что оно ниже критической границы, и мне пришлось избрать в качестве примера отдельного человека. Вы, конечно, понимаете, что было бы неэтично проводить эти расчеты в моем Секторе, пока я не убедился бы в своей правоте.

Вой ничего не ответил, и Харлен умолк, боясь наговорить лишнего. Наконец Социолог встал.

— Я передам ваш материал моему Планировщику. Мы все сохраним в

тайне. Надеюсь, вы понимаете, что это не стоит рассматривать как прецедент.

— Конечно.

— В таком случае, если вы не возражаете, я хотел бы поскорее осуществить Изменение Реальности. Я уверен, что вы окажете нам честь и лично совершите МНВ.

Харлен кивнул:

— Всю ответственность я беру на себя.

Когда они вошли в наблюдательную камеру, там уже работали два экрана. Инженеры заранее настроили их на заданные координаты в Пространстве и Времени и удалились. Харлен и Вой были одни в сверкающей огнями комнате. (Блеск молекулярных пленок вновь был более чем заметен, но Харлен смотрел только на экраны.)

Оба изображения были неподвижны и казались мертвыми. Они соответствовали математически точным моментам Времени.

Одно изображение сохранило яркие естественные краски; Харлен узнал в нем машинный зал экспериментального космического корабля. Дверь еще не успела закрыться, и в оставшейся щели виден был блестящий башмак из красного полупрозрачного материала. Башмак не двигался. Ничто не двигалось. Если бы изображение было достаточно резким, чтобы разглядеть пылинки в воздухе, то и они оказались бы неподвижны.

— Машинный зал будет пуст два часа тридцать шесть минут, — сказал Вой. — Естественно, в текущей Реальности.

— Знаю, — пробормотал Харлен, натягивая перчатки. Он отметил быстрым взглядом положение нужного ящика на полке, измерил число шагов до него, нашел, куда его необходимо переставить. Он бросил быстрый взгляд на второй экран.

Поскольку машинный зал находился во времени, которое по отношению к данному Сектору Вечности можно было считать “настоящим”, то его изображение было четким и сохраняло естественные краски. Вторая сцена отстояла от первой на двадцать пять Столетий и, подобно всем изображениям “будущего”, виделась сквозь голубую дымку.

Это был космопорт. Ярко-синее небо, отливающие синевой металлические конструкции, зеленовато-синяя почва. На переднем плане стоял голубой цилиндр странной формы с массивным основанием. Два таких же виднелись поодаль. Все три цилиндра устремили расщепленные носы к небу; щель рассекала каждый корабль почти надвое. Харлен поднял брови.

— Какие они странные!

— Электрогравитация, — ответил Вой. — Только в 2871-м Столетии существовали электрогравитационные космические корабли. Никаких ракетных двигателей или ядерных установок. И эстетически очень приятны. Жаль, что Изменение уничтожит их. Очень жаль. — Его устремленный на Харлена взгляд выражал открытое неодобрение.

Харлен стиснул зубы. Неодобрение. Конечно! Чего еще можно ждать? Ведь он же Техник.

Некий Наблюдатель собрал сведения о потреблении наркотиков. Некий Статистик показал, что последние Изменения увеличили число наркоманов в данной Реальности до рекордной цифры. Некий Социолог — может быть, сам Вой — построил по этим данным психологическую характеристику общества. Наконец, некий Вычислитель просчитал Изменение Реальности, сводящее потребление наркотиков до безопасного уровня, побочным эффектом которого стало исчезновение электрогравитационных космолетов. Десятки, сотни людей, занимающих разные посты в Вечности, приложили руку к этому проекту.

Но потом, под конец, для его осуществления на сцену должен выйти некий Техник. Именно он, следуя разработанным ими инструкциям, произведет Изменение Реальности. И тогда остальные обрушат на него гневное презрение. Их взгляды будут говорить: “Это ты, а не мы, уничтожил такую красоту”.

Поэтому они станут осуждать и сторониться его. Они примутся перекладывать свою собственную вину на его плечи.

— Корабли не в счет, — резко сказал Харлен. — Нас с вами должны интересовать вот эти штуки.

“Штуками” были люди, которые казались карликами рядом с громадами кораблей, так же, как сама Земля и все земное кажутся крохотными из космоса.

Эти куклы-малютки были раскиданы группами по всему космодрому. Их тоненькие ручки и ножки потешно застыли, скованные льдом Времени.

Вой пожал плечами.

Харлен надел портативный генератор Поля на запястье левой руки

— Давайте кончать с этим делом.

— Одну минуту. Сначала я свяжусь с Планировщиком и узнаю, как скоро он может выполнить вашу просьбу. Мне хочется поскорее покончить и с этим.

Вой быстро застучал маленьким подвижным контактом, вслушиваясь в серию ответных щелчков. (Еще одна характерная черта этого Сектора Вечности, подумал Харлен, звуковой код. Остроумно, но претенциозно, как

и эти молекулярные пленки).

— Он говорит, что это не займет больше трех часов, — произнес наконец Вой. — Кстати, ему понравилось имя этой особы. Нойс Ламбент. Это женщина, не так ли?

У Харлена пересохло в горле.

— Да.

Губы Вой скривились в улыбку.

— Звучит заманчиво. Я бы и сам взглянул на нее. В этом Секторе уже несколько месяцев не было женщин.

Харлен не решился ответить. Он лишь пристально посмотрел на Социолога и отвернулся.

Если в Вечности и был какой-то изъян, то им являлось отсутствие женщин. Харлен узнал о нем после первого вступления в Вечность, но ощутил на себе только в тот день, когда встретил Нойс. С этого дня он катился по наклонной, пока не изменил присяге Вечного и всему, во что верил прежде.

Ради чего?

Ради Нойс.

И ему не было стыдно. Вот что больше всего поражало его. Ему не было стыдно. Он не испытывал угрызений совести за ту длинную цепь преступлений, по сравнению с которыми неэтичное использование секретного Плана Судьбы выглядело лишь незначительным проступком.

Если понадобится, он совершит и худшее.

Впервые в его голове промелькнула невероятная мысль. И хотя в первый момент он в ужасе отогнал ее, он знал, что, явившись однажды, она вернется опять.

Мысль была проста: если от него потребуется уничтожить Вечность, он сделает это.

Хуже всего было сознание, что он может сделать это.

Глава 2. НАБЛЮДАТЕЛЬ

Харлен стоял у выхода во Время и размышлял над тем, как он изменился. Еще недавно все было так просто. Были идеалы или, по крайней мере, заученные слова, ради которых и для которых стоило жить. Все этапы жизни Вечного подчинены определенной цели. Как там начинаются “Основные принципы”?

“Жизнь Вечного можно разделить на четыре периода...”

Он добросовестно следовал всему этому, пока все не переменялось, — разбитому уже никогда не стать целым.

Ему довелось честно пройти каждый из четырех периодов жизни Вечного. Вначале, первые пятнадцать лет своей жизни он был еще не Вечным, а лишь Времянином. Лишь обитатель Времени, Времянин, может стать Вечным; родиться им не дано никому.

В возрасте пятнадцати лет он был выбран в результате сложного процесса отбора и отсеивания, о сути которого в то время не имел никакого понятия. После мучительного прощания с семьей завеса Вечности навсегда скрыла его. (Уже тогда ему стало ясно, что он ни при каких обстоятельствах не сможет вернуться назад. Подлинную причину этого он узнал лишь много лет спустя.)

Оказавшись в Вечности, он десять лет провел в школе в качестве Ученика. Окончив школу, он вступил в третий период — Наблюдателя. И только после этого он стал Специалистом и подлинным Вечным. Таковы четыре периода жизни Вечного: Времянин, Ученик, Наблюдатель и Специалист. Он, Харлен, прошел их все чрезвычайно гладко. Можно сказать, успешно.

Он ясно помнил тот день, когда с Ученичеством было покончено, и они стали полноправными членами Вечности; когда, еще не сделавшись Специалистами, они получили официальное звание Вечных.

Он помнил это: Школа кончилась, Ученичество прошло, он стоит в одном ряду с пятью другими выпускниками, руки заложены за спину, ноги чуть-чуть расставлены, взгляд устремлен вперед.

Наставник Ярроу держал речь, сидя за столом. Харлен прекрасно помнил Ярроу — маленького нервного человечка со всклокоченными рыжими волосами, веснушчатые руки и тоскливым выражением глаз. (Это выражение тоски не было редким среди Вечных — тоска по дому и корням, неосознанная и нежеланная тоска по одному недоступному Столетию.)

Слов Ярроу, конечно, Харлен не запомнил, но их смысла не мог забыть никогда.

— Теперь вы Наблюдатели, — говорил Ярроу. — Это не слишком почетная работа. Специалисты смотрят на нее как на детскую забаву. Может быть, и вы, Вечные, — после этого слова он помедлил, давая каждому из них возможность подтянуться и просиять от гордости, — может быть, вы сами думаете так, но тогда вы глупцы, недостойные быть Наблюдателями. Не будь Наблюдателей, Вычислителям нечего было бы вычислять. Планировщики Судеб не знали бы, что планировать, у Социологов не было бы данных для анализа — все Специалисты остались бы без работы. Я знаю, что вы не раз уже все это слышали, но я хочу, чтобы

вы запомнили это как следует.

Вам, совсем еще юнцам, предстоит нелегкая задача — выйти из Вечности во Время, в самые непростые условия, и вернуться назад с фактами. Это должны быть объективные, беспристрастные факты, свободные от ваших мнений и вкусов. Факты достаточно точные, чтобы их можно было ввести в Счетные машины, достаточно достоверные для подстановки в социальные уравнения; Достаточно объективные, чтобы стать основанием для Изменений Реальности.

И еще запомните вот что. Работу Наблюдателя нельзя делать кое-как, чтобы только от нее отделаться. Только здесь вы сможете показать, на что вы способны. Не школьные отметки, а работа Наблюдателем определит вашу специальность и планку будущего роста. Это будут ваши курсы повышения квалификации, Вечные, и достаточно совершить небольшой промах, совсем небольшой, чтобы, невзирая на все ваши таланты, навсегда попасть в Работники. Вот и все.

Он пожал руку каждому, и Харлена, серьезного и взволнованного, охватила гордость при мысли, что ему выпала величайшая привилегия стать Вечным и отвечать за счастье всех человеческих существ, живущих в подвластных Вечности Столетиях.

Первые задания Харлена были незначительными и строго контролировались, но он отточил свои способности на оселке опыта, понаблюдав дюжину Изменений Реальности в дюжине различных Столетий.

На пятый год ему присвоили звание старшего полевого Наблюдателя и прикрепили к 482-му Сектору. Впервые ему предстояло работать совершенно самостоятельно, и мысль об этом отняла у него значительную долю самоуверенности, когда он впервые отчитывался перед возглавлявшим Сектор Вычислителем.

Маленький недоверчивый рот и злые глаза Вычислителя Гобба Финжа никак не вязались с его обликом. Вместо носа у него была круглая лепешка, вместо щек — две лепешки побольше. Ему не хватало только мазка алой краски и седой бороды, чтобы превратиться в изображение первобытного святого Николая.

Или Санта-Клауса, или Крисса Крингла. Харлен знал все три имени. Он сомневался, чтобы кому-нибудь из ста тысяч Вечных доводилось слышать хоть одно из них. Харлен испытывал тайную, смешанную со стыдом гордость подобными познаниями. С первых же дней в школе он увлекся Первобытной историей, и Наставник Ярроу поощрял это его увлечение. Постепенно Харлен по-настоящему полюбил эти странные,

извращенные Столетия, предшествовавшие не только основанию Вечности в 27-м, но даже открытию Темпорального поля в 24-м. Он изучал старинные книги и журналы. Ему случалось забираться — если удавалось получить разрешение — в самые первые Столетия Вечности в поисках нужных материалов. За пятнадцать лет он сумел собрать неплохую личную библиотеку, которая почти целиком состояла из бумажных изданий. Там был томик, написанный человеком по имени Герберт Уэллс, и еще один, автора которого звали В. Шекспир, — какие-то бессвязные истории. Самым ценным было полное собрание переплетенных томов Первобытного еженедельника, которое занимало невероятно много места, но он из сентиментальности никак не решался заменить его микропленками.

Временами он позволял себе погружаться в этот странный мир, где жизнь была жизнью, а смерть — смертью, где человек принимал решения безвозвратно, где зло нельзя было предотвратить, а добру помочь, и где однажды проигранная битва при Ватерлоо оставалась проигранной раз и навсегда. Он даже отыскал образец старинной поэзии, в котором утверждалось, что написанное однажды уже нельзя переписать.

После этого ему было трудно, почти невыносимо возвращаться мыслями к Вечности — к миру, в котором Реальность была чем-то гибким и изменчивым, чем-то, что люди вроде него держали в своих руках, придавая ему по желанию лучшую форму!

Сходство с Санта-Клаусом исчезло, как только Финж заговорил с ним деловым, повелительным тоном.

— Вы завтра же приступите к предварительному изучению текущей Реальности. Я хочу, чтобы это изучение было тщательным, аккуратным и конкретным. Нельзя допускать ни малейшей расхлябанности. Ваша первая пространственно-хронологическая инструкция будет готова к завтрашнему утру. Поняли?

— Да, Вычислитель, — ответил Харлен. Он уже тогда пришел к горькому для себя выводу, что вряд ли ему удастся поладить с Вычислителем Гоббом Финжем.

На следующее утро Харлен получил свою инструкцию в виде сложного узора перфораций, поступивших из Киберцентра. Боясь в самом начале деятельности допустить хотя бы крохотную ошибку, Харлен перевел инструкцию на Межвременной язык при помощи карманного дешифратора, хотя он давно уже умел читать перфоленты с листа.

Инструкция объясняла ему, куда он мог ходить в мире 482-го Столетия, а куда не мог; что он должен был делать, а что не должен; чего следовало избегать любой ценой. Его присутствие было допустимо только

там и тогда, где и когда оно не могло угрожать Реальности.

В 482-м Столетьи Харлену было не слишком комфортно. Оно нисколько не походило на его собственный суровый и строгий век. Это было время, лишенное этики и морали, к которым он привык. Оно было гедонистическим, материалистическим, склонным к матриархату. Изученные Харленом документы доказывали, что только в этом Столетьи естественные роды были не в почете — сорок процентов женщин заводили детей, просто помещая оплодотворенные яйцеклетки в инкубатор. Пары сходились и расходились по взаимному согласию, и брак не признавался юридически и не нес никаких взаимных обязательств. Правда, союз в целях деторождения отличался от обычного брака, но и он был обусловлен исключительно практическими нуждами.

Существовала сотня причин, по которым это общество внушало Харлену отвращение, и он мечтал об Изменении. Ему не раз казалось, что одним только своим присутствием в этом Столетьи он, человек из другого Времени, может создать развилку и направить историю по новому пути. Если бы ему удалось своим присутствием в какой-то определенной критической точке повлиять на естественный ход событий, возникла бы иная линия развития, в которой миллионы ищущих наслаждений женщин превратились бы в любящих, заботливых жен и матерей. Они жили бы в новой Реальности, с новыми воспоминаниями и ни во сне, ни наяву не могли бы вообразить себя другими.

К несчастью, чтобы поступить так, он должен был совершить немислимое — нарушить Темпоральную Хартию. Но если бы он даже решился, случайное воздействие могло изменить Реальность во многих возможных направлениях. Она могла бы стать еще хуже. Только кропотливый анализ и тщательные Вычисления могли предсказать направление Изменения Реальности.

Каковы бы ни были собственные мысли Харлена, он оставался Наблюдателем, а идеальный Наблюдатель — это просто система воспринимающих нервных окончаний, подсоединенных к пишущему отчет устройству. Между восприятием и отчетом не оставалось места для эмоций.

В этом отношении донесения Харлена были само совершенство.

В конце второй недели Вычислитель Гобб Финж пригласил Харлена в свой кабинет.

— Я хочу похвалить вас, Наблюдатель, за ясность и стройность ваших отчетов. — В голосе Вычислителя не было тепла. — Но что вы думаете на самом деле?

Лицо Харлена было непроницаемым, словно его вырезали из милого 95-му Столетию дерева.

— Я не думаю на такие темы, — ответил он.

— Бросьте. Вы ведь из 95-го, и мы с вами оба понимаем, что это значит. Несомненно, это Столетие должно вас раздражать.

Харлен пожал плечами.

— Разве что-то в моих отчетах говорит о раздражении?

Ответ был дерзким, и Финж со злостью забарабанил по столу коротенькими пальцами.

— Отвечайте на мой вопрос.

— С точки зрения социологии это Столетие во многих областях дошло до крайности. Три последних Изменения Реальности только ухудшили положение вещей. Я полагаю, что придется вмешаться. Крайности никогда не приводят к добру.

— Значит, вы взяли на себя труд познакомиться с прошлыми Реальностями Столетия?

— В качестве Наблюдателя я должен учитывать все относящиеся к делу факты.

Это была правда. Конечно же, знакомство со всеми фактами было правом и даже обязанностью Харлена. Финж не мог не знать этого. Каждое Столетие периодически сотрясали Изменения Реальности. Даже самые тщательные Наблюдения через некоторое время теряли свою ценность и нуждались в дополнениях. Именно поэтому все Столетия, охватываемые Вечностью, находились под постоянным контролем. И истинное Наблюдение заключалось не только в собирании фактов текущей Реальности, но и в установлении их связи с прошлыми Реальностями.

Харлен пришел к выводу, что за попыткой разузнать его мысли крылась не только неприязнь Финжа к нему. Поведение Вычислителя оставалось враждебным.

В другой раз Финж неожиданно заглянул в маленький кабинет Харлена со словами:

— Ваши отчеты произвели весьма благоприятное впечатление на Всевременной Совет.

После короткой паузы Харлен неуверенно пробормотал:

— Благодарю вас.

— Все считают, что вы проявили необычайную проницательность.

— Я делаю, что могу.

Внезапно Финж спросил:

— Вы когда-нибудь встречались со Старшим Вычислителем

Твисселом?

— С Вычислителем Твисселом? — Харлен широко раскрыл глаза. — Нет, сэр. А почему вы спросили?

— Похоже, он особенно заинтересовался вашими отчетами. — Финж надул свои круглые щеки и переменял тему разговора. — Знаете, у меня сложилось впечатление, что у вас есть некий собственный философский взгляд на историю.

Искушение обуюло Харлена. Тщеславие вступило в схватку с осторожностью и быстро победило.

— Я занимался изучением Первобытной истории, сэр.

— Первобытной истории? В школе?

— Не совсем так, Вычислитель. Скорее самостоятельно. Это, так сказать, мое хобби. Если поглядеть на историю, кажется, что она застыла неподвижно. Ее можно изучить в деталях, в отличие от Столетий Вечности, которые непрерывно меняются.

Рассуждая на эту тему, Харлен немного оживился.

— Все равно как если бы взять кинофильм и детально рассматривать кадр за кадром. Мы увидим массу подробностей, которых никогда бы не заметили, если бы смотрели фильм на обычной скорости. Я думаю, что это сильно помогает мне в работе.

Финж чуть шире раскрыл свои маленькие глазки, изумленно посмотрел на Харлена и вышел, не сказав ни слова.

После этого он не раз заводил разговор о Первобытной истории и молча выслушивал сдержанные комментарии Харлена без всякого выражения на круглом лице.

Харлен не знал, сожалеть ли ему об этом разговоре или же рассматривать его как шаг к ускорению своей карьеры.

Он стал склоняться к первому мнению после того, как, столкнувшись с ним в коридоре А, Финж вдруг во всеуслышание спросил:

— Ради Времени, Харлен, вы хоть когда-нибудь улыбаетесь?

Харлен с горечью подумал, что Финж его ненавидит. Сам он после этого начал испытывать к главе Сектора что-то вроде брезгливости.

Потратив три месяца на изучение 482-го Столетия, Харлен обсосал его до косточек и нисколько не удивился неожиданному распоряжению срочно явиться в кабинет Финжа. Он давно ожидал нового назначения. Заключительный доклад был готов еще неделю назад. 482-е стремилось увеличить экспорт тканей из целлюлозы в Столетия, лишённые лесов, вроде 1174-го, но не желало получать взамен копченую рыбу. Длинный список подобных Наблюдений был должным образом составлен и

тщательно проанализирован.

Захватив проект заключения, он направился к Финжу. Однако речь пошла совсем не о 482-м. Вместо этого Финж представил Харлена маленькому сморщенному человечку с редкими седыми волосами и личиком гнома, с которого на протяжении разговора не сходила улыбка. Эта улыбка делалась то озабоченной, то добродушной, но не исчезала с лица ни на секунду. В желтых от табака пальцах карлика была зажата горящая сигарета.

Это была первая сигарета, увиденная Харленом за всю его жизнь, иначе он уделил бы больше внимания человечку, а не дымящемуся стержню, и лучше подготовился бы к словам Финжа.

— Старший Вычислитель Твиссел, это Наблюдатель Эндрю Харлен, — сухо произнес Финж.

Взгляд Харлена изумленно метнулся с сигареты на лицо карлика.

— Здравствуйте, — сказал Твиссел писклявым голосом. — Значит, вы и есть тот молодой человек, который пишет такие дивные отчеты?

Харлен лишился дара речи. Лабан Твиссел был мифом, живой легендой. Лабана Твиссела узнавали с первого взгляда. Он был самым выдающимся Вычислителем в Вечности, другими словами, он был самым знаменитым из ныне живущих Вечных. Он был председателем Всевременного Совета. Он рассчитал больше Изменений Реальности, чем любой другой Вычислитель за всю историю Вечности. Он был... Он сделал...

Харлен окончательно растерялся. Он кивал головой с дурацкой улыбкой и не мог произнести ни слова.

Твиссел поднес сигарету к губам и торопливо затянулся.

— Оставьте нас, Финж, — сказал он. — Мне надо поговорить с этим пареньком.

Финж что-то невнятно пробормотал и вышел.

— Не волнуйся, мой мальчик, — проговорил Твиссел, — тебе нечего бояться.

Но встреча с Твисселом оказалась для Харлена настоящим потрясением. А как же иначе, если ты считаешь человека гигантом и вдруг обнаруживаешь, что в нем нет и пяти с половиной футов роста! Неужели за этим покатым полысевшим лбом прячется мозг гения? Что светится в этих прищуренных глазках, окруженных паутиной морщин, — острый ум или простое благодушие?

Харлен не знал, что и думать. Сигарета, казалось, окончательно лишила его способности связно мыслить. Поперхнувшись дымом, он

вздрагнул.

Твиссел прищурился, словно пытаясь заглянуть за дымовую завесу, и заговорил с ужасным акцентом на языке десятого тысячелетия:

— Малыш, не есть лучше мне твой-свой язык говорить?

Харлен с трудом подавил приступ истерического смеха.

— Я владею Единым межвременным языком, сэр, — осторожно произнес он.

Межвременным языком пользовались все Вечные в разговорах друг с другом, Харлен выучился ему в первые же месяцы пребывания в Вечности.

— Ерунда, — высокомерно ответил Твиссел. — К чему нам Межвременной? Я безукоризненно говорю на языке десятого тысячелетия.

Харлен догадался, что Твиссел не пользовался его родным диалектом по крайней мере лет сорок.

Утолив свое тщеславие, Твиссел перешел на Межвременной:

— Я предложил бы тебе сигарету, но уверен, что ты не куришь. Курение не в почете почти во всех Временах. По правде говоря, хорошие сигареты умеют делать только в 72-м, мне приходится брать их оттуда. Это тебе к сведению, на случай, если ты все-таки сделаешься курильщиком. Но вообще от курения одни проблемы. На прошлой неделе я застрял на пару дней в 123-м. Курение запрещено. Даже Вечные в том Секторе переняли нравы своего Времени. Если бы я закурил сигарету, им бы показалось, что небо обрушилось. Порой я думаю — хорошо бы рассчитать такое Изменение Реальности, чтобы одним махом уничтожить запреты на курение во всех Столетиях. Жаль только, что подобное Изменение вызовет войны в 58-м и рабовладельческое общество в 1000-м. Вечно что-нибудь не так

Смущение Харлена перешло в беспокойство. За этой болтовней явно что-то скрывалось.

— Могу я спросить, почему вы захотели видеть меня, сэр? — спросил он.

— Мне нравятся твои отчеты, мой мальчик

В глазах Харлена промелькнул радостный огонек, но он не улыбнулся.

— Благодарю вас, сэр.

— В них чувствуется рука мастера. У тебя хорошее чутье и интуиция. Мне кажется, я нашел тебе подходящее место в Вечности, и хочу тебе его предложить.

Харлен не верил своим ушам. Он постарался убрать из голоса восторг:

— Вы оказываете мне великую честь, сэр.

Тем временем Старший Вычислитель Твиссел, докурив свою сигарету,

жестом фокусника извлек откуда-то новую и прикурил ее от окурка.

— Ради Времени, мой мальчик, брось твердить заученные фразы, — проговорил он между затяжками. — Великая честь, подумать только. Пуф. Пуф. Говори проще. Пуф. Ты рад?

— Да, сэр, — осторожно произнес Харлен.

— Вот и хорошо. Иначе и быть не могло. Хочешь стать Техником?;“” . _ Техником?! — Харлен даже вскочил со стула.

— Сядь, сядь. Ты, кажется, удивлен?

— Вычислитель Твиссел, я никогда не собирался быть Техником.

— Знаю, — сухо проговорил Твиссел. — Никто не собирается. Все собираются становиться кем угодно, лишь бы не Техником. А между тем Техники очень нужны, и на них всегда большой спрос. В любом Секторе Вечности их не хватает.

— Боюсь, что я не подхожу для такой работы.

— Иными словами, тебе не подходит работа, в которой столько проблем. Клянусь Временем, мой мальчик, если ты действительно предан нашему делу — а я думаю, что это так, — тебя это не остановит. Дураки станут избегать тебя — ну и что? Ты к этому привыкнешь. Зато ты всегда будешь испытывать удовлетворение, зная, что ты нужен, очень нужен. И в первую очередь мне.

— Вам, сэр? Лично вам?

— Да. — Улыбка старика светилась пронизательностью. — Ты не будешь простым Техником. Ты станешь моим личным Техником, на особом положении. Как тебе такое предложение?

— Не знаю, сэр. А вдруг я не справлюсь?

Твиссел упрямо покачал головой.

— Мне нужен ты. Только ты. Твои отчеты убедили меня, что у тебя есть кое-что здесь. — Он постучал пальцем по лбу. — Ты был неплохим Учеником. Сектора, в которых ты работал Наблюдателем, тоже отозвались о тебе положительно. Но больше всего мне понравился отзыв Финжа.

Харлен был искренне изумлен.

— Неужели Вычислитель Финж дал обо мне положительный отзыв?

— Тебе это кажется странным?

— Н-не знаю...

— Видишь ли, мой мальчик, я не сказал, что отзыв положительный. Я сказал, что он мне понравился. На самом деле отзыв совсем не положительный. Финж рекомендует отстранить тебя от всякой работы, связанной с Изменениями Реальности. Он считает, что безопаснее всего перевести тебя в Работники.

Харлен покраснел.

— Почему он так думает, сэр?

— Оказывается, у тебя есть хобби, мой мальчик Ты увлекаешься Первобытной историей, а?

Твиссел широко взмахнул сигаретой, и Харлен, забыв с досады об осторожности, вдохнул клуб дыма и судорожно закашлялся.

Твиссел с благожелательным видом дождался, пока молодой Наблюдатель не перестанет кашлять.

— Это ведь так? — спросил он.

— Вычислитель Финж не вправе — начал Харлен, но Твиссел прервал его:

— Брось. Я упомянул об этом отзыве, потому что мне как раз подходит твое увлечение. Вообще-то отзыв — дело секретное, и чем скорее ты забудешь о нем, тем лучше.

— Но что плохого в увлечении Первобытной историей, сэр?

— Финж считает, что твое увлечение свидетельствует о сильной “тяге к Времени”. Ты понимаешь, мой мальчик?

Еще бы не понять! Нельзя было жить в Вечности, не усвоив психиатрического жаргона и в первую очередь этого выражения. Считалось, что каждый Вечный испытывает непреодолимое желание вернуться если не в свое, так хоть в какое-нибудь определенное Столетие, сделаться его частью, перестать быть вечным скитальцем во Времени. Все подобные проявления беспощадно преследовались, и, конечно же, большинство Вечных хранило эту тягу глубоко в подсознании.

— Не думаю, что дело в этом, — сказал Харлен.

— Я тоже так не думаю. Более того, я считаю твое увлечение очень ценным. Именно из-за него ты мне и нужен. Я приведу к тебе Ученика, и ты обучишь его всему, что знаешь или сможешь узнать из Первобытной истории. В свободное время ты будешь исполнять обязанности моего личного Техника. К работе приступишь в ближайшие дни. Согласен?

Согласен ли он? Получить официальное разрешение изучать эпоху до Вечности! Работать рука об руку с величайшим из Вечных! На таких условиях даже отвратительный статус Техника казался приемлемым. Но осторожность не совсем изменила ему.

— Если это необходимо для блага Вечности, сэр...

— Для блага Вечности? — воскликнул карлик. Он отшвырнул свой окурок с такой силой, что тот ударился о дальнюю стену и рассыпался фейерверком искр. — Это необходимо для самого существования Вечности!

Глава 3. УЧЕНИК

Харлен прожил в 575-м несколько недель, прежде чем встретил Бринсли Шеридана Купера. Он успел освоиться со своим новым жилищем и привыкнуть к стерильности фарфора и стекла. Он научился почти без отвращения носить эмблему Техника и уже не пытался спрятать нашивку на рукаве, прикрывая ее каким-нибудь посторонним предметом или прислоняясь к стене.

Ничего хорошего из этого не выходило. Другие только презрительно улыбались и проявляли еще большую холодность, всем видом показывая тщетность попыток Техника завоевать их симпатию.

Старший Вычислитель Твиссел ежедневно приносил ему новые задачи. Харлен тщательно изучал их и по четыре раза переписывал свои заключения, но даже последняя версия казалась ему недоработанной.

Наскоро просматривая заключения, Твиссел кивал головой.

— Хорошо, хорошо!

Затем его выцветшие голубые глаза быстро оглядывали Харлена, и улыбка становилась чуть холоднее.

— Дадим Киберцентру проверить эту догадку, — говорил он на прощание.

Он всегда называл заключения “догадками”. Ни разу он не сообщил Харлену результатов проверки Киберцентра, и Харлен не осмеливался спросить его. Он приходил в отчаяние оттого, что ему не поручают воплощать в жизнь его заключения. Значило ли это, что Киберцентр находит в них ошибки, что он неверно выбирает место и время для Изменения Реальности и не обладает даром отыскивать в указанном промежутке Минимальное необходимое воздействие (прошло немало времени, прежде чем он научился искусству небрежно произносить это как МНВ)?

Однажды Твиссел явился к нему в сопровождении какого-то субъекта, который выглядел напуганным и не смел даже поднять на Харлена глаз.

— Техник Харлен, это Ученик Купер, — сказал Твиссел.

— Здравствуйте, — равнодушно бросил Харлен. Внешность посетителя не особенно впечатляла. Купер был невысок, с расчесанными на пробор темными волосами. Подбородок узкий, глаза блекло-карие, уши слишком велики, ногти обкусаны.

— Вот этого парня ты и будешь учить Первобытной истории, — продолжал Твиссел.

— Всемогущее Время! — воскликнул Харлен с внезапно

пробудившимся интересом. Как он мог забыть? — Здравствуйте! — повторил он.

— Составь с ним расписание занятий, Харлен, — сказал Твиссел. — Было бы неплохо, если бы ты смог уделить ему два дня в неделю. Учи его любыми методами. В этом я полностью доверяю тебе. Если тебе понадобятся книгофильмы или старинные Документы, скажи мне, и если их можно найти в Вечности или в достижимом для нас Времени, ты их получишь. Ладно, мой мальчик?

Как всегда, он вдруг откуда-то вытащил зажженную сигарету, и воздух заволокло табачным дымом. Харлен закашлялся и, заметив, как скривился рот Ученика, понял, что тот охотно сделал бы то же самое, если бы осмелился.

После ухода Твиссела Харлен заговорил:

— Ну ладно, садись... — На мгновение он запнулся и затем решительно добавил: — Сынок Садись, сынок Мой кабинет невелик, но он в твоём распоряжении.

Харлена переполняла радость. Это был его собственный проект! Первобытная история становилась чем-то вроде его личной собственности.

Ученик поднял глаза (кажется, в первый раз) и, запинаясь, произнес:

— Значит, вы Техник

Большая часть возбуждения и теплых чувств Харлена вмиг улетучилась.

— Ну и что?

— Нет, ничего, — пробормотал Купер, — просто я...

— Разве ты не слышал, как Вычислитель Твиссел назвал меня Техником?

— Д-да, сэр.

— Решил, что он обмолвился? Что это слишком ужасно, чтобы быть правдой?

— Н-нет, сэр.

— Что у тебя с голосом? — жестко спросил Харлен, тут же почувствовав в глубине души укол совести.

Купер мучительно покраснел.

— Я не очень хорошо владею Единым межвременным, сэр.

— Почему это? Сколько времени ты учишься?

— Меньше года, сэр.

— Меньше года? Сколько же тебе лет?

— Двадцать четыре биогода, сэр. Харлен недоверчиво уставился на него.

— Ты хочешь сказать, что тебя взяли в Вечность в двадцать три рода?

— Да, сэр.

Харлен опустил на стул, сцепив руки в замок Такого просто не могло быть. Самым подходящим для вступления в Вечность считался возраст пятнадцати-шестнадцати лет. Что же это все значит? Может быть, Твиссел придумал для него новое испытание?

— Садись и давай приступим, — сказал он. — Твое полное имя и номер твоего Столетия?

— Бринсли Шеридан Купер из 78-го, сэр, — запинаясь, ответил Ученик.

Харлен немного смягчился. Это было близко. Всего на семнадцать веков раньше его собственного Столетия. Можно сказать, соседи во Времени.

— Тебя интересует Первобытная история?

— Меня просил заняться ей Вычислитель Твиссел. Сам я почти ничего не знаю.

— А чем ты еще занимаешься?

— Математикой. Темпоральной инженерией. Пока что я познакомился только с основами. У себя в 78-м я чинил спидиваки.

Харлен не собирался спрашивать, что такое спидивак. Это мог быть пылесос или счетная машина, или пульверизатор для краски. Его это мало интересовало.

— А историю ты никогда не изучал? Хоть какую-нибудь?

— Я учил историю Европы.

— Это, должно быть, твоя страна?

— Да, я родился в Европе. Нас, конечно, в основном обучали современной истории. Начиная с революции 54-го, то есть я имел в виду 7554-го года.

— Отлично. Для начала ты должен забыть про это. История, которую пытаются учить Времяне, лишена смысла; ведь она меняется с каждым Изменением Реальности. Правда, сами они не подозревают об этом. Каждой Реальности ее история представляется единственной. С Первобытной историей все иначе. В этом и состоит ее прелесть. Что бы мы ни делали, Первобытная история всегда остается неизменной. Колумб и Вашингтон, Муссолини и Херфорд — все они существуют.

Купер нерешительно улыбнулся. Он провел мизинцем по верхней губе, и Харлен впервые заметил на ней темную полоску, словно Ученик отращивал усы.

— Я никак не могу... привыкнуть к этому, сколько бы ни находился

здесь.

— К чему именно?

— К тому, что меня отделяют от дома пятьсот веков.

— Почти столько же, сколько и меня. Я из 95-го.

— Вот и это тоже. Вы старше меня, но в другом смысле я старше вас на семнадцать веков. Я вполне могу оказаться вашим пра-пра-пра и так далее дедушкой.

— Какое это имеет значение? Пусть даже и так.

— Ну, к этому еще надо привыкнуть. — В голосе Купера зазвучали мятежные нотки.

— Нам всем приходится это делать, — сухо заметил Харлен, и приступил к уроку. Прошло три часа, а он все еще втолковывал Куперу, как до 1 -го Столетия могли существовать еще и другие.

(“Но разве 1-е Столетие не было первым?” — жалобно спрашивал Купер.)

На прощание Харлен вручил Ученику книгу, не самую лучшую, но вполне пригодную для первого знакомства с темой.

— Позже подберу тебе что-нибудь посерьезнее, — пообещал он.

К концу недели темная полоска на губе Купера превратилась, в маленькие, хорошо заметные усики, которые старили его лет на десять и подчеркивали узость подбородка. Харлену казалось, что эти усики совсем не красят его Ученика.

— Я прочел вашу книгу, — сказал Купер.

— И что ты об этом думаешь?

— Как вам сказать... — Последовала долгая пауза, после чего Купер начал снова: — Последние Первобытные Столетия немного похожи на 78-е. Это вызвало у меня мысли о доме. Дважды я видел во сне свою жену...

— Жену?! — взорвался Харлен.

— Я был женат до того, как попал сюда.

— Всемогущее Время! Неужели твою жену тоже взяли сюда? Купер отрицательно покачал головой.

— Я даже не знаю, не затронуло ли ее прошлогоднее Изменение. Если так, то, возможно, она мне уже не жена.

Харлен кое-как опомнился. Конечно, если Ученика берут в Вечность в возрасте двадцати трех лет, то вполне может оказаться, что он женат. Один невиданный факт влечет за собой другой.

Что делается? Стоит чуть-чуть изменить правила, и уже недалеко до точки, за которой все погружается в хаос. Вечность слишком хорошо устроена, чтобы подвергаться каким-либо изменениям.

— Надеюсь, ты не собираешься съездить в 78-е, чтобы проведать ее?
— Харлен не хотел быть грубым, но его беспокойство за судьбу Вечности было слишком велико.

Ученик поднял голову; глаза его были холодны и спокойны.

— Нет.

Харлен смущенно поерзал на стуле.

— Хорошо. У тебя больше нет семьи. Никого нет. Ты Вечный и не должен думать ни о ком из тех, кого ты знал во Времени.

Купер поджал губы и быстро проговорил с заметным акцентом:

— Вы говорите как Техник.

Харлен сжал обеими руками крышку стола. Его голос был хриплым:

— На что ты намекаешь? На то, что я Техник и провожу Изменения? Поэтому я защищаю их и требую, чтобы ты их принимал? Послушай, мальчик, ты еще года здесь не провел, даже не можешь говорить на Межвременном. Ты еще полон Временем и Реальностью, но уже вообразил, что знаешь о Техниках все и можешь бить их по зубам!

— Простите, — быстро проговорил Купер, — я не хотел вас обидеть.

— Что ты, кто же может обидеть Техника? Просто ты наслушался чьих-нибудь разговоров. Говорят же “холодный, как сердце Техника” или “Техник зевнул — миллион людей переменилось”. И еще много разного. Так в чем же дело, Ученик Купер? Решил присоединиться к общему хору? Захотелось стать большим? Большим колесиком Вечности?

— Я же сказал — простите.

— Ладно. Хочу только сообщить, что я стал Техником месяц назад и не совершил еще ни одного Изменения Реальности. А теперь вернемся к нашему делу.

На другой день Старший Вычислитель Твиссел вызвал Эндрю Харлена в свой кабинет.

— Послушай, мой мальчик, как ты согласишься на то, чтобы прогуляться во Время и произвести МНВ? — спросил он.

Предложение оказалось весьма кстати. Все утро Харлен ругал себя за трусливую попытку отмежеваться от ответственности за работу Техника, за ребячий крик: “Не вините меня, я еще не сделал ничего плохого”.

Этот крик был равносителен признанию, что в работе Техника и в самом деле есть что-то преступное, а он, Харлен, еще новичок, который просто не успел стать преступником.

Он радовался шансу покончить с этими колебаниями. Это будет почти наказание. Теперь он сможет сказать Куперу: да, я сделал нечто такое, из-за чего миллионы людей стали новыми личностями, но это было необходимо,

и я горжусь своим поступком.

— Я готов, сэр! — радостно воскликнул Харлен.

— Хорошо, хорошо. Думаю, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, — Твиссел выпустил клуб дыма, и кончик его сигареты ярко вспыхнул, — что все твои заключения подтвердились с высокой степенью точности.

— Благодарю вас, сэр. (Итак, подумал Харлен, теперь это уже заключения, а не “догадки”.)

— У тебя талант, мой мальчик. Рука мастера. Я жду от тебя великих дел. А начнем мы с небольшого дельца в 223-м. Ты был совершенно прав, утверждая, что достаточно заклинить муфту сцепления в двигателе. При этом действительно получается нужная вилка без нежелательных побочных эффектов. Возьмешься заклинить сцепление?

— Да, сэр.

Так совершилось настоящее посвящение Харлена в Техники. После этого он уже не был просто человеком с розовой нашивкой на плече. Он изменил Реальность. За несколько минут, выкраденных из 223-го, он испортил двигатель, и в результате некий молодой человек не попал на лекцию по механике. По этой причине он так и не стал заниматься солнечными установками, и некое простое устройство не было изобретено в течение десяти критических лет. В результате, как ни странно, война в 224-м исчезла из Реальности.

Разве это не было благом? И что с того, что какие-то личности изменились? Новые личности были такими же людьми, как и прежние, и так же хотели жить. Чьи-то жизни стали короче, но у большего числа людей они стали дольше и счастливее. Правда, великое литературное произведение, монумент человеческой мысли и чувства, не было написано в новой Реальности, но разве несколько экземпляров этой книги не сохранились в библиотеках Вечности? И разве в новой Реальности не будут созданы другие великие творения?

И все же в эту ночь Харлен несколько часов мучился бессонницей, а когда он наконец задремал, с ним случилось то, чего не случалось уже много лет.

Он увидел во сне свою мать.

Несмотря на столь жалкое проявление слабости в самом начале деятельности, не прошло и биогода, как Харлен стал известен по всей Вечности в качестве Техника Твиссела, а также под довольно злыми прозвищами “Вундеркинд” и “Безошибочник”.

Его отношения с Купером стали почти спокойными. Настоящими друзьями они так и не сделались. (Если бы Купер пересилил себя и сделал

первый шаг к сближению, то Харлен, наверное, не знал бы, как ему реагировать.) Тем не менее они работали успешно, и Купер теперь интересовался Первобытной историей не меньше, чем его учитель.

— Послушай, Купер, ты не против отложить урок на завтра? — как-то спросил его Харлен. — Мне нужно на этой неделе попасть в 3000-е, чтобы уточнить одно Наблюдение, а человек, с которым я должен встретиться, свободен как раз сегодня вечером.

Глаза Купера жадно заблестели.

— А я не могу поехать с вами?

— Ты хочешь этого?

— Конечно, хочу. Я никогда не ездил в капсуле, кроме того случая, когда меня привезли сюда из 78-го, но тогда я еще ничего не понимал.

Харлен обычно пользовался Колодцем С, который по неписаной традиции был предоставлен Техникам на всем своем бесконечном пути через Столетия. Купер последовал за ним без всякого замешательства и занял место на круглом диванчике, опоясывавшем внутренние стенки капсулы.

Но когда Харлен, включив Поле, послал капсулу в будущее, на лице Купера появилось комичное выражение изумления.

— Я ничего не чувствую. Что-то не так? — спросил он.

— Все в порядке. Ты ничего не чувствуешь, потому что мы не двигаемся в буквальном смысле. Нас как бы протягивает сквозь временную протяженность капсулы. Фактически, — продолжал Харлен, незаметно для себя впадая в назидательный тон, — что бы нам ни казалось, в данный момент ни ты, ни я не существуем. Сотни людей могут пользоваться в это же самое мгновение нашей капсулой, перемещаясь (если можно так сказать) в разных направлениях Времени, проходя один сквозь другого и так далее. Законы обычного мира неприменимы к Колодцам Времени.

Купер чуть усмехнулся, и Харлен смущенно подумал: “Парень изучает Темпоральную механику и знает об этих вещах гораздо больше меня. Мне лучше помолчать и перестать строить из себя дурака”.

Погрузившись в молчание, он мрачно уставился на Ученика. За прошедшие месяцы усики Купера отросли и обрамляли его рот по так называемой маллансоновой моде. Изобретатель Темпорального поля Виккор Маллансон на единственной подлинной (и очень скверной) фотографии был запечатлен с точно такими же усами. По этой причине они пользовались среди Вечных большой популярностью, хотя, по правде говоря, мало кому шли.

Глаза Купера были устремлены на циферблат, где быстро сменяли друг

друга числа, отмечавшие номера Столетий.

— Как далеко в будущее тянутся Колодцы Времени? — спросил вдруг Купер.

— Разве тебя этому еще не учили?

— Они почти ничего не говорили о капсулах.

Харлен пожал плечами.

— Вечности нет конца. Колодцы тянутся бесконечно.

— А как далеко вам случалось путешествовать?

— Этот Сектор будет самым дальним. А вот доктор Твиссел был даже в 50000-м.

— Всемогущее Время! — прошептал Купер.

— Это еще не предел. Некоторые Вечные бывали даже за 150000-м.

— Ну и что там?

— Ничего, — угрюмо ответил Харлен. — Жизни хватает, но разумных существ нет. Человечество исчезло.

— Вымерло? Уничтожено?

— Не думаю, что кто-нибудь знает ответ.

— А разве никак нельзя изменить это?

— Видишь ли, начиная с 70000-го и дальше... — начал было Харлен и осекся. — Послушай, ну его к Времени. Давай сменим тему.

Если и была тема, к которой Вечные относились бы с суеверным страхом, так это Скрытые Столетия, период между 70000-м и 150000-м. Об этом редко заходил разговор. Своими скромными познаниями Харлен был обязан лишь тесному общению с Твисселом. Наверняка известно было только то, что ни в одном из этих Столетий Вечные не могли проникнуть во Время. Двери между Вечностью и Временем были непроницаемы. Почему? Никто не знал.

Из случайных замечаний Твиссела Харлен мог заключить, что делались попытки совершить Изменения Реальности в Столетиях, предваряющих 70000-е, но без результатов Наблюдений в последующих веках на это никто не решился.

Твиссел как-то сказал с усмешкой:

— Когда-нибудь мы доберемся и до них. А пока нам вполне хватает забот с семьюдесятью тысячами Столетий.

Это прозвучало не слишком убедительно.

— А что произошло с Вечностью после 150000-го? — Харлен вздохнул. Купер, похоже, не собирался менять тему разговора.

— Ничего не произошло, — ответил он. — Сектора есть и там, но после 70000-го в них никто не живет. Сектора тянутся на миллионы

Столетий, пока не исчезнет всякая жизнь на Земле, и после этого, пока Солнце не вспыхнет, как Новая, и даже после этого. Вечности нет конца. Потому она и называется Вечностью.

— Разве наше Солнце стало Новой?

— Конечно. Иначе Вечность не могла бы существовать. Солнце, превратившееся в Новую, дает нам энергию. Ты и представить не можешь, сколько энергии требуется для создания Темпорального поля. Первое Поле Маллансона имело протяженность всего две секунды от одного конца до другого и было так мало, что едва вмещало спичечную головку, но для него потребовалась вся энергия атомной электростанции за целый день. Почти сто лет ушло на то, чтобы протянуть тоненькое, как волосок, Поле достаточно далеко в будущее и начать черпать лучистую энергию Новой. Только после этого удалось создать Поле такой величины, что в нем смог уместиться человек.

Купер вздохнул.

— Хорошо бы меня перестали пичкать уравнениями полей и Темпоральной механикой и рассказали что-нибудь интересное, наподобие этого. Вот если бы я жил во времена Маллансона...

— Ты бы ничего тогда не узнал. Маллансон жил в 24-м, а Вечность была создана только в конце 27-го. Сам понимаешь, что открыть Темпоральное поле — это одно, а создать Вечность — совсем другое. В 24-м не имели ни малейшего понятия о том, что значит открытие Маллансона.

— Выходит, он опередил свое Время?

— И очень намного. Он не только открыл Поле, но и предсказал почти все характерные черты Вечности, кроме разве Изменений Реальности. Он сделал это довольно точно, и... похоже, мы на месте. Выходи, Купер.

Они вышли из капсулы.

Харлен никогда еще не видел Старшего Вычислителя Лабана Твиссела в таком гневе. О нем всегда говорили, что он не способен на любые проявления чувств, что этот бездушный старик зажился в Вечности до того, что забыл номер своего родного Столетия. Ходили слухи, что сердце его в ранней молодости атрофировалось и он заменил его маленьким ручным анализатором, похожим на тот, который всегда лежал у него в кармане брюк.

Твиссел ничего не делал, чтобы опровергнуть эти слухи. Многие считали, что он и сам в них верит.

Поэтому, согнувшись под обрушившейся на него лавиной гневных упреков, Харлен все же каким-то уголком мозга удивлялся тому, что Твиссел способен на такие сильные чувства. Он даже подумал, не пожалеет

ли позже Вычислитель, что механическое сердце предало его, выдав в себе жалкий орган из мышц и клапанов, подверженный вспышкам эмоций.

Своим скрипучим стариковским голосом Твиссел кричал:

— Всемогущее Время, парень, ты что, вообразил себя членом Совета? Разве это ты здесь командуешь? Ты отдаешь мне приказы или все же я тебе? Ты распоряжаешься движением капсул в этом Секторе? Не должны ли мы все просить у тебя разрешения на поездку?

Время от времени он прерывался, требовал: “Отвечай!” и продолжал подбрасывать новые вопросы в кипящий котел обвинений.

— Если ты еще хоть раз поступишь подобным образом, я отправлю тебя ремонтировать канализацию до конца дней твоих, — заключил он наконец.

Харлен, бледный от смущения, пробормотал:

— Мне никто никогда не говорил, что Ученика Купера нельзя брать в капсулу.

Однако это объяснение не смягчило Твиссела.

— Что за негативное оправдание, мой мальчик? Тебе никогда не говорили, что его нельзя напоить пьяным. Не говорили, что его нельзя обрить наголо. Всемогущее Время, что именно тебе было поручено?

— Мне поручили обучить его Первобытной истории.

— Так и занимайся этим. И больше ничем.

Твиссел бросил окурок на пол и яростно растоптал его ногой, словно это было лицо его злейшего врага.

— Я бы хотел отметить, Вычислитель, — рискнул вставить Харлен, — что многие Столетия текущей Реальности в некоторых отношениях сильно напоминают интересующий нас период Первобытной истории. Я собирался взять с собой Ученика Купера в эти эпохи, разумеется, в строгом соответствии с пространственно-временными инструкциями.

— Что?! Послушай, дурья голова, ты будешь спрашивать у меня разрешение хоть на что-нибудь? Хватит. Просто обучай его Первобытной истории. Никаких практических занятий. Никаких лабораторных экспериментов. В следующий раз ты изменишь Реальность, просто чтобы показать ему, как это делается.

Харлен облизнул сухим языком пересохшие губы, обиженно пробормотал извинения и в конце концов получил позволение уйти.

Прошла не одна неделя, прежде чем его обида улеглась.

Глава 4. ВЫЧИСЛИТЕЛЬ

Харлен был Техником уже два года, когда ему снова довелось посетить

Сектор 482-го. Он с трудом узнал его.

Сектор остался прежним. Изменился он сам.

Два года работы Техником не прошли для Харлена даром. Жизнь его стала более стабильной. Ему больше не приходилось с каждым новым Наблюдением учить новый язык, привыкать к новому стилю одежды и новому образу жизни. С другой стороны, за эти два года он замкнулся в своей скорлупе. Он почти забыл о той атмосфере дружбы, которая объединяла всех прочих обитателей Вечности.

Но главным было то, что он полюбил то ощущение власти, которое давала работа Техника. Он держал в руках судьбу миллионов людей, и если для этого требовалось одиночество, он обязан был с гордостью нести его бремя.

Холодно взглянув на Связиста, сидевшего за своей конторкой у входа в 482-е, Харлен произнес, четко разделяя слоги:

— Техник Эндрю Харлен просит доложить Вычислителю Финжу, что он прибыл в Сектор и временно поступает в его распоряжение.

Связист, мужчина средних лет, быстро взглянул на Харлена и отвел глаза. Среди Вечных это называлось “коситься на Техника” — человек бросал быстрый произвольный взгляд на розовый наплечный знак, после чего делал все, лишь бы не смотреть на него вторично.

Харлен взглянул на эмблему человека, сидевшего за конторкой. Она не была желтой, как у Вычислителей, или зеленой, как у Планировщиков, или голубой, как у Социологов, или белой, как у Наблюдателей. Это была попросту голубая полоска на белом фоне — эмблема Службы связи. Связист был всего-навсего Работником; от Специалистов его отделяла пропасть. Но и он “косился на Техника”.

— Я жду, — напомнил Харлен с печалью в голосе.

— Вызываю Вычислителя Финжа, — торопливо ответил Связист.

482-е Столетие запомнилось Харлену массивной и внушительной обстановкой, но сейчас оно представлялось ему просто убогим. За эти два года он успел привыкнуть к стеклу и фаянсу 575-го, к царившему там культу чистоты. Ему стал близок этот мир ясности и белизны с редкими бликами пастельных тонов. Тяжелые гипсовые завитушки, кричащие краски, разноцветные металлические конструкции 482-го казались ему отвратительными.

Даже Финж казался другим, пониже ростом. Два года назад Наблюдателю Харлену каждый жест Финжа представлялся зловещим и величественным. Теперь, с недостижимой высоты положения Техника Финж выглядел жалким и потеряннным. Харлен спокойно ждал, пока Вычислитель

кончит рыться в груди перфолент и поднимет голову с видом человека, решившего, что он уже заставил посетителя прождать положенное время.

Харлен узнал от Твиссела, что Финж родился в энергетическом 600-м Столетьи, и это во многом объясняло его поведение. Частые вспышки раздражительности могли быть следствием постоянного чувства неуверенности грузного человека, которому вместо прочных силовых полей приходится иметь дело лишь с хрупкой материей. Кошачья крадущаяся походка Финжа хорошо запомнилась Харлену; часто он, подняв голову от стола, вдруг замечал глядящего на него Вычислителя, приближение которого всегда было неслышным. Сейчас Харлену казалось, что Финж ходит медленно и осторожно, боясь, что под его тяжестью провалится пол.

“Он плохо подходит этому Сектору, — с добродушной снисходительностью подумал Харлен. — Только новое назначение может ему помочь”.

— Здравствуйте, Техник Харлен, — наконец произнес Финж.

— Здравствуйте, Вычислитель.

— Похоже, за эти два года вы...

— Два биогода, — поправил его Харлен. Финж удивленно взглянул на него.

— Два биогода, конечно.

Время в обычном понимании этого слова не существовало внутри Вечности, но человеческие тела продолжали стареть, и это старение служило неумолимой мерой Времени даже при отсутствии его в физическом смысле. Биологическое Время продолжало идти, и за один биогод в Вечности человек старел так же, как и за обычный год во Времени.

Однако даже самые педантичные из Вечных редко вспоминали об этом различии. Было слишком удобно говорить “увидимся завтра” или “вчера я вспоминал о вас”, или “встретимся на той неделе”, как будто “вчера”, “завтра” или “будущая неделя” в самом деле существовали в физическом смысле. Для удовлетворения человеческих инстинктов Вечность делили на условные “сутки”, состоящие из двадцати четырех биочасов, с формальным разделением на “день” или “ночь”, “сегодня” и “завтра”.

— За два биогода, прошедших после вашего отъезда, — продолжал Финж, — в 482-м появились признаки кризиса. Ситуация очень необычная, чрезвычайно щекотливая и почти беспрецедентная. Мы никогда еще так остро не нуждались в точных Наблюдениях.

— Вы собираетесь использовать меня как Наблюдателя?

— Да. Конечно, это расточительно — просить Техника поработать простым Наблюдателем, но ваши прежние Наблюдения были совершенны по своей четкости и проницательности. Именно это нам сейчас нужно. А теперь я обрисую некоторые детали...

Но Харлен так и не узнал тогда, что это были за детали. Как только Финж заговорил, открылась дверь, и он уже ничего не слышал

Он смотрел на вошедшую в комнату девушку.

Нельзя сказать, что Харлен никогда не видел в Вечности женщин. Никогда — слишком сильное слово. Очень редко — так будет вернее.

Но такая девушка! И где — в Вечности!

В странствиях по Времени Харлен насмотрелся на женщин, но там они были для него почти неодушевленными предметами, как стены и потолки, чашки и ложки, столы и стулья. Они были всего лишь фактами, подлежащими Наблюдению.

В Вечности девушка воспринималась совсем иначе. Да еще такая!

Она была одета в аристократическом стиле 482-го. Выше талии лишь прозрачная накидка, а ниже — короткие бриджи из тонкого материала, темные и прекрасно подчеркивающие все соблазнительные изгибы.

Иссиня-черные волосы свободно падали ей на плечи. Тонкая линия помады на верхней губе и толстая на нижней придавали ей слегка капризное выражение. Ее веки и мочки ушей были подкрашены розовым, что оттеняло молочную белизну юного, почти детского лица. С плечей спускались драгоценные подвески, которые тихонько позвякивали, как бы привлекая внимание к совершенной форме ее груди.

Она присела за маленький столик, стоящий в углу кабинета Финжа, и за все время лишь однажды подняла глаза, скользнув по лицу Харлена быстрым взглядом.

Когда Харлен вновь услышал голос Финжа, Вычислитель уже заканчивал:

— Все эти сведения вы найдете в официальном отчете, а пока можете занять свою старую квартиру и прежний кабинет.

Харлен очнулся за дверью кабинета Финжа, совершенно не помня, как он оказался там. Наверное, просто вышел.

Чувство, охватившее его, легче всего было определить как возмущение. Ради Времени, нельзя позволять Финжу выделять такое! Это издевательство над...

Придя в себя, он разжал кулаки и перестал стискивать челюсти. Надо в этом разобраться, и немедленно! Он решительно направился к столу Связиста; шум собственных шагов гулко отдавался в его ушах.

Связист поднял голову и, стараясь не встречаться взглядом с Техником, осторожно произнес:

— Слушаю, сэр.

— Та женщина в кабинете у Финжа, — спросил Харлен, — она что, новенькая?

Он хотел спросить об этом как бы между прочим. Хотел, чтобы его тон показался безразличным и скучающим. Но его слова прозвучали как удар цимбал.

Связист словно пробудился. Выражение его глаз напоминало о каком-то мужском братстве, в котором даже Техник мог сойти за своего парня.

— Вы имеете в виду эту малышку? Ух ты! Хороша, правда?

— Отвечайте на вопрос, — процедил сквозь зубы Харлен.

Сразу потеряв свой пыл, Связист отвел глаза.

— Она новенькая. Временница.

— И чем она занимается?

По лицу Связиста медленно расползлась плотоядная ухмылка.

— Считается, что она секретарша босса. Ее имя — Нойс Ламбент.

— Ясно. — Харлен резко повернулся и вышел.

Первая вылазка Харлена в 482-е Столетие состоялась на следующий день и продолжалась ровно тридцать минут. Судя по всему, она была чисто ознакомительной и должна была помочь ему проникнуться духом Столетия. На следующий день он пробыл во Времени полтора часа. Третий день оказался свободным. Он воспользовался им, чтобы просмотреть свои старые отчеты, освежить знание языка, снова привыкнуть к местным костюмам.

За эти два биогода в 482-м произошло лишь одно Изменение Реальности, к тому же очень небольшое. Политическая клика, бывшая у власти, перешла в оппозицию, но в обществе это не вызвало никаких перемен.

Не вполне понимая причин, Харлен перерыл свои старые отчеты в поисках сведений об аристократах. Конечно же, он Наблюдал их.

Но Наблюдения, которые он отыскал, оказались сухими и безличными. В них шла речь о классе, а не об отдельных людях. Конечно, никакие пространственно-временные правила не требовали от него Наблюдать аристократию в ее собственном кругу. Сейчас он был зол на себя за подобное любопытство.

За эти три первых дня Нойс Ламбент попала ему на глаза четыре раза. При первой встрече он заметил только ее костюм и украшения. Теперь он разглядел, что она была на полголовы ниже его, но казалась выше своих

пяти футов и шести дюймов благодаря стройной фигуре и грациозной осанке. Она была старше, чем ему сперва показалось, ближе к тридцати, во всяком случае больше двадцати пяти.

Держалась она сдержанно и скромно. Встретив как-то Харлена в коридоре, она улыбнулась и потупила глаза. Он резко отстранился, чтобы не коснуться ее, и сердито зашагал дальше.,

В конце третьего дня Харлен пришел к выводу, что долг Вечного оставляет ему лишь одну возможность. Конечно, Нойс Ламбент вполне довольна своим положением. Без сомнения, действия Финжа не нарушают буквы закона. Но неблагоприятие Фишка, его вызывающее поведение противоречат духу закона, и с этим надо что-то делать.

Харлен подумал, что во всей Вечности ни один человек еще не вызывал у него такой антипатии, как Финж. Он совсем позабыл, что еще два дня назад он готов был великодушно простить Вычислителя.

Утром четвертого дня Харлен обратился к Финжу с просьбой о неофициальной встрече и получил разрешение. Решительно войдя в кабинет, он, к собственному удивлению, с первых же слов приступил к сути:

— Вычислитель Финж, я советую вам вернуть мисс Ламбент в ее Время.

Финж сощурил глаза, кивком головы указал Харлену на кресло и, подперев ладонями свой пухлый подбородок, улыбнулся углами губ.

— Да вы садитесь, Харлен. Садитесь. Значит, вы считаете мисс Ламбент некомпетентной? Думаете, она не справляется со своими обязанностями?

— Справляется она или нет, я не могу сказать. Для этого надо знать, в чем эти обязанности заключаются. Но вы должны понять, что она дурно влияет на нравы Сектора.

Финж слушал, глядя на него отсутствующим взглядом, словно его мозг Вычислителя был занят в этот момент решением проблем, недоступных рядовым Вечным.

— В чем же выражается ее дурное влияние, Техник?

— Что за нужда об этом спрашивать? — воскликнул Харлен с растущим негодованием. — Ее костюм чересчур откровенен, ее...

— Постойте, постойте. Подождите хоть немного, Харлен. Вы были Наблюдателем в 482-м и знаете, что она одета в обычный костюм ее эпохи.

— В ее Времени, в ее собственной культурной среде подобная одежда, может быть, и допустима, хотя я должен заметить, что она одета чересчур вызывающе даже для 482-го. Позвольте мне судить об этом. Здесь же, в

Вечности, таким, как она, не место.

Финж медленно покивал головой. Казалось, этот разговор забавляет его.

— Она находится здесь с определенной целью. Она выполняет специальное задание. Это не продлится долго. А пока попробуйте как-нибудь примириться с ее присутствием.

У Харлена задрожал подбородок. Его протест обернулся против него самого. К черту осторожность! Сейчас он прямо выскажет свои мысли.

— Я могу вообразить, в чем заключается “специальное задание” этой женщины. Но непозволительно держать ее здесь так открыто.

Он неуклюже повернулся и направился к двери, но голос Финжа остановил его.

— Послушайте, Техник, ваши отношения с Твисселом могли внушить вам преувеличенное мнение о важности вашей персоны. Вы заблуждаетесь. Кстати, скажите-ка, Техник, у вас была когда-нибудь... — он остановился, подбирая подходящее слово, — подружка?

По-прежнему стоя к нему спиной, Харлен с оскорбительной точностью и четкостью процитировал Устав:

— “В интересах избежания излишней привязанности к Времени Вечный не должен жениться. Во избежание излишней привязанности к семье Вечный не должен иметь детей”.

— Я спрашивал не о семье и не о детях, — весомо произнес Вычислитель.

Харлен продолжал цитировать:

— “Непродолжительные союзы с женщинами из Времени могут заключаться только с одобрения Центрального расчетного бюро при Всевременном Совете при наличии благоприятного Плана Судьбы. Встречи лиц, состоящих в союзе, должны протекать в строгом соответствии с пространственно-хронологическими инструкциями”.

— Совершенно верно. Обращались ли вы за разрешением на такой союз, Техник?

— Нет, Вычислитель.

— Собираетесь?

— Нет, Вычислитель.

— А не мешало бы. Это расширит ваш кругозор. Вы будете обращать меньше внимания на детали женского туалета и меньше интересоваться воображаемыми интимными связями других Вечных.

Задыхаясь от ярости, Харлен выскочил из кабинета.

Вылазки в 482-е с каждым днем давались Харлену все труднее, хотя их

продолжительность пока не превышала двух часов. Он был выведен из себя и знал причину этого. Финж! Финж с его непрошеными циничными советами относительно союзов с Временницами.

Союзы существовали. Все знали это. Вечность сознавала необходимость компромисса с человеческими инстинктами (сама эта фраза звучала для Харлена омерзительно), но ограничения, связанные с выбором любовницы, лишали компромисс даже тени романтики и свободы. Немногим счастливым, удостоившимся разрешения, рекомендовалось не распространяться об этом — из соображений приличия и во избежание зависти всех прочих.

Среди Вечных низшего ранга, особенно среди Работников, постоянно ходили полузавистливые, полувозмущенные слухи о женщинах, периодически изымаемых из Времени с известной целью. В качестве героев подобных историй молва обычно называла Вычислителей и Планировщиков. Только они были способны определить, какая из женщин может быть похищена без риска вызвать серьезное Изменение Реальности.

Менее лакомой пищей для языков служили не столь сенсационные сплетни, связанные с кухарками и горничными, которых каждый Сектор нанимал на определенный срок в своем Столетии (при благоприятных пространственно-хронологических данных) для приготовления пищи, уборки и прочей грубой работы.

Но взять Временницу, да еще такую, как Нойс, в “секретарши” было со стороны Финжа прямым издевательством над идеалами, делавшими Вечность тем, чем она была.

Несмотря на мелкие уступки человеческой природе, на которые Вечные шли, будучи людьми практичными, идеалом Вечного по-прежнему был человек, живущий исключительно ради дела, которому он служит, для улучшения Реальности и увеличения суммы человеческого счастья. Харлену нравилось думать, что Вечность похожа в этом отношении на монастыри Первобытной эпохи.

Ночью Харлену приснилось, как он рассказывает обо всем Твисселу, и Твиссел, идеальный Вечный, разделяет его ужас. Ему снилось, как он с желтой нашивкой Вычислителя на плече наводит порядок в Секторе и великодушно направляет разжалованного, сломленного Финжа в Работники. Ему снилось, что Твиссел сидит рядом с ним и с восхищенной улыбкой рассматривает составленную им новую схему организации — четкую, последовательную, без единого изъяна.

Ему снилось, как он вызывает Нойс Ламбент и просит ее размножить копии. Однако Нойс Ламбент во сне оказалась обнаженной, и Харлен

проснулся в холодном поту, дрожащий и пристыженный.

Как-то он повстречался с Нойс в коридоре и, опустив глаза, посторонился, чтобы пропустить ее.

Но девушка остановилась, глядя на него в упор так, что ему поневоле пришлось поднять глаза и встретить ее взгляд. Она казалась воплощением яркости и жизни, и Харлен ощутил слабый запах ее духов.

— Вас зовут Техник Харлен, не правда ли? — спросила она.

Первым его побуждением было наругать ей, даже оттолкнуть, но потом он подумал, что она, собственно, ни в чем не виновата. К тому же оттолкнуть ее значило прикоснуться к ней.

— Да, — сухо кивнул он в ответ.

— Я слышала, что вы крупный специалист по нашему Времени.

— Мне случалось в нем бывать.

— Как бы я хотела узнать, что вы думаете о нас!

— Я очень занят. У меня нет времени.

— О, Техник Харлен, я уверена, что у вас найдется время.

Она улыбнулась ему.

Хриплым шепотом Харлен произнес:

— Проходите, прошу вас. Или дайте пройти мне. Пожалуйста!

Она двинулась прочь, и от плавного покачивания ее бедер у Харлена кровь прихлынула к щекам.

Он злился на нее за то, что она смутила его, злился на себя за это смущение, но больше всего по какой-то непонятной причине он злился на Финжа.

Финж вызвал к себе Харлена в конце второй недели. По длине и сложности рисунка лежавшей на столе перфоленты Харлен догадался, что на этот раз речь пойдет не о получасовой прогулке по Времени.

— Садитесь, Харлен, и просмотрите, пожалуйста, свое задание, — сказал Финж. — Нет, не с ленты. Воспользуйтесь дешифратором.

Чуть приподняв брови, Харлен с безразличным видом вставил ленту в щель аппарата на столе Финжа. По мере того как она медленно вползала внутрь, на дымчато-белом прямоугольнике экрана возникали слова.

Где-то посередине Харлен вдруг резким движением выключил дешифратор и выдернул ленту с такой силой, что разорвал крепкий целлулоид.

— У меня есть копия, — спокойно произнес Финж.

Но Харлен продолжал сжимать обрывки двумя пальцами вытянутой руки, словно боялся, что они вот-вот взорвутся.

— Вычислитель Финж, это какая-то ошибка. Я не могу почти неделю

использовать дом этой женщины как базу для пребывания во Времени.

Финж поджал губы.

— Можете, если этого требует пространственно-временная инструкция. Если ваши личные проблемы с мисс Ламб...

— Нет никаких личных проблем, — с жаром прервал его Харлен.

— Ну, какие-то есть. В создавшейся ситуации я даже готов в виде исключения объяснить вам некоторые аспекты стоящих перед нами задач Наблюдения. Конечно, это нельзя рассматривать как прецедент.

Харлен сидел неподвижно, но мысли его летели с быстротой молнии. Профессиональная гордость требовала от него отказа от всяких объяснений. Наблюдатели (или Техники) делали свое дело, не задавая вопросов. В обычных обстоятельствах Вычислителю и в голову бы не пришло что-то объяснять.

Но сейчас обстоятельства были не совсем обычными. Харлен был недоволен присутствием девушки, так называемой секретарши. Финж боится, что это недовольство может зайти слишком далеко.

“Бежит виновный, хоть погони нет”, — со злорадным удовлетворением подумал Харлен, пытаясь вспомнить, у кого из древних авторов он прочел эту фразу.

Тактика Финжа была проста. Поместив Харлена в дом этой женщины, он сможет в случае необходимости выдвинуть против него любые контрбвинения и опровергнуть тем самым правоту Харлена. Поэтому он должен знать, под каким предлогом Финж хочет заставить его провести неделю в доме Нойс. Харлен слушал с плохо скрытым презрением.

— Как вам известно, — начал Финж, — многие Столетия знают о существовании Вечности. Они знают, что мы занимаемся межвременной торговлей и видят в этом нашу главную цель, что нам полезно. Кроме того, ходят туманные слухи, что мы должны спасти человечество от грозящей ему катастрофы. Это не более чем суеверие, но поскольку оно более или менее соответствует истине, оно также полезно. Мы обеспечиваем многие поколения идеями отеческой заботы и уверенности в будущем. Вам это понятно, не так ли?

Харлен молча кивнул — неужели Финж принимает его за Ученика?

— Существуют, однако, вещи, о которых они не должны знать. И в первую очередь о том, как мы при необходимости изменяем Реальность. Потеря уверенности в завтрашнем дне, вызванная знанием об этом, стала бы чрезвычайно болезненной. Поэтому необходимо вычеркивать из Реальности любые факторы, которые могли бы дать Временам подобное знание. Мы всегда старались делать это. Тем не менее то в одном, то в

другом Столетьи временами зарождаются нежелательные поверья относительно Вечности. Обычно они возникают среди правящих классов, то есть тех людей, которые чаще сталкиваются с нами и оказывают наибольшее влияние на то, что называют общественным мнением.

Финж сделал паузу, словно ожидая реплики или вопроса, но Харлен промолчал.

— С тех пор как приблизительно год... биогод назад произошло Изменение Реальности 433–486, серийный номер Ф-2, появились признаки возникновения в данной Реальности подобного нежелательного поверья. Я сделал некоторые заключения о его природе и представил их Всевременному Совету. Однако Совет считает, что я исхожу из предпосылок, вероятность которых очень мала, и требует, чтобы мои исходные данные были бы подтверждены прямым Наблюдением. Это очень деликатная работа, и поэтому я попросил направить в мое распоряжение именно вас. Поэтому же Вычислитель Твиссел согласился удовлетворить мою просьбу. Следующим моим шагом было найти аристократку, которая бы мечтала о работе в Вечности. Я сделал ее своей секретаршей и находился с ней в тесном контакте, чтобы выяснить, насколько она пригодна для наших целей...

“Да уж, контакт был тесным!” — подумал Харлен. Его гнев был снова обращен не столько против Нойс, сколько против самого Финжа.

Финж между тем продолжал говорить:

— По всем признакам она нам подходит. Сейчас она будет возвращена в ее Время. Используя ее дом в качестве базы, вы сможете без труда изучить жизнь людей ее круга. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему эта девушка находилась здесь и почему вам необходимо прожить несколько дней в ее доме?

— Уверяю вас, я все отлично понимаю, — ответил Харлен, почти не скрывая иронии.

— Значит, вы принимаете это поручение.

Харлен вышел из кабинета с воинственным пылом в сердце. Финжу не удастся перехитрить его. Он не позволит делать из себя дурака.

Конечно, только этот воинственный пыл и твердая решимость перехитрить Финжа были причиной того радостного возбуждения, которое охватило Харлена при мысли о предстоящей вылазке в 482-е.

Только это и ничего больше.

Глава 5. НОЙС

Поместье Нойс Ламбент было тихим и уединенным, хоть и находилось

рядом с крупнейшим городом Столетия. Харлен хорошо знал этот город, намного лучше, чем любой из его обитателей. Работая Наблюдателем, он посетил здесь каждый квартал и каждое десятилетие.

Он знал город не только в Пространстве, но и во Времени. Он представлял его себе как единое целое, как живущий и растущий организм с его взлетами и падениями, радостями и бедами. Сейчас ему предстояло прожить в этом городе неделю — краткое мгновенье в долгой жизни существа из стали и бетона.

В этот раз его исследования все ближе и ближе подходили к перизкам — самым влиятельным гражданам города, которые предпочитали жить в своих загородных имениях, вдали от шума и суеты.

482-е было одним из многих Столетий, в которых богатство распределялось крайне неравномерно. Социологи объясняли это явление при помощи специального уравнения, которое Харлен не раз видел, но понимал только в общих чертах. В любом Столетии оно рассчитывалось по трем показателям, и в 482-м эти показатели стояли на самой грани допустимого. Социологи только качали головами и жаловались, что если новые Изменения не улучшат положения дел, то потребуются самые “тщательные Наблюдения”.

Однако неравномерное распределение богатства имело свои преимущества. Оно вело к возникновению праздно живущего обеспеченного класса, который в лучшую свою пору покровительствовал искусствам и наукам. И пока на другом конце социальной лестницы все шло не так плохо, пока имущие классы не совсем забывали о своих обязанностях, наслаждаясь привилегиями, пока культура не принимала откровенно упадочных форм, Вечные предпочитали закрывать глаза на отклонения от равномерного распределения благ и занимались исправлением менее привлекательных периодов истории.

Против собственного желания Харлен смирился с таким положением. Его прежние ночевки во Времени обычно проходили в гостиницах, расположенных в беднейших кварталах города, в трущобах, где человек легко мог остаться незамеченным, где одним человеком больше или меньше — ровно ничего не значило, и где присутствие Наблюдателя не грозило прорвать ткань Реальности. Однако порой и это было небезопасным, и тогда Харлену приходилось ночевать где-нибудь в поле, под живой изгородью. У него даже вошло в привычку заранее подбирать изгородь, реже других посещаемую по ночам фермерами, бродягами или бездомными собаками.

Но сейчас Харлен оказался на другом краю лестницы и нежился в

постели, сделанной из вещества, пронизанного силовым полем, — уникального соединения вещества и энергии, доступного лишь высшим слоям этого общества. В длинной цепи Столетий такая вещь встречалась реже, чем просто материя, хотя и чаще, чем чистая энергия. В любом случае постель была на редкость удобной — она принимала форму тела, когда он ложился, была твердой, но поддавалась при малейшем движении.

Харлен с неохотой признал привлекательность подобных вещей, однако согласился с мудростью, известной в любом Секторе Вечности, — лучше жить в среднем по развитию этапе Столетия, чем на его самом комфортабельном уровне. Это обеспечивало лучшее знание и ощущение Столетия, не давало целиком отождествить себя с верхушкой общества.

В тот вечер Харлен впервые подумал, что быть аристократом все-таки приятно.

Уже засыпая, он вспомнил о Нойс. Ему снилось, что он заседает во Всевременном Совете и, скрестив руки, глядит вниз на маленького, очень маленького Финжа, а тот в ужасе выслушивает приговор, обрекающий его на вечное Наблюдение в одном из неведомых Столетий далекого-далекого будущего. Суровые слова приговора слетают с губ Харлена, а справа от него сидит Нойс Ламбент.

Вначале он ее не заметил, но теперь он все чаще и чаще искоса поглядывает направо, и голос его срывается.

Неужели ее никто не видит? Члены Совета смотрят куда-то вдаль, и только Твиссел улыбается Харлену, глядя сквозь Нойс, словно ее нет.

Харлен приказывает ей уйти, но слова застывают у него на губах. Он хочет оттолкнуть ее, но рука еле двигается, и он лишь слегка касается девушки. Ее плоть холодна, как лед.

Финж начинает смеяться... громче... громче...

И вдруг он понимает, что это смеется Нойс. Харлен открыл глаза и несколько секунд в ужасе глядел на девушку, прежде чем вспомнил, где он находится и как сюда попал. Комната была залита ярким солнечным светом.

— Вам приснилось что-то плохое? — спросила Нойс. — Вы стонали во сне и колотили по подушке.

Харлен промолчал

— Ванна готова. И одежда тоже. Я принесла вам приглашение на сегодняшний вечер. Как странно снова вернуться к прежней жизни после такого долгого пребывания в Вечности!

Этот поток слов встревожил Харлена.

— Надеюсь, вы никому не сказали, кто я?

— Конечно, нет.

“Конечно, нет”. Финж должен был позаботиться о такой мелочи и сделать ей внушение под наркозом. Впрочем, он мог посчитать такую предосторожность излишней. Ведь он находился в “тесном контакте” с нею. Эта мысль была неприятна Харлену.

— Я прошу вас общаться со мной как можно меньше, — раздраженно проговорил он.

Нойс нерешительно смотрела на него пару секунд, потом вышла. В мрачном расположении духа Харлен принял ванну и оделся. Предстоящий вечер не сулил ему особых развлечений. Он постарается ничего не говорить, ничего не делать и по мере сил сливаться с обстановкой. От него требовались только глаза и уши, сочетание которых с его мыслительными способностями даст в результате итоговый отчет.

Обычно он не задумывался, какую цель преследуют его Наблюдения. Еще будучи Учеником, он усвоил, что Наблюдателю не полагается знать, зачем он послан и какие выводы будут сделаны из его донесений. Любое знание автоматически искажает его видение, каким бы беспристрастным он ни старался быть.

Но сейчас неведение раздражало его. В глубине души Харлен был уверен, что Наблюдать нечего и что Финж в каких-то своих целях просто играет им. И все это из-за Нойс...

Свирепо взглянув на свое трехмерное изображение, аккуратно воссозданное отражателем в двух футах от него, он пришел к выводу, что яркие, тесно облегающие одежды делают его смешным.

Харлен заканчивал завтрак, принесенный ему роботом, когда в комнату ворвалась Нойс Ламбент.

— Техник Харлен, — воскликнула она, задыхаясь от быстрого бега, — сейчас июнь!

— Не упоминайте здесь моего звания, — строго предупредил Харлен. — Ну и что с того, что сейчас июнь?

— Но ведь я поступила на работу... — она сделала паузу, — туда в феврале, а это было всего месяц назад.

Харлен нахмурился

— Какой теперь год?

— О, год правильный.

— Вы уверены?

— Совершенно. А что, произошла ошибка? — Его раздражала ее манера разговаривать, стоя почти вплотную к собеседнику, а легкая шепелявость (свойственная, правда, не только ей, но и всему Столетию)

делала ее речь похожей на лепет маленького и беспомощного ребенка. Он отстранился.

— Никакой ошибки нет. Вас поместили в этот месяц, потому что так надо. Во Времени вы жили здесь постоянно.

— Но как это может быть? — Она выглядела испуганной. — Я ничего не помню. Разве я раздваивалась?

Харлен был раздражен больше, чем следовало. Он не мог толком объяснить ей природу микроизменений, вызываемых любым передвижением во Времени, которые меняли судьбу человека без существенных последствий для Столетия в целом. Даже Вечные порой путали микроизменения с Изменениями, которые существенно меняли Реальность.

— Вечность знает, что делает. Не задавайте ненужных вопросов, — произнес он с такой важностью, словно был Старшим Вычислителем и лично решил, что июнь самый подходящий месяц в году и микроизменение, вызванное скачком в три месяца, не перерастет в Изменение.

— Но ведь я потеряла три месяца жизни, — не унималась Нойс.

Харлен вздохнул.

— Ваши передвижения во Времени не имеют никакого отношения к вашему биологическому возрасту.

— Так я потеряла или не потеряла?

— Что именно?

— Три месяца жизни.

— Ради Времени, женщина, я же вам ясно говорю, что вы не потеряли никакого времени. Вы не можете ничего потерять — Последние слова он почти прокричал.

Нойс испуганно отступила назад и вдруг захихикала:

— У вас такой смешной акцент! Особенно когда вы сердитесь.

Харлен растерянно смотрел, как она уходит. Почему смешной? Он говорит на языке пятидесятого тысячелетия не хуже любого в их Секторе. Даже лучше. Глупая девчонка!

Он вдруг обнаружил, что снова стоит у отражателя, глядя на свое изображение, а изображение, наморщив лоб, глядит на него. Разгладив морщины, он подумал: “Красивым меня не назовешь. Глаза маленькие, уши оттопырены, а подбородок чересчур велик”

Никогда прежде он не задумывался над такими вещами, но сейчас ему неожиданно показалось, что, наверное, красивым быть приятно.

Поздно вечером Харлен по свежим следам дополнял записанные им

разговоры своими заметками. Как всегда в таких случаях, он работал с молекулярным фонографом, изготовленным в 55-м Столетии. Это был маленький цилиндрик не больше четырех дюймов длиной, окрашенный в неброский темно-коричневый цвет. Его легко было спрятать в манжету, карман или за подкладку в зависимости от стиля одежды или же привесить к поясу, пуговице или браслету.

Но где бы и как бы он ни был спрятан, на каждом из трех его молекулярных уровней можно было записать до двадцати миллионов слов. Крохотные наушники и микрофон, соединенные с фонографом волновой связью, позволяли Харлену слушать и говорить одновременно.

Вслушиваясь в каждый звук, произнесенный за несколько часов “вечеринки” и записанный на первом уровне устройства, Харлен диктовал свои заметки, которые фиксировались на втором уровне. Здесь он описывал свои впечатления, давал пояснения и комментарии. Позднее он воспользуется этим же фонографом, чтобы на третьем уровне записать свое донесение в виде развернутой реконструкции событий.

Вошла Нойс Ламбент, никак не оповестив о своем появлении.

Раздосадованный Харлен демонстративно снял микрофон и наушники, поместил их внутрь цилиндрика, вложил его в футляр и резко захлопнул крышку.

— Почему вы злитесь на меня? — спросила Нойс. Ее руки и плечи были обнажены; длинные ноги светились в окутывавшем их мягком пенолоне.

— Я совсем не злюсь. И вообще не испытываю к вам никаких чувств. — В эту минуту он был совершенно искренен.

— Вы все работаете? Должно быть, устали?

— Я не могу работать, пока вы здесь, — брюзгливо ответил Харлен.

— Нет, вы злитесь! За весь вечер вы даже слова мне не сказали.

— Я вообще старался ни с кем не говорить. Меня не для этого сюда прислали. — Всем своим видом он показывал, что ждет ее ухода.

Однако она сказала:

— Я принесла вам выпить. Вам, кажется, понравился этот напиток на вечеринке. Но одного бокала мало. Особенно если вы хотите еще работать.

Он заметил позади нее маленького робота с бокалом на подносе, который тут же заскользил к нему по гладкому полу.

За ужином Харлен ел умеренно, но перепробовал почти все блюда. Они были знакомы ему по прежним Наблюдениям, хотя раньше он всегда воздерживался от них, ограничиваясь дегустацией с исследовательской целью. Против воли он признался себе, что ему понравились эти кушанья,

понравился пенистый светло-зеленый, чуть пахнувший мятой напиток (не алкогольный, какой-то другой), который пользовался среди гостей большим успехом. Два биогода назад, до последнего Изменения Реальности, этого напитка не существовало.

Он взял у робота бокал, поблагодарив Нойс сухим кивком.

Интересно все-таки, почему Изменение Реальности, которое практически никак не сказалось на жизни Столетия, принесло с собой новый напиток? Впрочем, что толку задавать подобные вопросы — ведь он не Вычислитель. Кроме того, даже самые подробные вычисления никогда не смогут предусмотреть всего, учесть все случайные эффекты. Иначе для чего нужны были бы Наблюдатели?

Он и Нойс были одни в доме. Домашние роботы вот уже два десятилетия находились на пике популярности, и мода на них сохранится еще лет десять. Поэтому живых слуг поблизости не было.

Конечно, с точки зрения Нойс и ее современников, в том, что они остались вдвоем, не было ничего “непристойного”; женщина этой эпохи наслаждалась полной экономической независимостью и при желании могла стать матерью, не зная тягот беременности.

И все же Харлену было неловко.

Девушка вытянулась на софе, опершись на локоть. Узорное покрывало софы податливо прогибалось под ней, словно с жадностью поглощая ее тело. Она сбросила свои прозрачные туфли, и под мягким пенолоном было видно, как пальцы ее ног сгибаются и разгибаются, напоминая коготки игривого котенка.

Она потрянула головой, и ее черные волосы, уложенные над ушами причудливым образом, неожиданно рассыпались по обнаженным плечам, которые теперь казались Харлену еще белее и очаровательнее.

— Сколько вам лет? — промурлыкала она.

Отвечать ему не следовало ни в коем случае. Это был личный вопрос, ответ на который совершенно ее не касался. Он должен был сказать вежливо, но твердо: “Позвольте мне продолжать мою работу”. Вместо этого он вдруг услышал свое невнятное бормотание:

— Тридцать два.

Разумеется, он имел в виду биогоды.

— Я моложе, — сказала она. — Мне двадцать семь. Но я знаю, что недолго буду выглядеть такой. Скоро я стану старухой, а вы останетесь таким же, как сейчас. А почему вы выбрали тридцать два года? Разве вы не можете изменить свой возраст? Почему бы вам не стать чуточку помоложе?

— О чем вы говорите? — Харлен потер лоб рукой, пытаясь прояснить

ум.

— Вы никогда не умрете, — тихо произнесла она, — ведь вы Вечный. Что это — вопрос или утверждение?

— Вы с ума сошли, — ответил он. — Мы стареем и умираем, как все люди.

— Рассказывайте, — протянула она низким насмешливым голосом.

Как мелодично звучал в ее устах язык пятидесятого тысячелетия, всегда казавшийся Харлену грубым и неприятным! Впрочем, может быть, полный желудок и напоенный ароматом воздух притупили его слух?

— Вы можете видеть все Времена, посещать все места на Земле. Я так мечтала работать в Вечности. Сколько пришлось ждать, пока мне разрешили. Я надеялась, что меня тоже сделают Вечной, и вдруг узнала, что там одни мужчины. Некоторые из них не хотели разговаривать со мной только потому, что я женщина. И вы тоже не хотели разговаривать.

— Мы очень заняты, — растерянно пробормотал Харлен, борясь с ощущением расслабляющего довольства. — И я был занят.

— А почему среди Вечных нет женщин?

Харлен не настолько доверял себе, чтобы ответить. Да и что он мог сказать? Члены Вечности подбираются с крайней тщательностью и должны отвечать по крайней мере двум условиям. Во-первых, от них требуется наличие необходимых способностей, и, во-вторых, их изъятие из Времени не должно вредно отразиться на Реальности.

Реальность! Этого слова не следовало упоминать ни в коем случае. Комната медленно поплыла перед ним, и он прикрыл глаза, пытаясь остановить ее вращение.

Сколько блестящих кандидатур осталось нетронутыми во Времени только потому, что их изъятие означало бы, что кто-то не родится, не умрет, не женится, не будет счастлив и последствия будут настолько ужасны, что Всевременной Совет никак не мог этого допустить.

Разве можно было рассказать ей все это? Конечно, нет. Разве мог он объяснить, что женщины почти никогда не удовлетворяли поставленным условиям, потому что по каким-то недоступным его пониманию причинам — может быть, Вычислители и понимали их, но он — нет, — изъятие женщины из Реальности влекло за собой в десять или в сто раз худшие последствия, чем изъятие мужчины.

Мысли смешались в голове у Харлена; они разбегались, кружились и снова сплетались в странные, нелепые, но в чем-то приятные образы. Улыбающееся лицо Нойс было рядом с ним.

Ее голос доносился до него, как легкое дуновение ветерка.

— О, эти Вечные! У вас столько тайн. Ни с кем не хотите делиться. Сделай меня Вечной!

Ее слова теперь сливались в его мозгу в одну неумолкающую музыкальную ноту.

Он хотел, он жаждал сказать ей: “Вечность не развлечение. Мы работаем. Мы изучаем до малейших подробностей все Времена с основания Вечности и до последних дней Земли, мы пытаемся рассчитать неосуществленные возможности, а число их бесконечно, но среди них нам надо отыскать самые лучшие, а затем мы ищем момент Времени, когда ничтожное действие превратит эту возможность в действительность, но и лучшая действительность не предел, и мы снова ищем новые возможности, и так без конца, с тех пор как в Первобытном 24-м Виккор Маллансон открыл Темпоральное поле, после чего стало возможным основать Вечность в 27-м, таинственный Маллансон, который взялся неведомо откуда и фактически основал Вечность... и новые возможности... и так без конца... вечно... снова и снова...”.

Он потряс головой, но мысли по-прежнему неслись вихрем, их сочетания становились все причудливее и фантастичнее, пока не взорвались в его мозгу безумной догадкой... а потом погасли.

Он пытался удержать это мгновенье, но его унесло течением. Неужели это все мятный напиток?

Нойс придвинулась еще ближе, так, что он уже не мог сквозь туман ясно разглядеть ее лицо. Он чувствовал легкое прикосновение ее волос к своим щекам, тепло ее дыхания. Он должен был встать и уйти, но — странно, очень странно — ему не хотелось этого делать.

— Если бы я стала Вечной... — шептала она так тихо, что удары его сердца почти заглушали слова. Ее влажные губы были приоткрыты. — Сделай меня Вечной!..

Он не понимал смысла ее слов, но внезапно это стало неважно. Все вокруг будто охватило пламя. Он неуклюже вытянул вперед руки, крепко прижал ее к себе. Она не сопротивлялась, сливаясь с ним.

Все происходило как будто во сне, как будто с кем-то другим.

Это оказалось совсем не таким отвратительным, как представлялось ему прежде. Это было шоком, откровением, но совсем не отталкивало.

Потом она прильнула к нему, прикрыв глаза и слегка улыбаясь, а он медленно гладил ее влажные черные волосы, дрожа от счастья.

Теперь она сделалась в его глазах совсем другой. Она уже не была женщиной, не была другим, отдельным человеком. Станным и неожиданным образом она сделалась частью его самого.

Случившееся не было предусмотрено никакой пространственно-временной инструкцией, но Харлен не ощущал никакой вины. Только мысль о Финже пробудила в нем сильное чувство. И это была вовсе не вина.

Это было удовлетворение, даже торжество!

В ту ночь Харлен долго не мог уснуть. Бездумная легкость постепенно рассеялась, но ощущение необычности происходящего не покидало его. В первый раз за всю свою взрослую жизнь он лежал в постели с женщиной.

Он слышал сонное дыхание Нойс; мягкий свет, исходящий от стен и потолка, позволял различить рядом ее силуэт.

Ему достаточно было протянуть руку, чтобы ощутить теплоту и мягкость ее плоти, но он не смел пошевелиться, боясь разбудить ее. Ему даже почудилось, что она видит во сне себя и его, и то, что произошло между ними, и если она вдруг проснется, все это может исчезнуть.

Эта мысль казалась остатком тех необычных, фантастических мыслей, что кружились недавно в его мозгу...

Странные мысли, порожденные необузданной фантазией, лежащие за гранью рассудка. Он попытался припомнить их и не смог. Внезапно стремление вспомнить их поглотило его без остатка. Хотя он и не помнил никаких подробностей, им овладела уверенность, что на мгновение ему удалось что-то понять.

Он не помнил, в чем заключалась его догадка, но его охватило то ощущение легкости, какое бывает у человека в полусне, когда ему открывается больше, чем видят наяву его глаза и сознание.

Его беспокойство росло. Почему он не может вспомнить? Ведь ему открылось что-то очень важное.

Даже мысли о спящей рядом девушке отодвинулись на второй план.

“Если бы мне удалось ухватить нить... — размышлял он. — Я думал о Реальности и Вечности... да, и еще о Маллансоне и Купере...”

Он вдруг замер. Почему он вспомнил об Ученике? При чем тут Купер? Он вовсе не думал о нем.

Но почему тогда он сейчас вспомнил про Бринсли Шеридана Купера?

Он нахмурился. Что скрывается за всем этим? Что именно пытается он понять? Почему он так уверен, что ему нужно что-то вспомнить?

Харлен похолодел, потому что эти вопросы озарили все вокруг слабым отсветом недавней вспышки в его сознании и он уже почти вспомнил.

Он лежал, затаив дыхание, боясь спугнуть рождающуюся мысль. Пусть она придет сама. Пусть придет.

В тишине ночи, и без того уже ставшей самой важной и значительной

в его жизни, к нему пришла невероятная догадка, которую в другой, менее безумный миг он отбросил бы без всяких колебаний.

Он дал этой мысли расцвести и созреть, пока она не объяснила ему сотни непонятных вещей, которые иначе так и остались бы просто непонятными.

После возвращения в Вечность ему придется еще многое расследовать и проверить, но в глубине души он был уже совершенно убежден, что разгадал страшную тайну, которую ему никак не полагалось знать.

Тайну, от которой зависело существование Вечности.

Глава 6. ПЛАНИРОВЩИК

С той памятной для Харлена ночи в 482-м прошел всего биомесяц. Но сейчас по обычному счету Времени его отделяли от нее почти двести тысяч лет. Он находился в Секторе 2456-го Столетия, пытаясь то уговорами, то шантажом выведать участь, уготованную Нойс Ламбент в новой Реальности.

Его поведение было грубейшим нарушением профессиональной этики, но его это не трогало. В собственных глазах он уже давно стал преступником. Было бы просто глупо скрывать от себя этот очевидный факт. Новое преступление уже ничего не меняло, зато в случае удачи он выигрывал многое.

И вот в результате всех этих жульнических махинаций (он даже не пытался подобрать более мягкое выражение) он стоял у выхода из Вечности перед незримой завесой Темпорального поля, отделявшей его от 2456-го. Выйти из Вечности в обычное Время было неизмеримо сложнее, чем пройти через ту же завесу в Колодец Времени. Необходимо было с очень высокой точностью установить на шкалах приборов координаты нужной точки земной поверхности и требуемого момента времени. Но, несмотря на огромное внутреннее напряжение, Харлен работал с легкостью и уверенностью, говорящими о большом опыте и еще большем таланте.

Он оказался в машинном зале космолета, который перед тем видел на экране хроноскопа. В этот биомомент Социолог Вой, конечно, сидит у этого же экрана в полной безопасности, наблюдая, как Техник совершает свой Акт Воздействия.

Харлен не спешил. Зал будет пуст сто пятьдесят шесть минут. Правда, его пространственно-временная инструкция разрешала ему использовать только сто десять минут, остальные сорок шесть минут представляли собой обычный сорокапроцентный запас. Запас давался на случай крайней необходимости, но пользоваться им не рекомендовалось. “Пожиратели

запасов” недолго оставались Специалистами.

Впрочем, Харлен собирался пробыть во Времени не более двух минут из возможных ста десяти. Наручный генератор Поля окружал его облаком биовремени — образно выражаясь, эманацией Вечности — и защищал от любых последствий Изменения Реальности. Сделав шаг вперед, Харлен снял с полки маленький ящичек и переставил его на заранее выбранное место на нижней полке.

Вернуться после этого в Вечность было для него таким же обыденным делом, как войти в комнату через дверь. Если бы это видел какой-нибудь Временин, ему бы показалось, что Харлен попросту исчез.

Маленький ящичек лежал теперь на новом месте. Ничто не выдавало его роли в судьбах мира. Несколько часов спустя капитан космолета протянет к нему руку и не найдет его. Полчаса уйдут на розыски, а тем временем выключится силовое поле, и капитан потеряет самообладание. В порыве гнева он решится на поступок, от которого воздержался в предыдущей Реальности. В результате важная встреча не состоится; человек, который должен был умереть, проживет годом дольше; другой же, наоборот, умрет немного раньше.

Эти Возмущения будут распространяться все шире и шире, пока не достигнут максимума в 2481 -м Столетьи, через двадцать пять веков после Акта. Затем интенсивность Изменения пойдет на убыль. Теоретически оно никогда не станет равным нулю, даже через миллионы лет, но уже через пятьдесят Столетий его нельзя будет обнаружить никакими Наблюдениями. С практической точки зрения этот срок можно считать верхней границей.

Разумеется, во Времени ни один человек даже не подозревал о происшедшем Изменении. Сознание изменялось в той же степени, что и материя, и только Вечные взирали со стороны на происходящие перемены.

Социолог Вой, не отрываясь, глядел на голубой экран, где еще недавно кипела жизнь оживленного космопорта. Даже не повернув к Харлену головы, он пробормотал несколько слов, отдаленно напоминающих приветствие.

На экране произошли разительные перемены. Величие космопорта бесследно исчезло; убогие здания ничем не напоминали прежних грандиозных сооружений. Космолеты насквозь проржавели. Людей нигде не было. Никакого движения.

Харлен позволил себе на мгновение улыбнуться. Да, это действительно была МОР — Максимальная ожидаемая реакция. Все совершилось сразу. Вообще говоря, Изменение не обязательно происходило немедленно после Акта Воздействия. Если предварительные расчеты проводились небрежно

или слишком приблизительно, приходилось ждать (по биологическому времени) часы, дни, иногда недели. Только после того, как были исчерпаны все степени свободы, возникала новая Реальность; пока оставалась хоть какая-то математическая вероятность взаимоисключающих действий, Изменения не было.

Харлен мог гордиться своим мастерством: если он сам выбирал МНВ и своей рукой совершал Акт Воздействия, то степени свободы исчерпывались сразу и Изменение наступало мгновенно.

— Они были так прекрасны, — тихо сказал Вой.

Эта фраза больно уколола Харлена; ему казалось, что она умаляет красоту его собственной работы.

— Я бы не пожалел, — сказал он, — если бы все эти космические полеты вовсе вычеркнули из Реальности.

— Да?

— А что в них толку? Увлечение космосом никогда не длится больше тысячи или двух тысяч лет. Потом люди устают от него. Они возвращаются на Землю; колонии на других планетах вымирают. Проходит четыре–пять тысячелетий или сорок–пятьдесят, и все начинается сначала и заканчивается так же. Бесплезная трата человеческих средств и способностей.

— А вы, оказывается, философ, — сухо сказал Вой.

Харлен покраснел. К чему разговаривать с ним, подумал он и сердито буркнул, меняя тему разговора:

— Что там с Планировщиком?

— А именно?

— Не пора ли навестить его? Может быть, он уже получил ответ?

Социолог неодобрительно поморщился, как бы желая сказать: “Что за нетерпение!”. Вслух он произнес:

— Пойдемте к нему и посмотрим.

Табличка на дверях кабинета оповещала, что Планировщика зовут Нерон Фарук. Это имя поразило Харлена своим сходством с именами двух правителей, царствовавших в районе Средиземного моря в Первобытную эпоху (еженедельные занятия с Купером намного углубили его собственные познания в Первобытной истории).

Однако насколько Харлен мог судить, Планировщик не был похож ни на одного из этих правителей. Он был худым, как скелет; кожа туго обтягивала его горбатый нос. Лелея длинными узловатыми пальцами клавиши анализатора, он напоминал Смерть, взвешивающую на своих весах людскую судьбу.

Харлен почувствовал, что он не в силах оторвать взгляд от анализатора. Эта машинка была плотью и кровью Плана Судьбы, его костями и кожей, мышцами и всем остальным. Стоит только накормить ее матрицей Изменения Реальности и необходимыми данными человеческой биографии, и она захихикает в бесстыдном веселье, а затем, через минуту или через день выплюнет длинную ленту с описанием поступков человека в новой Реальности, аккуратно снабдив каждый поступок ярлычком его вероятности.

Социолог Вой представил Харлена. Фарук взглянул на эмблему Техника с явным отвращением и ограничился сухим кивком головы.

— План Судьбы этой молодой особы уже готов? — небрежно спросил Харлен.

— Еще нет. Как только кончу, я дам вам знать.

Фарук явно был одним из тех, у кого неприязнь к Техникам выливалась в открытую грубость.

— Полегче, Планировщик, — укоризненно проговорил Вой.

Брови Фарука были светлыми почти до полной невидимости, отчего его лицо еще больше напоминало череп. Сверкнув глазами в глазницах, которые казались пустыми, он проворчал:

— Загубили уже космолеты?

— Вычеркнули из Столетия, — кивнул Вой.

Беззвучно, одними губами Фарук произнес какое-то слово. Скрестив руки на груди, Харлен в упор смотрел на Планировщика, который в замешательстве отвернулся. “Понимает, что здесь и его вина”, — злорадно подумал Харлен.

— Послушайте, — обратился Фарук к Социологу, — раз уж вы здесь, объясните, что мне, ради Времени, делать с этим ворохом запросов на противораковую сыворотку? Сыворотка есть не только в нашем Столетии. Почему все обращаются именно к нам?

— Другие Столетия загружены не меньше. Вы это знаете.

— Так пусть вообще прекратят присылать запросы!

— Интересно, как мы можем их заставить?

— Легче легкого. Пусть Всевременной Совет перестанет их принимать.

— Я не командую в Совете.

— Зато вы командуете стариком.

Харлен машинально, без особого интереса прислушивался к разговору. По крайней мере, это отвлекало его от гнусного хихиканья анализатора. Он понял, что под стариком подразумевается Вычислитель, возглавляющий

Сектор.

— Я уже говорил со стариком, — ответил Вой, — и он запросил Совет.

— Ерунда все это. Он послал по инстанциям обычную докладную. А нужно было проявить твердость. Это вопрос нашей политики.

— Всевременной Совет сейчас не настроен менять политику. Вы ведь знаете, какие ходят слухи.

— Еще бы! Они, мол, заняты важнейшим делом. Каждый раз, как только они начинают тянуть, возникает слух, что они заняты важнейшим делом.

Будь Харлен в настроении, он, пожалуй, не смог бы удержаться от улыбки. Фарук несколько секунд мрачно молчал и вдруг взорвался:

— Ну почему никто не понимает, что сыворотка от рака — это не саженьцы и не волновые двигатели? Мы все знаем, что даже щепка может отрицательно повлиять на Реальность, но ведь от сыворотки зависит человеческая жизнь, и тут все в сотни раз сложнее. Вы только представьте, сколько людей ежегодно умирает от рака в тех Столетиях, которые не имеют своей противораковой сыворотки. Конечно, мало кто из них хочет умирать. И вот правительства из каждого Столетия бомбардируют Вечность запросами: “Помогите, просим, умоляем, срочно вышлите семьдесят пять тысяч ампул для спасения жизни людей, чья смерть явится невосполнимой потерей для культуры, биографические данные прилагаются!”.

Вой торопливо кивнул:

— Я знаю, знаю.

Но Фарук еще не излил всю накопившуюся горечь.

— Почитать эти биографии, так каждый человек — герой. Каждый — невозместимая потеря для мира. Хорошо, садишься считать. Сначала считаешь, что будет с Реальностью, если они выживут поодиночке, а потом — что произойдет, если они, Время их поберет, выживут в различных сочетаниях. За прошлый месяц я рассчитал пятьсот семьдесят два раковых запроса. В семнадцати случаях — обратите внимание, всего в семнадцати — отрицательные эффекты отсутствовали. Заметьте, что не было ни одного случая, который повлек бы за собой благоприятное Изменение Реальности, но Совет постановил, что и в нейтральных случаях следует давать сыворотку. Гуманизм, видите ли. И вот за месяц семнадцать человек из разных Столетий спасены от смерти.

А что дальше? Стали Столетия хоть немного счастливее? Ни в коем случае. Излечили одного, а десятку, сотне в то же самое Время, в той же стране дали умереть. И все спрашивают: а почему именно он? Может быть,

те, кому не досталось сыворотки, были розовощекими филантропами, которых все любили, а единственный спасенный нами счастливец занят только тем, что избивает свою престарелую мать, а в свободные минуты лупит детишек. Ведь Времяне не подозревают об Изменениях Реальности, и мы не можем им ничего объяснить.

Помяните мои слова, Вой, мы сами накличем на себя беду, если Всевременной Совет не примет решения отсылать все запросы и давать сыворотку только в случае желательного Изменения Реальности. Наша единственная цель — улучшить Реальность. Либо излечение этих людей ведет к этой цели, либо нет. Вот и все. И от этого не отгородиться рассуждениями насчет того, что, дескать, ничего плохого в этом нет.

Социолог, слушавший его со страдальческим выражением лица, попробовал возразить:

— Вот если бы у вас был рак...

— Дурацкий аргумент, Вой. Разве мы принимаем решения на такой основе? Тогда мы бы никогда не произвели ни одного Изменения Реальности. Ведь всегда найдется бедолага, которому не повезет. Представьте себя на его месте, а? И подумайте заодно вот над чем. Всякий раз, когда мы совершаем Изменение, все труднее становится найти следующее, которое было бы благоприятным. Значит, уменьшается и процент людей, которым мы можем помочь. Скоро у нас будет не больше одного исцеления за биогод, даже с учетом нейтральных случаев. Не забывайте об этом.

Харлен потерял остатки интереса к беседе. Подобные настроения были своего рода профессиональным заболеванием. Психологи и Социологи в своих редких работах, посвященных Вечности, называли его “отождествлением”. Люди отождествляли себя со Столетием, в котором они работали, и заботы века часто становились их собственными заботами.

Вечность сражалась с демоном отождествления, как могла. Никто не имел права работать или находиться ближе двух Столетий к Времени своего рождения, чтобы сделать отождествление труднее. При назначении на работу предпочтение отдавалось Столетиям, уклад жизни которых как можно больше отличался от привычного с детства. (Харлену невольно вспомнился Финж, работающий в 482-м.) Более того, при первых же подозрительных признаках Вечного немедленно переводили в другой Сектор. Харлен не дал бы и одной монетки 50-го Столетия за то, что Фарук удержится на своем месте еще хотя бы биогод.

И все же люди упорно стремились найти свое место во Времени. Тяга к Времени — кто о ней не слышал? По каким-то необъяснимым причинам

эпохи космических полетов особенно притягивали к себе. Давно уже следовало изучить причины этого, но мешало хроническое нежелание Вечности оглядываться на себя.

Еще месяц назад Харлен презрительно обозвал бы Фарука тряпкой и сентиментальным идиотом, распускающим нюни из-за утраты электрогравитации и отводящим душу в нападках на Столетия, не способные лечить рак.

Он мог бы даже сообщить о нем куда следует. Он даже был обязан сделать это. Ясно, что на этого человека уже нельзя полагаться.

Но поступить так сейчас он уже не мог. Ему даже стало жалко этого человека. Его собственные преступления были куда больше. И тут же его мысли в который раз вернулись к Нойс.

В ту ночь ему удалось заснуть только под утро, и он проснулся поздно, когда сквозь полупрозрачные стены пробивался рассеянный дневной свет, и Харлену показалось, что он лежит на облаке, плывущем по туманному утреннему небу.

Нойс, смеясь, тормозила его:

— Батюшки, ну и трудно тебя разбудить.

Первым побуждением Харлена было натянуть на себя простыню, но ее не оказалось. Затем он вспомнил все, что произошло, и уставился на нее, чувствуя, как краска стыда заливает его лицо. Что ему теперь делать?

Но тут ему в голову пришла новая мысль, и он быстро сел.

— Всемогущее Время! Я проспал?

— Успокойся, еще и одиннадцати нет. Тебя ждет завтрак

— Спасибо, — пробормотал он.

— Я согрела тебе воду и приготовила костюм на сегодня. Он мог только еще раз пробормотать “Спасибо”.

За завтраком он не поднимал глаз. Нойс сидела напротив, опершись локтем на столик и положив подбородок на ладонь. Ее черные волосы были зачесаны на сторону, ресницы казались неестественно длинными. Она ничего не ела, только следила за каждым его движением, пока он смотрел в тарелку и думал о жестоком раскаянии, которое по идее должен был испытывать. Почему-то раскаяния не было.

— Куда ты идешь в час?

— На аэробол, — промямлил он. — Мне удалось достать билет.

— Ах да, сегодня ведь финал. Подумать только, что из-за этого скачка во Времени я пропустила целый сезон. Эндрю, а кто сегодня выиграет?

Он ощутил странную слабость при звуке своего имени. Отрицательно качнув головой, он попытался придать лицу суровое выражение. Еще вчера

ему это отлично удавалось.

— Но ты должен знать. Ведь ты изучил весь наш период.

Ему следовало бы сохранить холодный тон, но у него не хватило духу.

— Столько событий происходит в разное время в разных местах. Разве я могу запомнить такую мелочь, как счет игры?

— О, ты просто не хочешь мне говорить.

Вместо ответа Харлен подцепил вилкой маленький сочный плод и целиком отправил его в рот. Немного помолчав, Нойс заговорила снова:

— А о том, что случилось с нами, ты знал?

— Не спрашивай меня, Н-нойс. — Ему стоило большого труда назвать ее по имени.

Голос ее звучал тихо и нежно:

— Разве ты не видел нас? Разве ты не знал с самого начала, что мы...

— Нет, нет, я не могу увидеть себя, — поспешно прервал ее Харлен, — ведь я не принадлежу Реаль... меня не было здесь до моего появления. Я не могу тебе этого объяснить.

Харлен совсем смутился. Как она может так спокойно говорить об этом! И сам он тоже хорош: чуть было не произнес слова “Реальность” — самого запретного из всех слов при разговорах с Временами.

Она слегка подняла брови, отчего ее глаза стали совсем круглыми и чуточку изумленными.

— Тебе что, стыдно?

— То, что мы сделали, нехорошо.

— Почему? — С точки зрения 482-го Столетия ее вопрос был совершенно невинным. — Разве Вечным нельзя? — В ее голосе слышалась насмешливая издевка, словно она спрашивала, разрешают ли Вечным есть.

— Не называй меня Вечным, — остановил ее Харлен. — Если тебя это интересует, то, как правило, нет.

— Тогда ты не говори им. И я не скажу.

Встав, она плавным движением бедер оттолкнула стоявший между ними столик и присела к нему на колени.

Харлен на мгновение оцепенел, протянув вперед руки в тщетной попытке остановить ее. Нагнувшись, она поцеловала его в губы, и никакого стыда больше не было. Не было ничего, что разделяло бы его и Нойс.

Незаметно для себя Харлен занялся тем, чего Наблюдатель не мог делать в соответствии с нормами этики, — задумываться над проблемами существующей Реальности и характером предстоящего Изменения.

Вечность не волновали ни распущенные нравы, ни искусственное выращивание плода, ни господство женщин. Все это было и в предыдущих

Реальностях, и Всевременной Совет взирал на подобные вещи равнодушно. Финж сказал, что Изменение будет малым, почти неуловимым.

Одно было ясно: Изменение коснется группы людей, находившихся под его Наблюдением. Оно затронет привилегированные классы, аристократию, богачей, сливки общества.

Больше всего его тревожило, что Изменение почти наверняка затронет Нойс.

На протяжении оставшихся трех дней его мысли становились все мрачнее, отравляя ему даже радость от встреч с Нойс.

— Что с тобой? — спрашивала она. — Первые дни ты был совсем не таким, как в Веч... как в том месте. Тебя ничто не огорчало. А сейчас у тебя такой озабоченный вид. Это потому, что тебе надо возвращаться обратно?

— Отчасти, — ответил Харлен.

— А тебе обязательно надо вернуться?

— Да.

— А что случится, если ты опоздаешь? Харлен чуть было не улыбнулся.

— Им бы не понравилось мое опоздание, — сказал он и с тоской подумал о двух запасных днях, предусмотренных инструкцией.

Нойс включила музыкальный инструмент. Сложное математическое устройство выбирало из случайных комбинаций звуков приятные сочетания. Возникающие случайно мелодии повторялись не чаще, чем узоры снежинок, и были не менее прекрасны.

Завороженный звуками, Харлен не сводил с Нойс глаз, и его мысли устремились к ней. Кем она станет в новом воплощении? Торговкой рыбой? Фабричной работницей? Толстой, уродливой, болезненной матерью шестерых детей? Кем бы она ни стала, она уже не вспомнит Харлена. В новой Реальности он уже не будет частью ее жизни. И кем бы она ни стала, она уже никогда не будет прежней Нойс.

Он не просто любил эту девушку. (Странно: впервые в жизни он впустил слово “любовь” в собственные мысли и даже не удивился этому.) Он любил в ней все: ее манеру одеваться, ходить, разговаривать, даже ее кокетливые уловки. Двадцать семь лет, прожитые ею в этой Реальности, весь ее жизненный опыт понадобились, чтобы она стала именно такой. В предыдущей Реальности, в прошлом биогоду, она не была его Нойс. В следующей Реальности она тоже не будет ею.

Может быть, новая Нойс будет в чем-то лучше, но Харлен совершенно точно знал одно. Ему нужна вот эта Нойс; та самая, что сидит сейчас напротив него. Если у нее есть недостатки, она нужна ему вместе с ними.

Что ему делать?

Ему в голову приходили разные планы, но все они были противозаконными. В первую очередь необходимо было выяснить характер Изменения, узнать, как оно повлияет на Нойс. В конце концов, никогда нельзя знать заранее...

Мертвая тишина пробудила Харлена от воспоминаний. Он снова был в кабинете Планировщика. Социолог Вой следил за ним краем глаза. Над ним стоял Фарук, склонив свою голову мертвеца.

В наступившей тишине было что-то зловещее. Всего мгновение потребовалось Харлену чтобы понять, в чем дело. Анализатор прервал свое утробное хихиканье. Харлен вскочил. i

— Получили ответ, Планировщик?

Фарук взглянул на пленки, зажатые в его руке.

— Да, конечно, только он странный.

— Покажите. — Протянутая рука Харлена заметно дрожала.

— Показывать нечего, в том-то и странность.

— Что значит “нечего”? — Глаза Харлена внезапно начали слезиться, и скоро на месте Фарука он видел лишь темное пятно, откуда доносился голос.

— В новой Реальности ваша дамочка не существует. Это не изменение личности, нет. Просто испарилась, исчезла. Я просчитал все переменные вплоть до значения вероятности в одну стотысячную, но ее нигде нет. Больше того, — он задумчиво потер подбородок своими длинными сухими пальцами, — при заданной вами комбинации фактов я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей Реальности.

Харлен еле слышал его, комната медленно поплыла перед глазами.

— Но ведь Изменение так незначительно...

— Знаю. Просто странное сочетание факторов. Так вы возьмете пленки?

Харлен даже не заметил, как взял их. Нойс исчезнет? Ее не будет в новой Реальности? Как такое может быть?

Он почувствовал чью-то руку на своем плече, и в ушах прозвучал голос Социолога:

— Вам плохо, Техник?

Рука отдернулась, словно пожалев о своем неосмотрительном контакте с телом Техника.

Харлен проглотил слюну и усилием воли придал лицу спокойное выражение.

— Со мной все в порядке. Вы проводите меня к капсуле?

Нельзя проявлять свои чувства так открыто. Он должен вести себя так, словно эти исследования и в самом деле представляют для него чисто академический интерес. Любой ценой он должен скрыть огромную, непереносимую радость, охватившую его, как только он узнал, что Нойс в новой Реальности не существует.

Глава 7. ПРЕЛЮДИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Войдя в капсулу в 2456-м, Харлен бросил быстрый взгляд через плечо. Ему хотелось убедиться в непроницаемости завесы Темпорального поля, отделяющего Колодец Времени от Вечности. Он боялся, что Социолог Вой может подглядывать за ним. В последние недели он то и дело высматривал, не прячется ли кто-нибудь у него за спиной, — это движение стало уже привычным, чуть ли не рефлексорным.

Затем, вместо того чтобы вернуться в 575-е, он снова послал капсулу в будущее. Сидя на диванчике, он смотрел на счетчик Столетий, на котором мелькали цифры. Хотя капсула двигалась почти с предельной скоростью, у него оставалось достаточно времени для раздумий.

Как все изменилось после неожиданного открытия Планировщика! Даже характер его преступления стал совсем другим.

И нити тянулись все ближе к Финжу. Эта фраза с дурацкой рифмой привязалась к нему и с жужжанием билась о стенки черепа: ближе к Финжу... ближе к Финжу...

Вернувшись в Вечность после дней, проведенных с Нойс в 482-м, Харлен постарался избежать встречи с Финжем. Не успели Врата Времени захлопнуться за ним, как совесть вновь начала терзать его. Нарушение служебной клятвы, казавшееся в 482-м безделицей, в Вечности представлялось тяжким преступлением.

Послав донесение по безличной пневматической почте, он заперся в своей комнате. Ему нужно было время, чтобы осмыслить происшедшее и разобраться в своих мыслях.

Но Финж не дал ему этого времени. Не прошло и часа после отправки донесения, как он вызвал Харлена по видеофону. Лицо Вычислителя на экране было строгим.

— Я рассчитывал застать вас в вашем кабинете.

— Вы получили мой отчет, сэр, — возразил Харлен. — Не все ли равно, где я буду дожидаться нового назначения.

— Разве? — Финж скосил глазки на пучок лент,жатых в его руке, поднес их ближе к лицу и, прищурясь, стал вглядываться в сложный узор перфорации. — Едва ли можно считать отчет полным. Вы разрешите мне

зайти к вам?

Харлен помедлил. Финж был пока еще его начальником, и отказ мог показаться неподчинением. Более того, этот отказ явился бы замаскированным признанием вины, чего больная совесть Харлена не могла допустить.

— Буду рад видеть вас, Вычислитель, — произнес он сдавленным голосом.

Среди аскетической, почти убогой обстановки квартиры Харлена грузная фигура Финжа казалась чуждым эпикурейским элементом. Родной век Харлена тяготел к спартанскому стилю, и Харлен так и не утратил вкуса к простоте. Несколько стульев из гнутых металлических трубок с сиденьем из пластика, которому искусственно, но не слишком искусно придали вид дерева. В углу же стоял предмет, вид которого никак не вязался с принятым в Секторе стилем.

Взгляд Финжа сразу устремился к нему.

Вычислитель провел пухлым пальцем по его поверхности, как бы проверяя, из чего он сделан.

— Что это за материал?

— Дерево, сэр.

— Не может быть! Настоящее дерево? Удивительно! Вероятно, им пользуются в вашем родном Столетьи?

— Да, сэр.

— Понимаю, Техник Впрочем, правила этого не запрещают. — Он вытер палец, которым касался дерева, об одежду. — Но я не знаю, стоит ли поощрять подобное тяготение к родной культуре. Истинный Вечный приспособляется к любой обстановке, в которую он попадает. Вот я, например, за последние пять лет и двух раз не ел из энергетической посуды. — Он вздохнул. — Знали бы вы, как противно есть пищу, соприкасающуюся с веществом. Но я не поддаюсь, Техник, не поддаюсь.

Он увидел еще один деревянный предмет, но на этот раз спрятал руки за спину и только спросил:

— А это что такое?

— Книжный шкаф, — ответил Харлен. У него появилось сильное искушение спросить у Финжа, не противно ли ему, что его руки прикасаются сейчас к веществу его собственного зада, не хочется ли ему заменить свою одежду и свое тело чистым и благородным силовым полем?

— Книжный шкаф? — Финж удивленно поднял брови. — Тогда вот эти штучки на полках — книги?

— Да, сэр.

— Подлинные экземпляры?

— Только подлинные, Вычислитель. Я собирал их в 24-м. Вот эти, например, изданы в 20-м Столетьи. Прошу вас, будьте осторожны, если вы захотите на них взглянуть. Хотя они были восстановлены и пропитаны специальным составом, страницы очень ломкие. Они требуют бережного обращения.

— Я и не собираюсь к ним притрагиваться. Подумать только, на них сохранилась подлинная пыль Первобытных веков. — Он фыркнул. — Настоящие книги, надо же! У них страницы из целлюлозы — вы ведь не станете этого отрицать?

— Да, целлюлоза, пропитанная для долговечности особым составом. — Харлен глубоко вздохнул, стараясь сохранить спокойствие. Нелепо отождествлять себя с этими книгами, воспринимая издевку над ними как издевательство над собой.

— А ведь, пожалуй, — продолжал Финж, явно не желая менять тему разговора, — все содержание этих книг может быть переснято на два метра пленки и уместиться на кончике пальца. О чем они, эти книги?

— Это переплетенные тома одного журнала, выходившего в 20-м Столетьи.

— Вы что, читали их?

— Здесь всего лишь несколько томов из моей полной коллекции, — с гордостью ответил Харлен. — Ни одна библиотека в Вечности не может соперничать с ней.

— Да, ваше хобби. Помню, вы как-то рассказывали мне о своем увлечении Первобытной историей. Удивляюсь, как только ваш Наставник позволил вам интересоваться подобной чепухой. Бессмысленная трата энергии.

Харлен сжал губы. Он понял, что Финж намеренно пытается рассердить его, лишив способности хладнокровно рассуждать. Этого нельзя было допустить.

— Я думал, вы пришли поговорить о моем отчете, — сухо заметил он.

— Вот именно. — Вычислитель огляделся, выбрал стул и осторожно уселся на него. — Как я уже сказал, ваш отчет далеко не полон.

— В каком отношении, сэр? — Спокойствие! Спокойствие!

Финж криво усмехнулся.

— Мне нужно знать все, о чем вы умолчали, Харлен.

— Ни о чем, сэр. — Хотя он произнес эти слова твердым голосом, вид у него был виноватый.

— Бросьте, Техник! Вы ведь провели немало времени в обществе

молодой женщины. Во всяком случае, обязаны были провести по инструкции. Надеюсь, вы не осмелились нарушить инструкцию?

Муки совести довели Харлена до такого состояния, что его уже не задело даже открытое сомнение в его профессиональной честности.

— Я следовал инструкции, — с трудом выговорил он.

— И что же? Вы не включили в отчет ни слова из разговоров с этой женщиной.

— Они не представляют особого интереса, сэр. — Губы Харлена пересохли, и он почти шептал.

— Не будьте смешным, Харлен. В ваши годы и с вашим опытом вам бы уже следовало знать, что не Наблюдателю решать, что представляет интерес, а что нет.

Финж не сводил с Харлена глаз. Его пристальный, нетерпеливый взгляд никак не соответствовал мягкому тону его слов.

Харлен все это видел, и притворная ласковость Финжа не вводила его в заблуждение. Однако привычное чувство долга взяло верх. Обязанностью Наблюдателя было сообщать абсолютно все, не скрывая никаких подробностей. Наблюдатель не был человеком; он был просто щупальцем, закинутым Вечностью в воды Времени, щупальцем, которое осязало окружающий мир и затем втягивалось обратно. При исполнении своих обязанностей Наблюдатель не имел собственного “я” и вряд ли являлся человеком в истинном смысле слова.

Почти автоматически Харлен начал рассказывать о событиях, не включенных им в донесение. Тренированная память Наблюдателя помогала ему слово в слово повторять разговоры, воспроизводя интонацию и выражения лиц. Рассказывая, он словно заново все переживал и совсем упустил из виду, что настойчивость Финжа и болезненное чувство долга загнали его в ловушку. Но когда повествование подошло к кульминационному пункту, он запнулся, не в силах больше скрывать свои чувства под маской бездушной объективности Наблюдателя.

Финж избавил его от дальнейших подробностей, неожиданно подняв руку и проговорив насмешливым, колючим голосом:

— Благодарю вас. Достаточно. Вы собирались рассказать, как переспали с этой женщиной.

Гнев Харлена нарастал. Слова Финжа точно соответствовали истине, но тон, которым они были сказаны, делал все происшедшее грубым, непристойным и, хуже того, просто пошлым. Но как ни называй то, что произошло между ним и Нойс, в этом не было ничего пошлого.

У Харлена было объяснение странному поведению Финжа, его

беспокойным расспросам и неожиданному отказу дослушать рассказ до конца. Финж ревновал! Харлен мог поклясться, что причина именно в этом. Он добился успеха с девушкой, с которой у Финжа ничего не вышло.

Харлен испытал сладкое чувство торжества. Впервые в его жизни появилось что-то более важное, чем беззаветное служение идеалам Вечности. Финжу придется ревновать и впредь, потому что Нойс Ламбент всегда будет принадлежать ему.

В состоянии радостно приподнятого настроения Харлен решился высказать просьбу, с которой прежде собирался обратиться, благоразумно переждав несколько дней.

— Я хочу просить разрешения на союз с Временницей, сэр.

Финж, казалось, очнулся от размышлений.

— С Нойс Ламбент, я полагаю?

— Да, Вычислитель. Поскольку вы возглавляете этот Сектор, то моя просьба рано или поздно попадет к вам.

Харлен был доволен, что его просьба попадет к Финжу. Пусть помучается. Если он сам мечтает о союзе с Нойс, пусть скажет об этом, и тогда Харлен добьется, чтобы Нойс предоставили право выбора. Вот когда он окончательно насладится своим торжеством!

Разумеется, в обычных обстоятельствах Техник и думать не смел о том, чтобы встать на пути Вычислителя, но Харлен был уверен в поддержке Твиссела, а Финжу до Твиссела далеко.

Однако Финж остался невозмутим.

— Кажется, вы и без разрешения вступили в противозаконную связь с этой женщиной.

Харлен покраснел и принялся неуклюже оправдываться:

— Инструкция настаивала на том, чтобы мы с ней длительное время оставались наедине. Поскольку ничто из происшедшего специально не запрещалось, я не чувствую за собой никакой вины.

Он лгал. Сознание вины неотступно преследовало его, и по лицу Финжа было видно, что он знает об этом и забавляется сложившейся ситуацией.

— Не забывайте, что скоро там произойдет Изменение Реальности.

— В таком случае я буду просить разрешения на союз с мисс Ламбент в новой Реальности.

— Не думаю, что это разумно. Как вы можете быть уверены в том, что будет? В новой Реальности мисс Ламбент может оказаться замужем или утратить свою красоту. Я даже могу сказать вам точно: в новой Реальности вы ей не будете нужны. Она даже не поглядит на вас.

Харлена охватила тревога.

— Вы ничего об этом не знаете.

— Да? Вы полагаете, что ваша великая любовь — это идеальный союз двух душ, который переживет любые Изменения? Вы что, начитались романов там, во Времени?

Харлен утратил остатки осторожности.

— Во-первых, я не верю ни единому вашему слову...

— Что вы сказали? — холодно переспросил Финж.

— Вы лжете! — Харлена уже не заботила осторожность. — Вы ревнуете ее ко мне, в этом все дело. Вы ревнуете! Вы сами строили планы насчет нее, только она предпочла меня.

— Вы хоть понимаете... — начал было Финж.

— Понимаю. Я не идиот. Конечно, я не Вычислитель, но и не круглый невежда. Вот вы сказали сейчас, что в новой Реальности она не захочет меня знать. А откуда вам это известно? Ведь вы тоже не знаете, какой будет новая Реальность. А вдруг Изменение окажется ненужным? Всего час назад вы получили мой отчет. Его необходимо тщательно проанализировать, прежде чем приступить к Вычислениям, не говоря уже о том, что еще предстоит получить одобрение Совета. Поэтому, когда вы говорите, что знаете последствия Изменения, вы просто лжете.

У Финжа было много способов ответить на этот выпад. В разгоряченном воображении Харлена проносилась одна картина за другой, и он не мог сказать, какая из них больше его пугает. Финж мог просто выйти из комнаты с видом оскорбленного достоинства; он мог вызвать офицера Службы безопасности и арестовать Харлена за оскорбительное поведение, мог накричать на него в ответ, мог немедленно позвонить Твисселу и начать извиняться, мог...

Но Финж не сделал ничего этого. Тихим голосом он попросил:

— Присядьте, Харлен, и выслушайте меня.

И так как эта реакция была совершенно неожиданной, у Харлена отвисла челюсть, и он в полном смятении присел на краешек стула. Весь его задор улетучился. Что это все могло значить?

— Вы, должно быть, помните, — начал Финж, — наш разговор о проблемах 482-го, возникших в связи с нежелательным предрассудком некоторых обитателей текущей Реальности в отношении Вечности. Вы помните наш разговор, не правда ли?

Он говорил с мягкой настойчивостью педагога, объясняющего урок недалекому ученику, но Харлену почудился злорадный блеск в его глазах.

— Помню, — ответил Харлен.

— Тогда вы должны были также запомнить, что Всевременной Совет не соглашался с моими рекомендациями и настаивал на их подтверждении путем прямых Наблюдений. Разве из этого не следует, что у меня уже были проделаны все необходимые Вычисления?

— А мой отчет содержит это подтверждение?

— Целиком и полностью.

— Все равно для анализа потребуется какой-то срок

— Чепуха. Ваш отчет ничего не значит, и ваш рассказ лишь подтверждает это.

— Не понимаю вас.

— Тогда, Харлен, я открою вам, что именно не устраивает нас в текущей Реальности. Среди высших слоев общества, в особенности среди женщин, появилось поверье, что Вечные действительно являются вечными в буквальном смысле слова, что они бессмертны... Святое Время, да Нойс Ламбент сама сказала вам об этом. Пяти минут не прошло, как вы повторили мне ее слова.

Харлен глядел на Финжа невидящим взглядом. Он вспомнил черные, бездонные глаза склонившейся над ним Нойс, услышал ее тихий, нежный шепот: “Ты никогда не умрешь. Ведь ты Вечный”.

— Подобное поверье само по себе нежелательно, — продолжал Финж, — но не так уж плохо. Конечно, оно приводит к определенным неудобствам, затрудняет деятельность Сектора, но Вычисления показывают, что Изменение затронет лишь маленькую группу людей. Тем не менее, если это Изменение все-таки произойдет, то в первую очередь ему подвергнутся те, кто заражен подобными суевериями. Иными словами — аристократки, и в их числе Нойс.

— Пусть так, но я все же не теряю надежды, — упорствовал Харлен.

— Никакой надежды у вас нет. Неужели вы действительно воображаете, что своим мужским обаянием вы покорили изнеженную аристократку и она бросилась в объятия простого Техника? Бросьте, Харлен, будьте реалистом. — Харлен упрямо сжал губы и промолчал. — Из своих предрассудков о бессмертии Вечных эти женщины сделали очень странный вывод. Они решили, что интимная близость с Вечным сделает бессмертными их самих.

Удар попал в цель. Харлен зашатался. Он снова отчетливо услышал голос Нойс: “Сделай меня Вечной...”. А потом ее поцелуи...

— Трудно было поверить, Харлен, что подобные предрассудки могут сочетаться с высоким уровнем культуры. Беспрецедентная глупость! Вероятность возникновения таких заблуждений лежит в области

случайных ошибок, поэтому расчеты по данным последнего Изменения не дали ничего определенного. Всевременной Совет потребовал от меня доказательств — прямого и решительного подтверждения. Для проведения эксперимента я выбрал мисс Ламбент как отличный экземпляр женщин этого круга. В качестве второго объекта я выбрал вас...

Харлен вскочил со стула.

— Вы выбрали меня? Как объект?!

— Я очень сожалею, — холодно сказал Финж, — но это было необходимо. Из вас вышел совсем неплохой объект.

Взгляд Харлена был настолько выразителен, что Финж поежился.

— Вы что, все еще не видите? Нет, не видите. Посмотрите на себя, Харлен, вы — порождение Вечности с рыбьей кровью в жилах. Вы не глядите на женщин. Все связанное с ними представляется вам безнравственным. Нет, не то. Есть лучшее слово: греховным! Это отношение написано у вас на лице, и в глазах женщин вы по своей привлекательности можете соперничать только с протухшей макрелью. С другой стороны, очаровательное существо, изнеженное творение гедонистической культуры — и эта женщина в первый же вечер соблазняет вас, чуть ли не выпрашивая ваших объятий. Вы не понимаете, что это происшествие смешно и нелепо, если только не рассматривать его как подтверждение моих выводов.

— Вы хотите сказать, что она продалась... — Харлен запнулся.

— К чему такие выражения? В этом Столетьи другие взгляды, другая мораль. Забавно, конечно, что она выбрала вас, но чего не сделаешь ради бессмертия.

Протянув вперед руки с растопыренными пальцами, Харлен ринулся к Фишку с единственным и неразумным желанием вцепиться ему в горло.

Финж торопливо отступил на несколько шагов и дрожащей рукой вытащил из кармана бластер.

— Не прикасайтесь ко мне! Назад! — взвизгнул он.

У Харлена осталось достаточно разума, чтобы остановиться. Его волосы разлохматились. Рубашка промокла от пота. Дыхание с шумом вырывалось из побелевших ноздрей.

Финж проговорил дрожащим голосом:

— Как видите, я неплохо вас изучил. Я предвидел, что ваша реакция может быть бурной. Только пошевелитесь, и я буду стрелять.

— Вон отсюда! — прохрипел Харлен.

— Я уйду. Но сначала вы меня выслушаете. За нападение на Вычислителя вас следует разжаловать, но пока оставим это. Однако вы

должны понять, что я не солгал. Кем бы или чем бы ни стала Нойс Ламбент в новой Реальности, она будет лишена своих предрассудков. Изменение уничтожит их, ведь это его единственная цель. А без них, — в его голосе послышалась нескрываемая издевка, — на что вы нужны такой женщине, как Нойс?

И, не сводя с Харлена дула бластера, толстый Вычислитель попятился к выходу. В дверях он задержался и добавил с мрачной иронией:

— Конечно, Харлен, раз уж вам так повезло, то наслаждайтесь своим счастьем. Можете продолжать вашу связь и даже официально оформить ее. Но торопитесь, потому что скоро произойдет Изменение, и тогда уж вам не видать ее больше. Какая жалость, что даже в Вечности нельзя продлить мгновенье! Не правда ли, Харлен?

Но Харлен даже не смотрел в его сторону. Финж все-таки выиграл и теперь покидал поле сражения несомненным и торжествующим победителем. Опустив голову, Харлен тупо разглядывал носки своих ботинок. Когда он вновь поднял глаза, Финжа уже не было. Прошло ли после его ухода пять секунд или пятнадцать минут — Харлен сказать не мог.

Часы проходили будто в бреду, и Харлен чувствовал себя пойманным в ловушку собственного сознания. Все, что сказал Финж, было горькой и очевидной правдой. Непогрешимая память Наблюдателя обращалась к воспоминаниям об их с Нойс недолгих отношениях, которые представлялись теперь в совершенно ином свете.

Никакой внезапно вспыхнувшей страсти не было и в помине. Как мог он быть настолько глуп, чтобы поверить в ее любовь? Любовь к такому человеку, как он?

Нет, тысячу раз нет! Жгучие слезы стыда и раскаяния застилали ему глаза. Ясно, как день, что причиной был холодный расчет. Девушка пустила в ход свою физическую привлекательность, и никакие моральные принципы не могли ей в этом помешать. Эндрю Харлен не был человеком в ее глазах, он был всего лишь Вечным. Будь на его месте другой, ничего бы не изменилось.

Длинные пальцы Харлена машинально поглаживали корешки книг в его маленьком книжном шкафу. Взяв один из томов, он раскрыл его наудачу. Строчки расплывались в глазах. Поблекшие цветные иллюстрации казались уродливыми, бесформенными пятнами.

Зачем Финжу понадобилось рассказывать ему все это? Строго говоря, он не имел на это права. Наблюдателю не полагается знать, к чему приводят его Наблюдения. Знание было помехой, отнимающей у

Наблюдателя его бездушную объективность.

Конечно, это было нужно, чтобы сокрушить его, утолить ревность и жалкую мстительность!

Продолжая поглаживать раскрытую страницу, Харлен вдруг обнаружил, что разглядывает рекламную картинку с изображением ярко-красного наземного экипажа, характерного для 45-го, 182-го, 590-го и 984-го Столетий, также как и для последних веков Первобытной эры. Это было самое обычное средство передвижения с двигателем внутреннего сгорания. В Первобытные Времена источником энергии служили продукты перегонки природной нефти, а колеса примитивным образом покрывались слоем резины. Экипажи последующих Столетий были, разумеется, более совершенными.

Харлен как-то прочел Куперу целую лекцию о рекламе. Он принялся сейчас вспоминать этот урок, подсознательно стараясь отвлечься от мучительного настоящего. Воспоминания хоть немного отгоняли боль, сжимавшую его виски.

— Рекламные объявления, — говорил Харлен, — рассказывают нам о Первобытных Временах куда больше, чем так называемые новости из того же журнала. Заметки с новостями рассчитаны на читателя, хорошо знающего свой мир. В них никогда не разъясняется значение различных терминов, потому что в этом нет необходимости. Вот, например, что такое теннисный мяч?

Купер охотно признался в своем невежестве.

Харлен продолжал привычным назидательным тоном, в который он неизменно впадал во время уроков:

— С помощью случайных упоминаний мы можем прийти к выводу, что имеется в виду небольшой шар из неизвестного нам материала. Мы знаем, что он использовался в какой-то спортивной игре только потому, что упоминания о нем встречаются в разделе “Спорт”. Из отдельных упоминаний можно даже заключить, что целью игры было перекинуть этот шар партнеру по игре. Но зачем мучиться догадками? Взгляни на рекламу! Ее единственное назначение — заставить читателей купить этот шар, и вот перед нами великолепное его изображение во всех деталях.

Но Купер, родившийся в эпоху, в которой реклама не была так необходима, как в конце Первобытных Времен, с трудом понимал Харлена.

— Разве не противно то, как трубят о себе все эти люди? — сказал он. — Неужели найдутся дураки, которые поверят хвастовству человека, расхваливающего собственную продукцию? Неужели он сознается в ее недостатках или воздержится от преувеличений?

Харлен, успевший в детстве немного познакомиться с рекламой в пору ее относительного расцвета, снисходительно поднял брови.

— С этим приходится мириться. Таков уж был их образ жизни, а мы никогда не вмещиваемся ни в чей образ жизни, если только он не приносит серьезного вреда человечеству в целом.

Но, разглядывая нахальные и крикливые рекламные объявления в журнале, Харлен вновь вернулся мыслями к настоящему. Внезапно взволновавшись, он спросил себя: почему он стал думать о рекламе? Не связано ли это с тем, что его разум мучительно ищет выход из наступившего мрака?

Реклама! Способ убедить сомневающихся, заставить их поверить. Разве для продавца этих наземных экипажей имело хоть какое-то значение, хочет ли кто-нибудь купить его товар? Если ему удавалось внушить это желание клиенту (так они, кажется, назывались) и тот действительно совершал покупку, то не все ли равно, что он думал о ней?

А раз так, то стоит ли мучить себя вопросом: что руководило Нойс — страсть или расчет? Важно, чтобы они были вместе, и тогда она обязательно полюбит его. Он заставит ее полюбить, и в конце концов главным будет сама любовь, а не ее первопричина. Харлен даже пожалел, что никогда не читал романов, о которых так язвительно отозвался Финж.

И тут кулаки Харлена сжались от внезапной мысли. Если Нойс обратилась за бессмертием к нему, Харлену, то из этого следовало, что она не добилась своего раньше. Значит, до этого она не была любовницей ни одного из Вечных. Значит, по отношению к Финжу она оставалась только секретаршей и не более. Иначе зачем бы ей понадобился Харлен?

Но ведь Финж наверняка пытался, не мог не пытаться... (даже мысленно Харлен не смог закончить фразу). Он же мог лично доказать существование этого суеверия. Невероятно, чтобы, ежедневно встречаясь с Нойс, он не сделал такой попытки! Следовательно, она ему отказала.

Тогда ему пришлось использовать Харлена, и Харлен добился успеха там, где Финж потерпел поражение. Вот почему Финж так пылал жаждой мести и пытался убедить Харлена, что Нойс действовала из чисто практических побуждений.

Как бы там ни было, Нойс отвергла Финжа, несмотря на свою мечту о бессмертии, и выбрала Харлена. Следовательно, ею руководил не один только голый расчет. Чувства тоже играли какую-то роль.

С каждой секундой возбуждение Харлена становилось все сильнее, намерения — все безумнее.

Он и Нойс должны быть вместе. Теперь же! До всякого Изменения

Реальности! Как сказал в насмешку Финж: даже в Вечности нельзя продлить мгновенье.

Так-таки нельзя?

Харлен уже знал, что он должен сделать. Злобные насмешки Финжа довели его до такого состояния, что он был готов на преступление, а заключительная шутка Вычислителя подсказала характер этого преступления.

После этого он уже не тратил времени на размышления. Радостно, чуть ли не бегом он покинул квартиру, чтобы совершить свое первое преступление против Вечности.

Глава 8. ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Никто не остановил его. Никто не задавал ему вопросов. Все-таки в социальной изоляции Техников были и свои выгоды. Пройдя через Колодцы к Вратам Времени, Харлен настроил управление на координаты комнаты Нойс. Существовала опасность, что кому-то понадобится на законном основании воспользоваться этим же выходом. После недолгих колебаний Харлен запечатал выход своей личной печатью. На запечатанную дверь никто не обратит внимания, и наоборот, незапечатанные Врата с работающими приборами могут на целую неделю стать предметом толков и пересудов.

Не исключено, конечно, что у выхода его будет поджидать сам Финж. Приходилось рисковать.

Нойс все еще стояла на том месте, где он оставил ее. После его возвращения в Вечность прошло несколько долгих, мучительных часов (по биологическому времени), но для Нойс Харлен появился чуть ли не через секунду после своего исчезновения. Ни один волосок не успел шелохнуться на ее голове.

— Ты что-нибудь забыл, Эндрю? — спросила она с испугом.

Харлен вожделенно поглядел на нее, но не сделал попытки к ней прикоснуться. Слова Финжа не выходили у него из памяти, и он боялся увидеть на ее лице отвращение.

— Ты должна сделать то, о чем я тебя попрошу. — Голос его звучал хрипло.

— Значит, все-таки что-то случилось? Ведь ты исчез только что. И минуты не прошло.

— Не бойся, — сказал Харлен. Он с трудом подавил желание обнять ее, успокоить, хотя бы взять за руку. Словно какой-то демон все время толкал его на опрометчивые поступки. Ну зачем ему понадобилось

возвращаться в первое же возможное мгновение? Он только напугал ее своим неожиданным появлением.

Но в глубине души он хорошо знал ответ. Пространственно-временная инструкция давала ему два запасных дня. Чем раньше он вернется, тем больше шансов на успех, тем меньше вероятность, что он попадет. А с другой стороны, такая спешка таила в себе новую опасность. Он легко мог ошибиться в настройке и войти во Время раньше того момента, когда он покинул Нойс. Что тогда? Первое правило, которое он выучил, работая Наблюдателем, гласило: человек, дважды входящий в один и тот же отрезок Времени в одной и той же Реальности, рискует встретить самого себя.

Почему-то этого следовало избегать. Почему? Харлен не знал. Но он был совершенно уверен, что не желает встречаться с самим собой. Ему не хотелось заглянуть в глаза другого, более раннего (или позднего) Харлена. Кроме того, это было бы парадоксом, а Твиссел любил повторять: “Во Времени нет ничего парадоксального, но только потому, что само Время всячески избегает парадоксов”.

И пока в голове Харлена проносились эти бессвязные мысли, Нойс, не отрываясь, смотрела на него своими большими, сияющими глазами. Затем она подошла к нему и, положив прохладные ладони на его пылающие щеки, тихо сказала

— У тебя неприятности.

Каким нежным и любящим показался Харлену ее взгляд! Неужели он ошибается? Ведь она уже добилась своего. Что еще ей нужно? Сжав ее руки, он хрипло спросил:

— Хочешь пойти со мной? Только сразу. Не задавая вопросов.

— Так надо? — спросила она.

— Надо, Нойс. Это очень важно.

— Идем, — сказала она так просто и буднично, словно ей каждый день приходилось отвечать согласием на подобные просьбы.

У входа в капсулу Нойс на мгновение замешкалась, потом вошла внутрь.

— Мы двинемся вверх по Времени, Нойс, — сказал он.

— Это значит, в будущее, да?

В капсуле раздавалось тихое гудение, свидетельствующее о том, что приборы включены. Харлен незаметно надавил локтем на пусковой рычаг.

Ни с чем не сравнимое чувство “движения” сквозь Время не вызвало у нее тошноты, как опасался Харлен. Она сидела притихшая, спокойная и такая красивая, что при взгляде на нее у Харлена замирало сердце, и плевать ему было на то, что, проведя ее — человека из Времени — в

Вечность без специального разрешения, он совершает очередное преступление.

— Эндрю, что означают эти цифры? Годы? — спросила она.

— Нет, Столетия.

— Ты хочешь сказать, что мы перескочили через тысячи лет? Уже?

— Именно.

— Но я ничего не заметила. — Она огляделась. — А как мы движемся?

— Не знаю, Нойс.

— Не знаешь?

— В Вечности есть много вещей, которые трудно понять.

Цифры на счетчике Столетий сменялись все быстрее и быстрее, пока не слились в туманное пятно. Харлен локтем нажимал рычаг, разгоняя капсулу до предела. Повышенный расход энергии мог вызвать удивление на Энергостанции, но Харлен сомневался в этом. Никто не ждал их у входа в Вечность, когда он вернулся вместе с Нойс, и одно это гарантировало девять десятых Успеха. Сейчас ему оставалось только спрятать ее в безопасном месте.

— Вечные знают не все, — проговорил он после паузы.

— А я даже не Вечная, — пробормотала Нойс. — Я знаю так мало.

У Харлена екнуло сердце. Все еще не Вечная? Но ведь Финж утверждал...

“Оставь, — сказал он себе, — не копайся. Она пошла за тобой. Она улыбается тебе. Не искушай судьбу. Что еще тебе надо?”

И все-таки он спросил:

— Ты веришь в бессмертие Вечных?

— Видишь ли, они сами называют себя Вечными, и поэтому все уверены, что они живут вечно. — Она лукаво улыбнулась. — Но я знаю, что это неправда.

— Значит, ты не веришь?

— После того, как я побыла в Вечности, — нет. Люди, которые живут вечно, не разговаривают так, и потом, там были старики.

— И все же ты сказала мне той ночью, что я никогда не умру.

Все еще улыбаясь, она придвинулась поближе к нему.

— А я подумала: кто знает?

— А как Времяне относятся к тому, чтобы стать Вечными? — Харлен хотел задать вопрос непринужденно, но в голосе против его воли проскользнула напряженная нотка.

Ее улыбка погасла. Почудилось ли ему или она действительно покраснела?

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне интересно.

— Все это глупости, — ответила она. — Мне не хочется о них говорить.

Нойс опустила голову и принялась рассматривать свои изящные пальцы с длинными ногтями, которые тускло поблескивали в слабо освещенной капсуле. Харлену почему-то подумалось, что с наступлением вечера, когда стены замерцают мягким ультрафиолетом, эти ногти станут яблочно-зелеными или сочно-пурпурными, стоит ей чуть повернуть ладонь. Такая умница, как Нойс, могла раскрасить их в полдюжины цветов в зависимости от настроения. Синий мог бы означать невинность, ярко-желтый — веселье, лиловый — грусть, алый — страсть...

— Зачем тебе понадобилась моя любовь? — вдруг спросил он.

Она чуть побледнела, откинула назад свои длинные волосы и очень серьезно посмотрела ему прямо в глаза.

— Раз уж тебе так необходимо знать — у нас есть поверье: любовь Вечного делает девушку бессмертной. А я не хочу умирать. Это одна причина.

— Ты же сказала, что не веришь в это.

— А я и не верю, но почему бы не попробовать? Особенно если учесть вторую причину.

Он осуждающе посмотрел на нее, ища спасения от боли и разочарования на неприступных высотах морали своего Столетия.

— Какую?

— Мне все равно хотелось.

— Ты хотела, чтобы я полюбил тебя?

— Да.

— Но почему именно я?

— Ты мне сразу понравился. Ты был такой смешной.

— Смешной?

— Ну, странный. Ты так старался изо всех сил не смотреть на меня, а сам с меня глаз не сводил. Ты воображал, что ненавидишь меня, а я чувствовала, что тебя тянет ко мне. И мне стало немножко жаль тебя.

— При чем тут жалость? — У Харлена пылали щеки.

— Ты так страдал оттого, что хотел меня. А в любви все очень просто. Надо только спросить девушку. Так приятно любить и быть любимой. Зачем же страдать?

Харлен покачал головой. Ну и нравы в этом 482-м!

— Спросить, и все тут, — пробормотал он. — Так просто? И больше

ничего не надо?

— Ну, конечно, надо понравиться девушке. Но почему не ответить на любовь, если сердце свободно? Что может быть проще?

Теперь настал черед Харлена потупить глаза. В самом деле, что может быть проще? Ничего плохого в этом не было. Во всяком случае, для девушек из 482-го. Уж ему-то следовало бы это знать! Он был бы непроходимым кретином, если бы стал допрашивать Нойс о ее прежних увлечениях. С таким же точно успехом он мог бы расспрашивать девушку из своего родного Столетия, не случилось ли ей обедать в присутствии мужчин и было ли ей при этом стыдно? Слегка покраснев, он смущенно спросил:

— А что ты сейчас думаешь обо мне?

— Что ты очень милый, — ответила она. — Если бы ты к тому же пореже хмурил брови... Почему ты не улыбаешься?

— Во всем этом мало смешного, Нойс.

— Ну пожалуйста. Я хочу проверить, могут ли твои губы растягиваться. Давай попробуем.

Она положила свои пальчики на уголки его губ и слегка оттянула их. Он изумленно отдернул голову назад и не смог сдержать улыбку.

— Вот видишь, твои щеки не потрескались. Наоборот, ты стал почти красавцем. Если будешь каждый день упражняться перед зеркалом и научишься улыбаться, то станешь совсем красивым.

Но его улыбка, и без того еле заметная, сразу погасла.

— Нам грозят неприятности? — тихо спросила Нойс.

— Да, Нойс, большие неприятности.

— Из-за того, что у нас было? Да? В тот вечер?

— Не совсем.

— Но ведь ты знаешь, что я одна во всем виновата. Если хочешь, я им так и скажу.

— Ни за что! — энергично запротестовал Харлен. — Не смей брать на себя вину. Ты ни в чем, ни в чем не виновата. Дело совсем в другом.

Нойс тревожно посмотрела на счетчик.

— Где мы? Я даже не вижу цифр.

— Когда мы, — машинально поправил ее Харлен. Он убавил скорость настолько, чтобы можно было различить номера Столетий.

Прекрасные глаза Нойс расширились.

— Неужели это верно?

Харлен равнодушно взглянул на Счетчик. Тот показывал 72000.

— Конечно.

— Но где же мы остановимся?

— Когда мы остановимся? В далеком-далеком будущем, — угрюмо ответил он. — Там, где тебя никогда не найдут.

Они молча смотрели, как растут показания счетчика. В наступившей тишине Харлен мысленно вновь и вновь повторял себе, что Финж намеренно оклеветал ее. Да, она откровенно призналась, что в его обвинении была доля истины, но ведь с той же искренностью она сказала ему, что он привлек ее и сам по себе.

Внезапно Нойс встала и, подойдя к Харлену, решительным движением остановила капсулу. От резкого темпорального торможения к горлу подступила тошнота.

Ухватившись руками за сиденье, Харлен закрыл глаза и несколько раз тяжело сглотнул.

— В чем дело?

Нойс стояла рядом, ее лицо было пепельно-серым; две-три секунды она ничего не могла ответить.

— Эндрю, не надо дальше. Я боюсь. Эти числа так велики.

Счетчик показывал: 111394.

— Хватит, — сказал Харлен и, протянув ей руку, добавил Сумрачной торжественностью: — Пошли, Нойс. Я покажу тебе твой новый дом.

Взявшись за руки, словно дети, они бродили по пустынным помещениям. Тускло освещенные коридоры терялись вдали. Стоило только переступить через порог, как в темных комнатах вспыхивал яркий свет. Воздух был свежим и чистым, что говорило о наличии вентиляции, хотя его покой не нарушался даже легким ветерком.

— Неужели здесь никого нет? — прошептала Нойс.

— Ни души. — Харлен хотел громким и уверенным ответом развеять свой страх перед Скрытыми Столетиями, но почему-то и он сбился на шепот.

Они забрались так далеко в будущее, что Харлен даже не знал толком, как это Время называть. Говорить: сто одиннадцать тысяч триста девяносто четвертое — было смешно. Обычно этот период называли просто и неопределенно — Стотысячные Столетия.

В их положении было глупо ломать голову еще и над этой проблемой, но теперь, когда возбуждение, вызванное побегом сквозь Время, несколько улеглось, Харлен вдруг с особенной ясностью осознал, что находится в области Вечности, куда не ступала нога человеческая, и ему стало не по себе. Ему было стыдно за свой испуг, стыдно вдвойне, поскольку Нойс была свидетельницей его страха, но он ничего не мог с собой поделать.

— Как здесь чисто, — прошептала Нойс. — Даже пыли нет.

— Автоматическая уборка, — ответил Харлен. Ему казалось, что он чуть не надорвал связки от крика, на самом же деле он произнес и эти слова тихим голосом. — Здесь нет ни одного человека на тысячи Столетий в прошлое и будущее, — добавил он.

Похоже, Нойс это ничуть не встревожило.

— Неужели везде все устроено так же, как здесь? — спросила она. — Ты обратил внимание — на складах полно продовольствия и всяких запасов, полки библиотеки заставлены книгофильмами?

— Конечно, обратил. Каждый Сектор полностью оборудован.

— Но зачем, если в них никто не живет?

— Простая логика, — ответил Харлен. Когда он разговаривал, ему было не так жутко. Выскажи вслух то, что тебя пугает, и это явление, потеряв ореол таинственности, покажется обыденным и простым. — Давным-давно, еще на заре существования Вечности, где-то в 300-х Столетиях, был изобретен дубликатор массы. Не понимаешь? При помощи специального резонансного поля можно превратить энергию в вещество, причем атомные частицы занимают те же положения — с учетом принципа неопределенности, — что и в исходной модели. В результате получается идеально точная копия.

Вечность приспособила дубликатор для своих нужд. В то время было построено всего шестьсот или семьсот Секторов. Перед нами стояли грандиозные задачи по расширению зоны нашего влияния. “Десять новых Секторов за один биогод” — таков был главный лозунг тех лет. Дубликатор сделал эти огромные усилия ненужными. Мы построили один Сектор, снабдили его запасами продовольствия, воды, энергии, начинили самой совершенной автоматикой и запустили дубликатор. И вот сейчас мы имеем по Сектору на каждое Столетие. Я даже не знаю, насколько они протянулись в будущее, — вероятно, на миллиарды лет.

— И все похожи на этот?

— Да, все совершенно одинаковые. По мере расширения Вечности мы просто занимаем очередной Сектор и переоборудуем его по моде соответствующего Столетия. Затруднения возникают только в энергетических Столетиях. Но ты не бойся — до этого Сектора мы еще не скоро доберемся.

Он решил не рассказывать ей о Скрытых Столетиях. Незачем ее пугать. Прочитав на ее лице недоумение, он торопливо добавил:

— Не думай, что строительство Секторов было неразумной тратой сил и материалов. В конце концов, расходовалась только энергия, а ее мы

черпаем в неограниченных количествах из вспышки Новой...

Она прервала его:

— Нет, дело не в этом. Просто я никак не могу вспомнить.

— О чем?

— Ты сказал, что дубликатор изобрели в 300-х. Но у нас в 482-м его нет, и я никак не могу вспомнить ни одного упоминания о нем в книгофильмах по истории.

Харлен задумался. Хотя Нойс была всего на несколько дюймов ниже его, он внезапно почувствовал себя великаном рядом с ней, могущественным полубогом Вечности. Нойс казалась ему маленьким, беззащитным ребенком, и он должен был провести ее по головокружительным тропкам, ведущим к истине, и открыть ей глаза на мир.

— Нойс, дорогая, — сказал он, — давай присядем где-нибудь, и я тебе все объясню.

Представление о том, что Реальность не является чем-то установившимся, вечным и нерушимым, что она подвержена непрерывным изменениям, было не из тех, которые легко укладываются в чьем-либо сознании.

В тишине бессонных ночей Харлен до сих пор нередко вспоминал первые дни Ученичества и свои отчаянные попытки отрешиться от Времени, разорвать все связи со своим Столетьем.

Среднему Ученику требовалось почти полгода, чтобы узнать и осмыслить правду, чтобы понять до конца, что он уже никогда (в самом буквальном смысле этого слова) не сможет вернуться домой. И дело было не только в суровых законах Вечности, которые запрещали ему это, но и в неумолимом факте, что того дома, который он знал, могло уже больше не существовать, что в каком-то смысле этого дома вообще не существовало.

На разных Учеников это известие действовало по-разному. Харлен хорошо помнил, как побелело и вытянулось лицо его однокурсника Бонки Латуретта, когда Наставник Ярроу развеял их последние сомнения на этот счет.

В тот вечер никто из Учеников не притронулся к ужину. Они сбились в кучку, словно согревая друг друга теплом своих тел. Все, кроме Латуретта, который просто исчез. Было много шуток и смеха, но шутки не получались, а смех звучал фальшиво. Кто-то произнес робким, дрожащим голосом:

— Выходит, у меня и мамы не было. Если я вернусь к родителям в 95-е, они, наверное, скажут: “Кто ты? Мы тебя не помним. Чем ты докажешь, что ты наш сын? Тебя вообще нет”.

Они нерешительно улыбались и кивали головами, одинокие мальчики, у которых не осталось ничего, кроме Вечности.

Латуретта обнаружили в постели. Он спал крепким сном. Его дыхание было подозрительно учащенным, а на левой руке виднелась небольшая красная точка, оставшаяся после укола шприца. К счастью, на нее сразу же обратили внимание.

Вызвали Наставника, и несколько дней они боялись, что в их классе станет одним Учеником меньше, но все обошлось. Через неделю Бонки уже сидел за партой. Но Харлен был дружен с ним и знал, что рана, оставленная в его душе этой недоброй ночью, так и не зажила.

А теперь Харлену предстояло объяснить, что такое Реальность, девушке, которая была немногим старше тех мальчиков, и объяснить так, чтобы она поняла раз и навсегда. У него не было выбора. Нойс должна знать, что их ждет и как ей себя вести.

Он начал рассказ. Они сидели в конференц-зале за длинным столом, рассчитанным человек на двадцать, ели консервы, замороженные фрукты, пили холодное молоко, и Харлен рассказывал.

Он пытался смягчить удар, осторожно выбирая выражения, но в этом не было нужды. Нойс схватывала его объяснения на лету, и, еще не дойдя до середины своей лекции, Харлен вдруг с изумлением обнаружил, что ее реакция не так уж плоха. Она не испугалась и не растерялась, а лишь разозлилась. От гнева ее бледное лицо слегка порозовело, а черные глаза, казалось, стали еще черней.

— Но ведь это же преступление, — воскликнула она. — Как смеют Вечные распоряжаться нашей судьбой?

— Наша цель — благо человечества, — снисходительно пояснил Харлен.

Конечно, ей всего не понять. Он почувствовал жалость к этой Временнице, чей рассудок находится в плену у Времени.

— Благо человечества? А дубликатор вы тоже уничтожили для нашего блага?

— Пусть судьба дубликатора тебя не беспокоит. Мы сохранили его у себя.

— Вы-то сохранили, а как насчет нас? Ведь мы в 482-м тоже могли бы его иметь.

Она взволнованно взмахнула в воздухе своими кулачками.

— Вам бы он не принес ничего хорошего. Не волнуйся, дорогая, и выслушай меня до конца.

Судорожным движением — ему еще предстояло научиться

дотрагиваться до нее, не боясь прочесть на ее лице отвращение, — он схватил ее за руки и крепко сжал их.

Несколько секунд она пыталась вырваться, затем смирилась и даже рассмеялась.

— Продолжай, глупенький, только не смотри на меня так мрачно. Тебя-то я ни в чем не обвиняю.

— Тут некого винить, Нойс. Никто ни в чем не виноват. Мы были вынуждены так поступить. Случай с дубликатором — один из классических примеров. Я проходил его еще в школе. Дублируя предметы, можно дублировать и людей. При этом возникают очень сложные и запутанные проблемы.

— Но разве эти проблемы не в состоянии решать само человечество?

— Не всегда. Мы тщательно изучили всю эту эпоху и убедились, что люди не нашли удовлетворительного решения этой проблемы. Не забывай, что каждая неудача сказывается не только на них самих, но и на всех их потомках, на всех последующих обществах. Более того, проблема дубликатора вообще не может иметь удовлетворительного решения. Это одна из тех гадостей, вроде атомных войн и наркотических видений, которые просто не имеют права на существование. Их улучшение никогда не приводит к добру.

— Откуда у вас такая уверенность?

— Пойми, Нойс, мы располагаем великолепными Вычислительными машинами. Киберцентр по своим возможностям превосходит все созданное людьми в этой области во всех Реальностях и Столетиях. Он может рассчитывать с учетом влияния тысяч и тысяч переменных, насколько желательна или нежелательна любая Реальность.

— Машина! — презрительно фыркнула Нойс. Харлен осуждающе посмотрел на нее, но тут же раскаялся.

— Пожалуйста, не веди себя как ребенок. Конечно, тебе неприятно думать, что окружающий тебя мир совсем не так незыблем, как кажется. Всего год назад, до прошлого Изменения, ты сама и весь твой мир могли быть только тенью вероятности, но разве это что-либо меняет? У тебя ведь сохранились все воспоминания о прожитой жизни? Ты ведь помнишь свое детство и своих родителей, не правда ли?

— Конечно.

— Так не все ли тебе равно, как ты жила в той Реальности? Я хочу сказать, что результат тот же самый, как если бы ты прожила свою жизнь в соответствии со своими теперешними воспоминаниями.

— Не знаю. Мне надо подумать. А что если мой завтрашний день

снова станет лишь сновидением, тенью, призраком, или как ты там его назвал?

— Что ж, тогда будет новая Реальность, а в ней будет жить новая Нойс со своими новыми воспоминаниями. Все будет так, словно ничего не произошло, с той только разницей, что общая сумма человеческого счастья снова немного возрастет.

— Знаешь, меня почему-то это не удовлетворяет.

— Кроме того, — торопливо добавил Харлен, — тебе сейчас ничего не угрожает. Скоро в твоём Столетии возникнет новая Реальность, но ведь ты сейчас находишься в Вечности. Изменение не коснется тебя.

— Если, как ты утверждаешь, никакой разницы нет, — угрюмо сказала Нойс, — к чему тогда было затевать эту историю с моим похищением?

— Потому что ты мне нужна такой, какая ты есть, — с неожиданным для себя пылом воскликнул Харлен. — Я не хочу, чтобы ты изменилась хоть на самую малость!

Еще немного, и он бы проболтался, что, если бы не ее суеверия относительно Вечных и бессмертия, она даже не поглядела бы в его сторону.

Нойс испуганно оглянулась.

— Неужели мне придется всю свою жизнь провести вот здесь? Мне будет... одиноко.

— Нет, нет, не бойся. — Он с такой силой сжал ее руки, что она поморщилась от боли. — Я выясню твою судьбу в новой Реальности 482-го, и ты вернешься обратно, но только как бы под маской. Я позабочусь о тебе. Мы получим официальное разрешение на союз, и я прослежу, чтобы тебя впредь не коснулись никакие Изменения. Я Техник, и, говорят, неплохой, так что я немного разбираюсь в Изменениях. И я еще кое-что знаю, — угрожающе добавил он и осекся...

— Но разве это разрешено? — спросила Нойс. — Я хочу сказать, разве можно забирать людей в Вечность, предохраняя их от Изменений? У меня это как-то не вяжется с тем, что ты мне рассказал.

При мысли о десятках тысяч безлюдных Столетий, окружающих его со всех сторон, по спине у Харлена пробежала холодная дрожь. Ему стало жутко. Он почувствовал себя изгнанником, отрезанным от Вечности, которая до сих пор была для него единственным домом и единственной верой; отщепенцем вдвойне, отвергнутым и Временем, и Вечностью из-за любимой женщины.

— Нет, это запрещено, — подавленно ответил он. — Я совершил ужасное преступление, и мне больно и стыдно. Но если бы понадобилось, я

повторил бы его еще раз и еще раз...

— Ради меня, Эндрю? Да? Ради меня?

— Нет, Нойс, ради себя самого. — Он сидел, опустив глаза. — Я не могу тебя потерять.

— А если нас поймают? Что тогда?

Харлен знал ответ на этот вопрос. Он узнал его в ту самую ночь в 482-м, когда Нойс спала рядом с ним. Но до сих пор он не осмеливался поверить этой безумной догадке.

— Я никого не боюсь, — медленно проговорил он. — Пусть только попробуют тронуть нас! Они даже не подозревают, как много я знаю.

Глава 9. ИНТЕРМЕДИЯ

Последующие дни казались потом Харлену настоящей идиллией.

Столько событий произошло в эти бионедели, что все смешалось в его памяти и показалось, что прошло гораздо больше времени, чем на самом деле. Идиллическими были, конечно, только часы, проведенные им с Нойс, но они словно окрасили все его воспоминания в розовый цвет. Ему запомнились только отдельные эпизоды.

Эпизод первый. Вернувшись в Сектор 482-го, он не спеша уложил свои личные пожитки, главным образом одежду и пленки; тщательно и любовно упаковал тома Первобытного журнала. Все это предстояло отправить в его постоянное жилище в 575-м.

Переноска его вещей в грузовую капсулу уже заканчивалась, когда к нему подошел Финж.

— Я вижу, вы нас покидаете. — Как всегда, Финж безошибочно выбрал самое банальное выражение. Он улыбался, почти не разжимая губ. Руки его были заложены за спину, и он слегка покачивался, словно воздушный шарик на ножках.

Даже не взглянув на своего бывшего начальника, Харлен глухо пробормотал:

— Да, сэр.

— В своем донесении Старшему Вычислителю Твисселу я упомяну, что вы провели Наблюдение в 482-м самым удовлетворительным образом.

Харлен не смог выдать из себя даже казенных слов благодарности. Он просто промолчал.

Финж продолжал, неожиданно понизив голос:

— Я решил пока не сообщать о вашем нападении на меня.

Несмотря на приторную улыбку и ласковый взгляд, в его голосе явно проскальзывало злорадство.

Пристально посмотрев на него, Харлен ответил:

— Как вам будет угодно, Вычислитель.

Эпизод второй. Он снова обосновался в 575-м.

Вскоре после возвращения он встретил Твиссела. Он был почти счастлив снова увидеть эту маленькую фигурку с морщинистым личиком гнома. Даже вид белого стерженька, дымящегося меж двух запачканных табаком пальцев, доставил ему удовольствие.

— Вычислитель, — обратился к нему Харлен. Твиссел, выходявший из этого момента из своего кабинета, несколько секунд глядел на Техника, не узнавая его. Было заметно, как сильно он устал; лицо его осунулось, глаза покраснели и ввалились.

— А, Техник Харлен, — сказал он наконец. — Ну как, закончил свою работу в 482-м?

— Да, сэр.

Реакция Твиссела была странной. Он посмотрел на свои часы, которые, как и все часы в Вечности, показывая биологическое время, служили заодно календарем, и произнес:

— Выше голову, мой мальчик, выше голову. Все отлично.

У Харлена екнуло сердце. В прошлые встречи с Твисселом эти слова не имели бы для него никакого значения. Теперь же ему показалось, что он понимает их скрытый смысл. Твиссел, вероятно, очень устал, иначе его намек не был бы таким прозрачным. А может быть, Вычислитель считает его достаточно загадочным и потому безопасным.

— Как поживает мой Ученик? — Харлен постарался задать этот вопрос как можно более непринужденным тоном, чтобы не чувствовалась его связь со словами Твиссела.

— Чудесно, чудесно, — ответил Твиссел, явно не слыша вопроса. Он торопливо затянулся почти догоревшей сигаретой, отпустил Харлена быстрым кивком головы и заспешил прочь.

Эпизод третий: Ученик.

Купер теперь выглядел старше. Его возмужалость чувствовалась в каждом движении, даже в том, как он со словами “Рад, что вы вернулись, Харлен” протянул ему руку.

А может быть, дело в том, что прежде Купер был для Харлена всего лишь Учеником, а сейчас он казался кем-то большим, чем Ученик. Зная, какие грандиозные планы с ним связаны, Харлен уже не мог смотреть на него прежними глазами.

Однако выдавать себя не следовало. Они сидели в комнате Харлена, где молочная белизна фаянсовых стен доставляла Технику чисто

физическое наслаждение после буйства цветов 482-го. Как ни пытался он связать эту пышность с воспоминаниями о Нойс, она ассоциировалась в его мозгу только с Финжем. Воспоминания о Нойс почему-то связывались у него с аскетической строгостью Секторов в Скрытых Столетиях.

Он торопливо заговорил, словно пытаясь скрыть свои опасные мысли:

— Ну, Купер, чем ты здесь без меня занимался?

Купер засмеялся, застенчиво погладил свои свисающие усы и ответил:

— Все больше математикой. Одной математикой.

— Да? Наверное, уже добрался до очень мудреных разделов?

— До самых мудреных.

— Ну и как успехи?

— Пока сносно. Я, знаете ли, усваиваю все довольно легко. И мне это нравится. Вот только нагрузка все больше.

Харлен кивнул, чувствуя, как крепнет его уверенность.

— Матрицы Темпоральных полей и все такое прочее?

Но Купер, слегка покраснев, повернулся к книжным полкам и уклонился от ответа.

— Давайте поговорим о Первобытных Временах. У меня есть несколько вопросов. Например, городская жизнь в 23-м веке. Особенно в Лос-Анджелесе.

— Почему в Лос-Анджелесе?

— Это интересный город. Вам не кажется?

— Нет, почему же. Но только его надо изучать в 21-м, в пору его наивысшего расцвета.

— Неважно. Меня почему-то больше интересует 23-й век.

— Ладно. Я не возражаю.

Лицо Харлена осталось непроницаемым, но если бы эту непроницаемость можно было соскоблить, под ней обнажилась бы мрачная уверенность. Его гениальная интуитивная догадка уже не была больше только догадкой. Все подтверждало ее.

Эпизод четвертый. Изыскания. Точнее, двойной поиск.

В первую очередь — выяснить судьбу Нойс. Ежедневно жадными глазами он пробежал донесения на столе Твиссела. Копии проектов предполагаемых или запланированных Изменений Реальности в различных Столетиях автоматически направлялись Твисселу как члену Всевременного Совета, и Харлен был уверен, что ничего не пропустит. Прежде всего он хотел познакомиться с предстоящим Изменением в 482-м, а кроме того, найти проект еще одного Изменения — любого Изменения в любом Столетии, — которое содержало бы какой-то дефект, ошибку, недостаток,

малейшее отклонение от совершенства, заметное тренированному глазу Техника.

Строго говоря, эти донесения не предназначались для него, но Твиссел в эти дни редко бывал в своем кабинете, а никто другой не осмелился бы вмешаться в действия его личного Техника.

Такова была первая часть его поисков. Вторая проходила в библиотечном филиале 575-го.

Впервые он отважился выйти за границы тех отделов, которые раньше всецело поглощали его внимание. В прошлом он то и дело навещал полки с пленками, посвященными Первобытной истории, — этот раздел был представлен очень скудно, так что большую часть источников ему приходилось выписывать из далекого прошлого, в основном, разумеется, из Секторов, расположенных в конце третьего тысячелетия. Позже он совершал экспедиции к полкам, касающимся Изменений Реальности — их теории, технике и истории. В их Секторе благодаря Твисселу хранилась лучшая, без учета Центральной библиотеки, коллекция пленок на эту тему, благодаря которой он отточил свое мастерство.

Теперь же он с любопытством бродил среди катушек кинофильмов, посвященных другим проблемам. Впервые он занялся изучением пленок, описывающих само 575-е Столетие: его географию, которая почти не менялась от Реальности к Реальности, историю, меняющуюся в большей степени, и Социологию, претерпевшую наибольшие изменения. Это были не донесения Наблюдателей или доклады Вычислителей (с ними он более или менее был знаком), а книги, созданные самими Временами.

Среди них были художественные произведения, написанные в 575-м, и при их виде он вспоминал бурные дискуссии о влиянии Изменений на произведения искусства. Вечный вопрос — повлияет ли Изменение на данный шедевр или нет? Если повлияет, то как? Можно ли считать Изменение удачным, если при этом исчезают произведения искусства?

Кстати, возможно ли вообще единое мнение по вопросам искусства? Можно ли свести искусство к количественным показателям, доступным обработке на Вычислительных машинах?

Главным оппонентом Твиссела по этому вопросу был Вычислитель Август Сеннор. Постоянные выпады Твиссела в адрес Сеннора и его воззрений разожгли любопытство Харлена и побудили его прочесть некоторые книги Сеннора. Он был поражен прочитанным.

К полному замешательству Харлена, Сеннор открыто задавал вопрос: не может ли появиться в новой Реальности личность, аналогичная человеку, взятому из предыдущей Реальности в Вечность? Затем он

подвергал анализу возможность встречи Вечного со своим Аналогом во Времени, рассматривая отдельно случаи, когда Вечный знает и не знает об этом. (Здесь он слишком близко подошел к тому, что для каждого Вечного было предметом затаенного страха, и Харлен, беспокойно пожившись, торопливо пропустил несколько кадров.) И, разумеется, он уделял много внимания судьбам произведений литературы и искусства при Изменениях Реальности.

Но Твиссел не хотел и слышать о подобных вещах.

— Если невозможно рассчитать ценность произведений искусства, — кричал он Харлену, — то какой смысл вести бесконечную дискуссию!

И Харлен знал, что взгляды Твиссела разделяет подавляющее большинство членов Всевременного Совета.

И все же теперь, стоя перед полками с романами Эрика Линколлью, называемого обычно самым выдающимся писателем 575-го, Харлен думал именно об этом. Он насчитал пятнадцать полных собраний сочинений, взятых из разных Реальностей. Было очевидно, что все они чем-то отличаются друг от друга. Один комплект, например, был заметно меньше всех остальных. Харлен подумал, что, верно, добрая сотня Социологов заработала свои звания, проанализировав отличия в этих собраниях сочинений с точки зрения социологической структуры каждой Реальности.

Харлен прошел в то крыло библиотеки, где размещалась выставка приборов и механизмов, изъятых из различных Реальностей 575-го. Он знал, что многие из них были вычеркнуты из Времени и сохранились только в музеях Вечности как образцы человеческого таланта. Вечность была вынуждена оберегать человека от последствий его чрезмерно живой технической мысли, развитие науки и техники всегда доставляло Вечным кучу хлопот. Не проходило биогода, чтобы где-нибудь во Времени ядерная технология не подошла слишком близко к опасной точке, требуя срочного вмешательства со стороны Вечности.

Он вернулся в библиотеку и направился к полке с книгофильмами по математике и истории ее развития. После некоторого раздумья он отобрал штук пять пленок и расписался за них.

Эпизод пятый. Нойс.

Это была самая важная часть интермедии, ее единственная идиллическая часть.

В свободные часы после ухода Купера, когда появлялась возможность есть в одиночестве, читать в одиночестве, спать в одиночестве, ждать в одиночестве следующего дня, он пробирался к капсулам.

От всего сердца он радовался особому положению, занимаемому в

обществе Техниками. Он был искренне признателен окружающим за то, что они избегали его. Ему даже не снилось раньше, что можно быть настолько благодарным за эту изоляцию и обособленность.

Никто не оспаривал его права находиться в капсуле, никому не было дела, направляется он в прошлое или в будущее. Ничьи любопытные глаза не следили за ним, ничья доброжелательная рука не поднималась помочь ему, ничей болтливый рот не докучал ему. Он мог делать все, что ему вздумается.

— Слушай, Эндрю, ты переменялся, — говорила ему Нойс. — Если бы ты только знал, как ты переменялся!

Он посмотрел на нее и улыбнулся.

— В чем, Нойс?

— Да ведь ты улыбаешься. Подумать только — ты улыбаешься! Неужели ты ни разу не видел в зеркале своей улыбки?

— Я боюсь смотреть в зеркало. Я постоянно повторяю себе: не может быть, чтобы я был так счастлив. Я заболел. У меня бред. Я сошел с ума и грежу наяву, даже не зная об этом.

Нойс ущипнула его.

— Чувствуешь что-нибудь?

Он притянул ее голову к себе и словно утонул в ее шелковистых черных волосах.

Когда он наконец отпустил ее, она произнесла, задыхаясь:

— Вот и еще одна перемена. Ты и этому научился.

— У меня превосходная учительница... — начал было Харлен и осекся, испугавшись, что ей будет неприятен намек на тех многих, кто сделал из нее такую хорошую учительницу.

Но ее смех не был омрачен подобной мыслью. Они ужинали вместе, и она казалась шелковисто-гладкой и по-домашнему уютной в привезенных им нарядах.

Проследив за его взглядом, она легким движением оправила юбку и сказала:

— Лучше бы ты не делал этого, Эндрю, честное слово.

— Это совсем не опасно, — беззаботно ответил он.

— Это очень опасно. Не глупи. Я вполне могу обойтись тем, что найдется здесь... пока ты все не устроишь.

— Почему бы тебе не носить собственные платья и украшения?

— Потому что не стоит из-за них выходить во Время и посещать мой дом, рискуя быть пойманным. А вдруг они совершат Изменение, пока ты там?

— Меня не поймают, — нерешительно начал Харлен и уверенно добавил: — Кроме того, мой наручный генератор окружает меня Полем биовремени, так что Изменение не может коснуться меня, понимаешь?

— Нет, не понимаю, — вздохнула Нойс. — Боюсь, что никогда не смогу усвоить эти премудрости.

— Да это же проще простого.

Харлен с увлечением принялся объяснять. Нойс внимательно слушала, но по выражению ее глаз никак нельзя было понять, действительно ли ее интересуют эти объяснения или же только забавляют.

Эти разговоры стали важнейшей частью жизни Харлена. Впервые он мог с кем-то побеседовать, обсудить свои дела, мысли, поступки. Она как бы стала частью его самого, его вторым “я”, с непредсказуемым ходом мысли и неожиданными ответами. “Как странно, — думал Харлен, — сколько раз мне приходилось наблюдать такое социальное явление, как супружество, а самое важное всегда ускользало от меня. Ну разве мог я когда-либо вообразить, что к идиллии куда ближе не бурные вспышки страсти, а такие вот спокойные минуты вдвоем с любимой?”

Свернувшись клубочком в его объятиях, Нойс спросила:

— Как продвигается твоя математика?

— Хочешь взглянуть на нее?

— Не убеждай меня, что ты всегда носишь ее с собой.

— А почему бы нет? Поездки в капсулах отнимают много времени. Зачем терять его впустую?

Осторожно высвободив руку, Харлен достал из кармана маленький фильмоскоп, вставил в него пленку и с влюбленной улыбкой смотрел, как она подносит приборчик к своим глазам. Покачав головой, Нойс вернула фильмоскоп.

— В жизни не видела столько закорючек. Как бы мне хотелось уметь читать на вашем Едином межвременном!

— Большинство этих “закорючек”, как ты их называешь, — ответил Харлен, — вовсе не буквы Межвременного, а просто математические символы.

— Неужели ты их все понимаешь?

В ее глазах горело такое искреннее восхищение, что Харлену не хотелось разрушать ее иллюзии, но он был вынужден сознаться:

— К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Но все же достаточно, чтобы понять главное.

Он подкинул фильмоскоп вверх, поймал его быстрым движением руки и положил на маленький столик. Нойс следила за ним жадным взглядом, и

внезапно Харлена осенило:

— Всемогущее Время! Ведь ты же не умеешь читать на Межвременном.

— Конечно, нет.

— Тогда здешняя библиотека для тебя все равно что не существует. Как я об этом не подумал? Тебе нужны пленки из 482-го.

— Нет-нет, — торопливо ответила Нойс. — Мне ничего не надо.

— Ты их получишь.

— Честное слово, я не хочу. Глупо рисковать ради...

— Ты их получишь! — решительно повторил Харлен.

В последний раз он стоял перед завесой Поля, отделяющего Вечность от дома Нойс в 482-м. Он твердо решил, что этот раз будет последним. Изменение должно было вот-вот наступить. Он скрыл это от Нойс, боясь причинить ей боль.

И все же он сравнительно легко решился на еще одну вылазку во Время. С одной стороны, это была чистая бравада, желание покрасоваться перед Нойс, принести ей книгофильмы, вырванные, так сказать, из львиной пасти, с другой — непреодолимое стремление еще раз “подпалить бороду испанскому королю”, если только эта Первобытная поговорка была применима к гладко выбритому Финжу.

В какой-то степени сыграло роль и его желание еще раз окунуться в чарующую атмосферу обреченного дома. Он уже испытывал это чувство раньше, во время своих предыдущих вылазок. Оно непрестанно преследовало его, пока он бродил по пустым комнатам, собирая одежду, безделушки, странные коробочки и непонятные инструменты с туалетного столика Нойс.

В доме царила зловещая тишина обреченной Реальности, и дело было не только в физическом отсутствии звуков. Харлен не мог предсказать, чем станет этот дом в новой Реальности. Дом мог превратиться в загородный коттедж или в многоэтажку где-нибудь в трущобах. Он мог вообще исчезнуть, и прекрасный парк, окружавший его сейчас, мог смениться заросшим пустырем. Он мог не претерпеть никаких изменений. В следующей Реальности в нем могла жить новая Нойс, ее Аналог (Харлен опасливо отгонял от себя эту мысль), и с таким же успехом могло случиться, что в нем будет жить кто-то другой.

Для Харлена дом уже был призраком, досрочным привидением, начавшим пугать людей еще до своей смерти. Этот дом много значил для него, и он жалел о его неизбежном конце и оплакивал его.

За время пяти его посещений лишь однажды царившая в доме тишина

была нарушена каким-то звуком. Он был в тот момент в буфетной, радуясь, что в данной Реальности слуги не в моде и поэтому у него одной проблемой меньше. Кончив рыться среди коробок и банок с деликатесами, он подумал, что отобрал уже достаточно для одного раза и что Нойс будет рада возможности разнообразить обильное, но безвкусное меню пустого Сектора своими излюбленными продуктами. Он даже громко рассмеялся, вспомнив, что еще не так давно искренне считал эти блюда декадентскими изысками.

И вдруг, еще продолжая смеяться, он отчетливо услышал резкий, отрывистый звук. Харлен окаменел.

Звук раздался где-то сзади, за его спиной; и пока он стоял, не в силах пошевелиться, в его мозгу промелькнули две догадки: сначала он решил, что это случайный вор, а затем ему пришла в голову мысль о гораздо более страшной опасности — это мог быть кто-нибудь из Вечных, посланный сюда для расследования.

Это не мог быть вор. Весь период Времени, отведенный ему инструкцией, включая два запасных дня, был тщательно проверен и выбран из всех других возможных периодов Времени именно из-за отсутствия всяких осложняющих обстоятельств. Но с другой стороны, он произвел микроизменение (а может быть, даже и не микро) тем, что похитил Нойс.

Чувствуя, как сердце вот-вот выскочит у него из груди, Харлен заставил себя обернуться. Ему показалось, что дверь за его спиной только что закрылась, скользнув у него на глазах на последний миллиметр, прежде чем слиться со стеной.

Он подавил желание открыть эту дверь и обыскать дом Собрав отложенные банки и коробки, он стремглав вернулся в Вечность и целых два дня выжидал, прежде чем рискнул снова отправиться к Нойс в далекое будущее. Однако этот эпизод не имел никаких последствий, и постепенно он позабыл о нем.

Но сейчас, перед выходом во Время, устанавливая ручки настройки на определенные координаты Пространства и Времени, он снова вспомнил об этом происшествии. А может быть, на него давила мысль о совсем уже близком Изменении. Во всяком случае, потом ему казалось, что одно из этих двух обстоятельств и послужило причиной ошибки в настройке. Другого объяснения он придумать не мог.

Ошибка сказала не сразу. Пройдя сквозь завесу Темпорального поля, Харлен очутился в библиотеке Нойс.

Он настолько привык к декадансу, что у него не вызывали прежнего отвращения изощренные формы и причудливые узоры футляров с

книгофильмами. Названия книг были выведены такой замысловатой вязью, что читались с большим трудом. Это был явный триумф красоты над удобством.

Харлен разобрал наудачу названия нескольких пленок и был изумлен.

Одна из книг называлась “Социальная и экономическая история нашего Времени”.

Почему-то он никогда не обращал внимания на эту особенность природы Нойс. Ее никак нельзя было назвать глупой, но ему в голову не приходило, что ее могут интересовать такие солидные труды. Ему захотелось самому просмотреть “Социальную и экономическую историю”, но он сдержался. Если он захочет, то всегда найдет ее в библиотеке Сектора. Финж, подготавливая Изменение, несомненно, отобрал из этой Реальности все сколько-нибудь интересное уже много месяцев назад.

Он отложил пленку в сторону и выбрал после недолгих поисков парочку романов и несколько популярных книжек. Прихватив два карманных фильмоскопа, он тщательно упаковал все в свой рюкзак.

Тут он снова услышал, как тишину дома нарушили звуки. На этот раз ошибки быть не могло. Это был не краткий шум непонятого происхождения, как прежде, а смех, мужской смех. Он явно был в доме не один.

Харлен даже не заметил, как выронил рюкзак. В первую суматошную секунду он мог думать лишь о том, что попал в ловушку.

Глава 10. В ЛОВУШКЕ

Казалось, у него нет выхода. Судьба словно издевалась над ним. В последний раз совершил он вылазку во Время, в последний раз решил он натянуть Финжу нос; словно кувшин из старинной поговорки в последний раз отправился он по воду. Надо же было ему попасться именно теперь!

Неужели это смеялся Финж?

Кто еще стал бы выслеживать его, устраивать засаду и теперь упиваться своим торжеством?

Неужели все потеряно? В первое мгновение Харлен был настолько в этом уверен, что ему даже не пришло в голову попытаться удрать или вернуться в Вечность. Он решил встретиться с Финжем лицом к лицу.

Если придется, он убьет его.

Мягким шагом прирожденного убийцы Харлен направился к двери, из-за которой послышался смех. Выключив автоматический звуковой сигнал, он осторожно приоткрыл дверь рукой. Два дюйма. Три. Дверь скользила совершенно бесшумно.

В соседней комнате спиной к нему стоял человек. Для Фишка незнакомец был слишком худ и высок ростом, и, к счастью, это обстоятельство вовремя дошло до сознания Харлена и удержало его на месте.

По мере того как спадало охватившее их обоих в первый момент оцепенение, тот, второй, начал медленно, дюйм за дюймом поворачивать голову.

Завершения сцены Харлен так и не дождался. Не успев еще разглядеть профиль того, другого, он из последних сил в паническом ужасе отпрянул назад. Автоматический механизм беззвучно закрыл дверь.

Харлен слепо пятился от двери. Он тяжело дышал, с трудом заглатывая воздух; сердце колотилось так, точно пыталось выпрыгнуть из груди.

Финж, Твиссел и весь Всемирной Совет вместе взятые не могли бы довести его до подобного состояния. Его лишил мужества вовсе не страх перед реальной опасностью, а скорее инстинктивный ужас перед тем, что могло сейчас произойти.

Он подобрал отложенные пленки и, неловко прижимая их к себе, ухитрился после двух тщетных попыток открыть дверь в Вечность. Ноги его двигались сами собой. Каким-то чудом добрался он до 575-го, а затем до своей комнаты. Звание Техника, которое он только недавно по-настоящему оценил, снова выручило его. Несколько встреченных им Вечных автоматически отворачивались и уступали ему дорогу.

Это было к лучшему, потому что на его мертвенно-бледном лице застыло выражение ужаса. Никто не смотрел на него, и Харлен возблагодарил за это Время и Вечность, и ту слепую случайность, что сплетает нить человеческой судьбы.

Хотя он не успел как следует разглядеть человека, стоявшего в комнате Нойс, он был совершенно уверен, что не ошибся.

Когда Харлен впервые услышал шум в доме Нойс, он смеялся, и звук, прервавший его смех, был звуком падения чего-то тяжелого в соседней комнате. Во второй раз кто-то рассмеялся в соседней комнате, и он, Харлен, уронил на пол сверток с пленками. В первый раз он, Харлен, обернулся и увидел, как закрылась дверь. Во второй раз он, Харлен, закрыл дверь, когда незнакомец начал поворачиваться.

Он встретил самого себя!

В один и тот же момент Времени и почти в одном и том же месте он встретил другого, более раннего Харлена, чуть было не столкнулся с ним лицом к лицу. Он допустил ошибку, настроился на уже использованное мгновение, и в результате он встретил самого себя: Харлен встретил

Харлена.

Воспоминание о пережитом кошмаре преследовало его много дней, мешая работать. Он обзывал себя трусом, но это не помогало.

С этого момента все словно покатилося по наклонной плоскости. Он мог совершенно точно провести роковую черту, с которой все началось. Неудачи стали преследовать его с того самого мгновения, когда он в последний раз настроил управление Врат Времени на выход в 482-е и каким-то образом допустил ошибку. С тех пор дела шли все хуже и хуже.

Изменение Реальности, произведенное в 482-м, только усугубило его уныние. За две прошедшие недели он нашел три проекта Изменения Реальности, содержавших незначительные дефекты, и теперь выбирал между ними, не в силах решиться на активные действия.

Его выбор пал на проект Изменения Реальности 2456–2781, серия В-5, по ряду причин. Из всех трех оно было самым отдаленным во Времени. Ошибка в проекте была незначительной, но она влекла за собой человеческие жертвы. Кратковременная поездка в 2456-е, небольшой шантаж, и он узнает судьбу Нойс в новой Реальности и выяснит, что представляет собой ее Аналог.

Однако недавнее происшествие лишило его мужества. Тонко задуманная операция уже не казалась такой простой. Допустим, ему удастся выяснить природу Аналога Нойс — что дальше? Вернуть Нойс во Время в образе кухарки, прачки, работницы или кого-нибудь еще? Разумеется. А что делать с Аналогом?

С ее мужем, если он у нее будет? С ее семьей? С детьми?

Раньше он как-то не задумывался над этими вопросами, всячески избегал их: “Там будет видно...”. Сейчас он не мог думать ни о чем другом.

С такими мыслями он валялся в постели, презирая самого себя, как вдруг ему позвонил Твиссел, в голосе которого звучали усталость и недоумение:

— Харлен, ты что, заболел? Купер сказал, что ты пропустил несколько уроков.

Харлен попытался согнать тревогу со своего лица.

— Нет, Вычислитель Твиссел. Я просто немного устал.

— Ну что ж, мой мальчик, это простительно. — Чуть ли не впервые за все время их знакомства улыбка почти совсем исчезла с лица Вычислителя.

— Ты уже слышал об Изменении в 482-м?

— Да, — коротко ответил Харлен.

— Финж говорил со мной и просил передать тебе, что Изменение прошло успешно.

Харлен пожал плечами и вдруг заметил, что Твиссел пристально, в упор, глядит на него с экрана. Ему стало не по себе, и он спросил:

— Вы что-то хотели сказать, Вычислитель?

— Нет, ничего, — проговорил Твиссел, и, возможно, бремя прожитых лет отозвалось в его голосе непривычной печалью. — Я думал... может быть, ты хочешь со мной поговорить?

— Нет, сэр.

— Что ж, тогда я жду тебя завтра, когда откроется Вычислительный зал. Мне многое надо сказать тебе.

— Да, сэр, — ответил Харлен и еще долго после того, как погас экран, задумчиво смотрел на него.

В словах Твиссела ему послышалась скрытая угроза. Значит, Финж все-таки говорил с Твисселом. Что он сказал такого, о чем Твиссел умолчал?

Но эта внешняя угроза была именно тем толчком, которого ему сейчас недоставало. Борьба с унынием самому было безнадежно — все равно что сражаться с зыбучими песками, хлеща их прутиком. Борьба с Финжем — другое дело. Впервые за много дней Харлен вспомнил, каким оружием он обладает, и к нему вернулась былая уверенность.

Смена настроений произошла так внезапно, словно закрылась одна дверь и открылась другая. Оцепенение Харлена сменилось бурной деятельностью. Он отправился в 2456-е и, сбив с толку Социолога Воя, получил нужную ему информацию. Свою роль он сыграл блестяще.

Он узнал все, что хотел. Вернее, даже больше, чем хотел; больше, чем смел надеяться.

Уверенность всегда вознаграждается. В его родном Столетии была поговорка: “Смело хватись за крапиву — побьешь ей врагов, как дубиной”.

Итак, Нойс не имела Аналога в новой Реальности. Она могла занять свое место в обществе любым удобным, не вызывающим подозрений способом, или она могла остаться в Вечности. Не было никаких причин, по которым ему могли бы отказать в союзе с ней, кроме чисто теоретического факта нарушения закона, — а он хорошо знал, как отвести это обвинение.

И вот сейчас он мчался в будущее, чтобы сообщить Нойс великую новость и насладиться вместе с ней огромной удачей после мучительных дней отчаяния и тяжелых предчувствий.

В этот момент капсула остановилась.

Она не тормозила постепенно, а просто замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду. Если бы капсула двигалась в трехмерном

Пространстве, мгновенная остановка разбила бы ее вдребезги, раскалила бы ее металл добела, превратила бы Хар-лена в бесформенную кучу поломанных костей и окровавленной плоти.

Но поскольку дело происходило во Времени, остановка вызвала только сильную тошноту и дикую боль в желудке.

Когда боль чуть отпустила, он потянулся к счетчику и поглядел на него сквозь туман в глазах. На нем застыло число 100000. Внезапно его охватил страх. Число было слишком круглым. Он лихорадочно повернулся к приборам. Что случилось? Но приборы утверждали, что все в порядке, и это напугало его еще больше. Пусковой рычаг был в исправности и находился в крайнем положении, соответствующем движению в будущее с максимальной темпоральной скоростью. Не было никаких признаков короткого замыкания. Ни одна стрелка не перешла за красную черту. Энергопитание не было отключено. Тоненькая стрелка энергометра молчаливо подтверждала, что потребление энергии по-прежнему составляет миллионы мегаватт.

Что же тогда остановило капсулу?

Медленным, осторожным движением Харлен дотронулся до рычага и перевел его в нейтральное положение. Стрелка энергометра стала на нуль. Он потянул рычаг на себя. Стрелка снова пошла вверх, а счетчик принялся отщелкивать Столетия в обратном направлении.

Назад... еще назад... 99983... 99972... 99950... Харлен остановил капсулу и снова послал ее в будущее. На этот раз медленно, очень медленно. 99985... 99993... 99997... 99998... 99999... 100000... Стоп! Счетчик застрял на 100000. Энергия вспышки Солнца потреблялась в невероятных количествах без всякого результата. Он снова послал капсулу назад, на этот раз еще дальше. Рванулся вперед. И вновь остановка!

Его зубы были стиснуты, губы поджаты, воздух вырывался изо рта с хрипом. Харлен чувствовал себя узником, бьющимся в бессильной ярости окровавленной головой о прутья тюремной решетки. После десятка бесплодных попыток капсула по-прежнему застряла на 100000.

Надо сменить капсулу! Но в глубине души он уже знал, что это бесполезно.

В мертвой тишине 100000-го Столетия Эндрю Харлен вышел из капсулы и выбрал наудачу новый Колодец Времени. Минуту спустя, сжимая рукоятку, он глядел на число 100000 на счетчике, теперь уже точно зная, что ему не пройти и здесь.

Его охватило бешенство. Надо же было ему потерпеть поражение именно сейчас, после того, как ему так неожиданно повезло! Проклятие

той роковой ошибки в 482-м все еще тяготело над ним.

Свирепо рванув рычаг, он на полной скорости отправил капсулу назад, в прошлое. По крайней мере в одном направлении он еще мог двигаться, один путь еще был для него свободен. Нойс отгорожена от него барьером, Нойс вне досягаемости — что еще они могут ему сделать? Теперь ему нечего бояться.

В 575-м он выскочил из капсулы и, не разбирая дороги, не глядя по сторонам, кинулся в библиотеку. Там он взял давно облюбованный экспонат и даже не оглянулся — следят за ним или нет. Не все ли равно?

Снова в капсулу и снова в прошлое. План действия сложился сразу. По пути он взглянул на большие настенные часы, показывающие биовремя и номер одной из трех рабочих смен, на которые были разбиты сутки. Финж сейчас, вероятно, находился в своей квартире, и это было к лучшему.

Когда Харлен наконец прибыл в 482-е, он весь горел, как в лихорадке. Рот пересох, словно его набили ватой. Грудь ныла. Но под рубашкой у него было спрятано оружие, которое он прижимал локтем к телу, и это холодное прикосновение металла было единственным ощущением, с которым стоило считаться.

Вычислитель Гобб Финж взглянул на Харлена, и удивление в его глазах медленно сменилось беспокойством.

Харлен молча смотрел на него, ожидая, когда беспокойство увеличится настолько, чтобы перейти в страх. Неторопливо сделав несколько шагов в сторону, он занял позицию между Вычислителем и видеофоном.

Финж был раздет до пояса. На его голой груди виднелись редкие волоски; пухлые груди напоминали женские. Рыхлый живот нависал над поясом. Харлен с удовлетворением подумал, что вид у Вычислителя совсем не величественный, скорее отталкивающий. Что ж, так даже лучше.

Правой рукой он судорожно сжал под рубашкой рукоятку оружия.

— Не смотрите на дверь, Финж, — заговорил Харлен. — Никто не заметил меня. Никто сюда не придет. Вам следует понять, что вы имеее дело с Техником. Знаете ли вы, что это значит?

Голос Харлена звучал глухо. Его злило, что в глазах Финжа не было страха, только беспокойство. Вычислитель неторопливо потянулся за рубашкой и, не говоря ни слова, принялся одеваться.

— Известны ли вам, Финж, преимущества Техника? — продолжал Харлен. — Впрочем, откуда вам знать, ведь вы никогда им не были. Самое большое преимущество заключается в том, что Техник становится невидимкой; никто не видит, куда он идет или что он делает. Вечные так усердно отворачиваются при встрече с Техниками, что в конце концов

вообще перестают их замечать. Например, я могу пройти в библиотеку Сектора и взять там все, что моей душе угодно, пока библиотекарь будет сидеть, уткнув нос в свои бумаги и боясь даже повернуть голову в мою сторону. Я могу пройти по жилым коридорам 482-го, и все встречные будут отводить глаза, а потом клясться, что никого не видели. Это уже автоматизм. Вот почему я могу делать все, что мне вздумается, и ходить всюду, куда мне вздумается. Я могу, например, зайти в личные апартаменты Вычислителя, возглавляющего Сектор, под дулом оружия вырвать у него любые признания, и никто мне не помешает.

Впервые после его прихода Финж заговорил:

— Что вы там прячете?

— Оружие, — ответил Харлен и вытащил руку из-под рубашки. — Узнаете?

Оружие напоминало старинный пистолет со стволом в виде раструба, который заканчивался блестящим металлическим утолщением.

— Если только вы меня убьете... — начал Финж.

— Не бойтесь. Я не убью вас, — ответил Харлен. — В прошлую нашу встречу у вас был бластер. Это не бластер, это изобретено в одну из прошлых Реальностей 575-го. Возможно, вы никогда не слышали об этой штуке. Ее вычеркнули из Реальности. Отвратительная вещица. Им можно убить, но при малой мощности излучения он действует на болевые центры нервной системы и вызывает паралич. Его называют — или называли раньше болеизлучателем. Учтите, он заряжен Я опробовал его на себе — Харлен показал скрюченный мизинец левой руки. — Могу вас уверить, ощущение было не из приятных.

Финж беспокойно поежился

— Ради Времени, что вам от меня нужно?

— Я требую, чтобы вы сняли блокировку Времени в 100000-м.

— Блокировку Времени?

— Нечего притворяться удивленным — вам это все равно не поможет. Вчера вы говорили с Твисселом. Сегодня все Колодцы Времени заблокированы. Я хочу знать, что вы сказали Твисселу. Я хочу знать, что было сделано в связи с вашим доносом и что еще будет сделано Клянусь Временем, Вычислитель, если вы не скажете мне правду, я с удовольствием пущу в ход излучатель! Считаю до трех, после чего вы узнаете, шучу я или нет.

— Тогда слушайте... — Финж слегка заикался, в его голосе появились первые нотки страха. — Вы хотите знать правду — так получайте ее. Нам все известно о вас и о Нойс.

У Харлена задрожали веки.

— Что именно?

— Неужели вы думали, что ваши действия останутся незамеченными и безнаказанными? — Вычислитель говорил, не сводя глаз с болеизлучателя; его лоб покрылся испариной. — Ради Времени, неужели после того скандала, что вы устроили здесь, и после всего, что вы натворили в период Наблюдения, вы сомневались, что мы начнем следить за вами? Мне была бы грош цена как Вычислителю, если бы я этого не сделал. Мы знаем, что вы взяли Нойс в Вечность. Мы знали это с самого начала. Вы хотели правду — так вот она.

Никогда в жизни Харлен так не презирал себя за собственную тупость.

— Вы знали все?

— Да. Мы знаем, что вы прячете ее в Скрытых Столетиях. Каждый раз, когда вы прокрадывались в 482-е, чтобы взять ее тряпки, мы знали об этом. Мы наблюдали, как вы изображаете дурака, забыв про вашу Клятву Вечности.

— Почему же вы не остановили меня? — Харлен решил испить чашу унижения до дна.

— Вы все еще хотите правды? — По мере того как надежды Харлена разлетались вдребезги, Финж, казалось, набирался храбрости.

— Говорите.

— Тогда я скажу вам, что я с самого начала считал вас недостойным звания Вечного. Вы можете быть смышленным Наблюдателем или умелым Техником, но не Вечным. Я дал вам последнее поручение только для того, чтобы доказать это Твисселу, который по каким-то непонятным причинам цепляется за вас. Ваша работа не была просто проверкой аристократии в лице этой вашей девицы. Одновременно я проверял вас как Вечного, и вы спеклись, в чем лично я был уверен с самого начала. А теперь спрячьте это оружие, этот болеизлучатель, как вы его называете, и убирайтесь отсюда вон.

Все попытки Харлена сохранить остатки собственного достоинства разбивались о злобный взгляд Финжа; ему казалось, что его мозг утратил гибкость и чувствительность, подобно мизинцу левой руки, парализованному излучателем.

— И вы пришли тогда в мою комнату специально для того, чтобы подтолкнуть меня на преступление?

— Вот именно. Точнее говоря, я искушал вас. Я сказал вам тогда чистую правду⁷, что только в той Реальности вы могли сохранить Нойс. Вы предпочли действовать не как Вечный, а как сопливый мальчишка.

Впрочем, ничего другого я от вас и не ждал.

— Я бы и сейчас поступил точно так же, — хрипло сказал Харлен. — И поскольку вам все известно, то мне, как вы сами понимаете, терять нечего.

Он приставил болеизлучатель к жирному животу Финжа и процедил сквозь стиснутые зубы:

— Что вы сделали с Нойс?

— Понятия не имею.

— Не пытайтесь меня обмануть. Что случилось с Нойс?

— Я уже сказал, что не знаю.

Харлен что было сил сжал рукоять болеизлучателя, его голос звучал совсем тихо:

— Сначала в ногу. Будет очень больно.

— Послушайте, ради Времени, подождите...

— Жду. Что вы сделали с Нойс?

— Нет, послушайте меня. До сих пор ваши поступки были простым нарушением дисциплины. Реальность не пострадала. Я специально проверил это. Вы отделаетесь разжалованием в Работники. Но если вы меня убьете или нанесете мне телесные повреждения, то за нападение на старшего по званию вам полагается смертная казнь.

Эта жалкая угроза вызвала на лице Харлена презрительную улыбку. После всего, что случилось, смерть будет для него самым простым и легким выходом.

Но Финж, очевидно, не понял значения этой улыбки, потому что он торопливо добавил:

— Не думайте, что в Вечности нет смертной казни, раз вы никогда о ней не слышали. Мы, Вычислители, знаем лучше. Знаем и о том, как происходят казни. Все очень просто. В любой Реальности происходит масса катастроф, после которых не находят трупов. Ракеты взрываются в воздухе, аэролайнеры тонут в океане или разбиваются вдребезги в горах. Приговоренного помещают внутрь обреченного корабля за несколько минут или секунд до катастрофы. Как вам это нравится?

Харлен содрогнулся, но тут же овладел собой.

— Если вы тянете время, это не поможет. Послушайте лучше меня. Никаких наказаний я не боюсь. И твердо собираюсь заполучить Нойс. Она нужна мне немедленно. В текущей Реальности у нее нет Аналога. Нет никаких причин, по которым мне могли бы отказать в разрешении.

— Правила для Техников не допускают...

— Мы предоставим решать это Всевременному Совету. — В Харлене

наконец проснулась гордость. — Я не боюсь отказа, так же как я не боюсь убить вас. Я ведь не просто Техник.

— Хотите сказать, что вы Техник Твиссела? — На круглом, потном лице Финжа появилось странное выражение то ли ненависти, то ли торжества, то ли того и другого вместе.

— Нет, причина куда важнее. А теперь... — С мрачной решимостью Харлен положил палец на спусковую кнопку.

— Тогда идите в Совет! — истерично взвизгнул Финж. — Всевременной Совет знает все. Объясните им... — У него сорвался голос.

Палец Харлена нерешительно задрожал на кнопке.

— Что вы сказали?

— Неужели вы думаете, что в подобном деле я стал бы действовать в одиночку? Я доложил обо всем Совету сразу же после Изменения Реальности. Вот копия моего донесения.

— Ни с места!

Но Финж не обратил внимания на этот окрик. Он метнулся к картотеке, как одержимый бесом. Отыскав кодовый номер нужного отчета, он торопливо набрал его, и из щели в столе поползла серебристая лента, на которой простым глазом можно было разобрать сложный узор точек.

— Хотите прослушать ее? — спросил Финж и, не дожидаясь ответа, вставил ленту в озвучиватель.

Харлен слушал, окаменев. Все было ясно. Финж ничего не упустил, детально описав все передвижения Харлена во Времени. Он не упустил ничего, что сам Харлен мог припомнить.

— А теперь идите в Совет! — завопил Финж, когда лента кончилась. — Я не заблокировал Время. Я даже не знал, что это возможно. И не думайте, что они спустят вам это с рук. Да, вы правы, я говорил вчера с Твисселом. Но это он вызвал меня, а не я его. Идите, объясните Твисселу, что вы не просто Техник. А если вам так уж хочется сначала убить меня, то стреляйте, Время вас побери!

В голосе Вычислителя явственно слышались ликующие нотки. Он чувствовал себя победителем, и в эту минуту ему не был страшен даже болеизлучатель.

Почему? Неужели он так сильно ненавидит Харлена? Неужели ревность к Харлену заглушает в нем все остальные чувства, даже чувство самосохранения?

Харлен не успел ответить себе на эти вопросы. Неожиданно Финж и все связанное с ним потеряло для него всякое значение. Он сунул болеизлучатель в карман, резко повернулся и, не оглядываясь, направился к

ближайшему Колодцу Времени.

Теперь ему предстояло иметь дело с Советом или, по крайней мере, с Твисселом. Он не боялся их ни порознь, ни вместе взятых.

С каждым днем в нем крепла уверенность в своей незаменимости. Даже Совету Времен придется пойти на уступки, если на одной чаше весов будет Нойс, а на другой — судьба Вечности.

Глава 11. ЗАМКНУТЫЙ КРУГ

Стремительно выскочив из капсулы в 575-м, Техник Эндрю Харлен, к собственному удивлению, обнаружил, что попал в ночную смену. В безумных метаниях из капсулы в капсулу он даже не заметил, что прошло несколько биочасов. Непонимающими глазами он смотрел на пустые, тускло освещенные коридоры, свидетельствующие о том, что во всем Секторе бодрствует лишь немногочисленный дежурный персонал.

Но гнев еще одолевал его, и он не собирался без толку стоять здесь. Харлен направился в квартирный отсек. Он намеревался найти квартиру Твиссела на Уровне Вычислителей, как нашел квартиру Финжа, и не боялся, что кто-либо помешает ему.

Плотно прижимая локтем к телу жесткую рукоять болеизлучателя, Харлен остановился перед дверью Твиссела. (Это подтверждала именная табличка с четкой, строгой надписью.) Переведя регулятор звукового сигнала двери на максимальную громкость, он нажал влажной ладонью на кнопку и стоял, не отнимая руки. Даже сквозь дверь он слышал глухое гудение. За спиной послышались легкие шаги, но Харлен не обратил на них внимания, пребывая в полной уверенности, что и этот прохожий, кем бы он ни был, постарается пройти мимо, не заметив его (хвала розовой нашивке Техника!).

Но против ожидания человек остановился за его спиной и вопросительно произнес:

— Техник Харлен?

Харлен круто обернулся. Перед ним стоял Младший Вычислитель из новеньких. Харлен с трудом подавил раздражение. Что подделаешь, здесь не 482-е, где он был рядовым Техником. В 575-м он Техник Твиссела, и молодые Вычислители, стремясь снискать расположение великого Твиссела, проявляли какой-то минимум вежливости к его Технику.

— Вы хотите видеть Старшего Вычислителя Твиссела? — спросил Вычислитель.

— Да, сэр, — кисло поморщившись, ответил Харлен. (Вот болван! С чего бы еще он стоял у двери, нажимая на кнопку сигнала? Чтобы вызвать

капсулу?)

— Боюсь, что это невозможно, — проговорил Вычислитель.

— Мое дело не терпит отлагательства.

— Может, и так. Но Вычислителя Твиссела сейчас нет в 575-м. Он в другом Времени.

— В каком именно? — нетерпеливо спросил Харлен.

Во взгляде Вычислителя появилась надменность.

— Мне это неизвестно.

— Но у меня на утро назначена важная встреча с ним.

— Вот именно, — весело сказал Вычислитель. Харлен слегка удивился: что во всем этом так забавляет его собеседника?

Уже откровенно улыбаясь, Вычислитель продолжал:

— Вам не кажется, что вы явились немного рано?

— Мне надо срочно с ним встретиться.

Улыбка Вычислителя расплылась еще шире.

— Не беспокойтесь — завтра утром он будет здесь.

— Но...

Вычислитель повернулся, стараясь не коснуться одежды Техника, и пошел прочь. Харлен свирепо глядел ему вслед, сжимая и разжимая кулаки. Затем, поскольку все равно больше ничего не оставалось, он медленно, не разбирая дороги, поплелся в свою комнату.

Харлен не мог уснуть. Он твердил себе, что ему необходимо выспаться, пытался усыпить себя силой воли, но потерпел неудачу. Почти всю ночь он провел в бесплодных размышлениях.

Прежде всего о Нойс. Он вновь и вновь повторял себе, что они не посмеют навредить ей. Ее не могли отослать обратно во Время, не рассчитав предварительно, как это повлияет на Реальность, а для этого нужны были дни, может быть, даже недели. Правда, с ней могли сделать то, чем Финж угрожал ему, — поместить в место будущей катастрофы за несколько секунд до нее.

Однако Харлен даже не задумывался всерьез над подобной возможностью. У Совета не было настоятельной необходимости прибегать к крайним мерам. Вряд ли они рискнут вызвать его неудовольствие. (В сонной тишине спальни Харлен впал в то полудремотное состояние, в котором ничто уже не кажется удивительным, и ему не показалась странной даже собственная уверенность, что Всевременной Совет не осмелится вызвать неудовольствие какого-то Техника).

Конечно, с женщиной, находящейся в заключении, многое может случиться. Особенно с красивой женщиной из гедонистического

Столетия...

Харлен решительно отбрасывал эту мысль всякий раз, когда она приходила ему в голову; подобная возможность была одновременно и более вероятной, и более ужасной, чем смерть, и ему было страшно даже думать о ней.

Он стал думать о Твисселе.

Старика нет в 575-м. Где он может находиться в эти ночные часы? Почему он не спит? Старики ведь должны отдыхать. Харлен решил, что он на заседании. Члены Совета совещаются о том, что делать с Харленом. И что делать с Нойс. Как поступить с незаменимым Техником, которого до поры до времени нельзя трогать?

Харлен поджал губы. Даже если Финж поторопился сообщить о вторичном нападении на него Техника, его донос ровно ничего не изменит. Новое преступление едва ли может существенно усугубить его вину и несколько не уменьшит степень его незаменимости.

К тому же Харлен вовсе не был уверен, что Финж непременно донесет на него. Уже одно то, что Вычислитель струсил перед Техником и все ему рассказал, ставило Финжа в смешное положение, и он вполне мог умолчать об этом. Эта мысль навела Харлена на размышления о Техниках как об особой группе. В последнее время такие мысли редко приходили ему в голову. Его несколько необычное положение личного Техника Твиссела и Наставника Купера отдаляло его от товарищей по профессии. Но другие Техники тоже держались порознь. Почему?

Почему и в 575-м, и в 482-м он так редко виделся или разговаривал с другими Техниками? Почему они избегают друг друга; почему ведут себя так, словно разделяют дурацкие предрассудки в отношении самих себя?

В своих мечтах он уже принудил Совет к капитуляции по всем вопросам, касавшимся Нойс, и теперь выдвигал новые требования. Техники должны получить право создать собственную организацию, они должны чаще встречаться друг с другом, больше дружить. К ним должны лучше относиться.

Засыпая, он уже видел себя бесстрашным героем-революционером, идущим к победе рука об руку с Нойс.

Его разбудило нетерпеливое хриплое бормотание звукового сигнала. Собравшись с мыслями, Харлен бросил взгляд на маленькие часы над кроватью и глухо простонал.

Всемогущее Время! Он еще и проспал! Не вставая с постели, он дотянулся до нужной кнопки, и квадратное окошко в двери обрело прозрачность. Лицо Вечного, стоявшего за дверью, было ему незнакомо, но

в нем чувствовалась властность.

Харлен открыл дверь, и в комнату вошел человек с оранжевой нашивкой Администратора.

— Техник Эндрю Харлен?

— Да, Администратор. У вас ко мне какое-то дело?

Казалось, Администратор даже не заметил вызывающего тона, которым был задан этот вопрос.

— Вам была назначена на сегодняшнее утро встреча со Старшим Вычислителем Твисселом.

— Ну и что?

— Меня послали сообщить вам, что вы опаздываете.

Харлен удивленно посмотрел на него.

— Послушайте, что все это значит? Ведь вы не из 575-го.

— Я работаю в 222-м, — последовал ледяной ответ. — Ответственный Администратор Арбут Лемм. Я отвечаю за организационную сторону мероприятия и во избежание утечек информации предпочел не пользоваться видеофоном.

— Какое мероприятие? Какие утечки? О чем вы говорите? Послушайте, я почти каждый день встречаюсь с Твисселом; он мое непосредственное начальство. Какие толки это может вызвать?

На официально-бесстрастном лице Администратора на миг появилось удивленное выражение.

— Разве вы ничего не знаете?

— О чем?

— Сейчас в 575-м проходит заседание подкомитета Всевременного Совета. В вашем Секторе только об этом и говорят.

— Они хотят видеть меня? — Не успев договорить до конца, Харлен подумал: “Ну конечно же, они хотят видеть меня. Кому еще, как не мне, может быть посвящено это заседание?”.

Теперь он понял, почему так веселился ночью Младший Вычислитель, встретивший его у дверей Твиссела. Вычислитель знал о предстоящем заседании подкомитета, и ему смешно было даже подумать, что Техник надеется в подобный момент встретиться с Твисселом. “Очень забавно”, — с горечью подумал Харлен.

— Я знаю только то, что мне поручено, и ничего больше, — сказал Администратор. И удивленно добавил: — Неужели вы ничего не слышали?

— Техники ведут замкнутый образ жизни, — с сарказмом ответил Харлен.

Пятеро, не считая Твиссела! Шесть Старших Вычислителей, каждый

из которых провел в Вечности не меньше тридцати пяти лет.

Месяц назад честь завтракать с такими людьми за одним столом ошеломила бы Харлена, а мысль об олицетворяемой ими ответственности и могуществе сковала бы ему язык. Они показались бы ему великанами.

Но сейчас они были его врагами, хуже того — судьями. У него не было времени для благоговейного трепета; надо было срочно обдумать план действий.

Члены Совета могли не знать, что он в курсе похищения Нойс, если только Финж вторично не донес на него. Однако при свете дня в нем окрепла уверенность, что Финж не решится сделать из себя посмешище, публично сознавшись в оскорблении, нанесенном ему Техником.

Как ни мало было это преимущество, пренебрегать им не стоило. Харлен решил выжидать, пока не будет произнесена фраза, знаменующая начало военных действий. Пусть они сами сделают первый шаг.

Однако члены Совета не спешили. Сидя за скромным завтраком, они безмятежно разглядывали Харлена, словно он был интересным экспонатом, подвешенным в музейной витрине на слабых антигравитаторах. С мужеством отчаяния Харлен начал рассматривать их в ответ.

Он знал всех присутствующих по их славным именам, а также по объемным изображениям, которые то и дело попадались в ежемесячных информационных стереофильмах. Эти фильмы предназначались для обмена опытом между Секторами, и Вечные всех рангов начиная с Наблюдателей обязаны были регулярно являться на их просмотры.

В первую очередь его внимание привлек Август Сеннор — совершенно лысый, даже без бровей и ресниц. С близкого расстояния его безволосое и безбровое лицо с внимательными темными глазами казалось еще значительнее, чем на экране. Кроме того, Харлен много слышал о разногласиях между Сеннором и Твисселом. И еще Сеннор не ограничился разглядыванием Харлена. Он буквально засыпал его вопросами, заданными резким, пронзительным голосом.

Вначале это были невинные риторические вопросы, например, “Скажите, молодой человек, почему вас вдруг заинтересовала Первобытная история?” или “Что дало вам это увлечение?”.

Затем он уселся поудобнее в кресле и, сбросив небрежным жестом свою тарелку в люк для грязной посуды, сложил перед собой руки со сплетенными пальцами. (На руках у него, как заметил Харлен, волос тоже не было.)

— Меня давно интересует один вопрос, — начал Сеннор. — Может быть, вы мне поможете.

“Вот оно, началось”, — подумал Харлен.

— Если смогу, сэр, — сказал он вслух.

— Некоторые из нас, Вечных, — я не хочу сказать, что все или даже очень многие, — тут он бросил взгляд на усталое лицо Твиссела, в то время как остальные придвинулись поближе и приготовились слушать, — но, во всяком случае, некоторые из нас интересуются философией Времени. Может быть, вы знаете, о чем я говорю.

— Вы имеете в виду парадоксы путешествий во Времени, сэр?

— Да, если вам больше нравится это мелодраматическое название. Но дело, конечно, не только в парадоксах. Нас интересуют вопросы истинной сущности Реальности: почему при Изменении продолжает действовать закон сохранения массы-энергии и тому подобное. Для нас, Вечных, путешествия во Времени — привычное дело, и это обстоятельство накладывает свой отпечаток на все наши размышления о Времени. А вот милые вашему сердцу Первобытные люди понятия не имели о путешествиях во Времени. Что они думали обо всем этом?

С противоположного конца стола донесся громкий шепот Твиссела:

— Снова демагогия!

Однако Сеннор не обратил на это внимания.

— Я вас слушаю, Техник, — сказал он.

— В Первобытную эпоху люди не задумывались над вопросами путешествий во Времени, Вычислитель, — ответил Харлен.

— Не считали их возможными, а?

— Думаю, что так.

— Даже не фантазировали на эту тему?

— Что касается этого, — неуверенно проговорил Харлен, — то мне кажется, что фантазии такого рода встречались в их так называемой фантастической литературе. Я не очень хорошо знаком с ней, но, по-моему, излюбленной темой были приключения человека, который попадает в прошлое и убивает там собственного дедушку, когда тот еще был ребенком.

Сеннор был в восторге.

— Великолепно! Просто великолепно! Ведь это фундаментальный парадокс путешествий во Времени, если считать Реальность неизменной. Далее, я осмелюсь утверждать, что вашим Первобытным даже в голову не приходило, что Реальность способна изменяться. Не правда ли?

Харлен помедлил с ответом. Он не мог понять цели разговора и намерений Сеннора, и это беспокоило его.

— Я слишком мало знаю, сэр, чтобы ответить вам определенно, — произнес он наконец. — Полагаю, что они допускали возможность

существования взаимоисключающих путей развития или же различных плоскостей бытия. Точно не знаю.

Сеннор выпятил нижнюю губу.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь. Вас, вероятно, ввели в заблуждение некоторые туманные выражения в этих книгах, и вы стали приписывать им свои мысли. Нет-нет, без реального опыта путешествий во Времени человеческий мозг не в силах постигнуть весь философский смысл Реальности. Например, почему Реальность обладает инерцией? Мы все знаем, что это так. Для того чтобы вызвать Изменение, настоящее Изменение, всякое воздействие должно достигнуть некоторой критической величины. Но даже после этого Реальность стремится вернуться к исходному состоянию.

Предположим, что мы совершили Изменение здесь, в 575-м. Реальность будет меняться с нарастающим эффектом вплоть до 600-го Столетия. Потом она станет меняться уже с меньшей интенсивностью где-нибудь до 650-го. Дальше Реальность останется неизменной. Мы знаем об этом из опыта, но кто может ответить, почему это происходит? Казалось бы, на первый взгляд изменения должны накапливаться в возрастающей прогрессии и их влияние должно сказываться на всех последующих Столетиях, но это не так.

Возьмем другой пример. Мне говорили, что Техник Харлен прекрасно умеет находить Минимальное необходимое воздействие в любой возможной ситуации. Готов держать пари, что он не в состоянии объяснить, как он это делает. Теперь представьте себе, насколько беспомощны были Первобытные люди. Их волновал вопрос о том, можно ли убить своего дедушку, потому что они не понимали, что такое Реальность. Представим себе более вероятную и легче анализируемую ситуацию: путешествуя во Времени, человек встречает самого себя...

— Как вы сказали? Встречает самого себя? — воскликнул Харлен.

То, что Харлен прервал Вычислителя, уже было неслыханным нарушением этикета. Тон, которым были сказаны его слова, доводил это нарушение до степени скандала, и в его сторону обратились укоризненные взгляды присутствующих.

Сеннор поперхнулся, но продолжал говорить напряженным тоном человека, решившего оставаться вежливым, несмотря ни на что. Он закончил прерванную фразу, уклонившись таким образом от необходимости прямо ответить на бестактно заданный вопрос:

— ...и рассмотрим четыре случая, возможных в этой ситуации. Назовем более молодого в биологическом отношении индивидуума А, а

более старого Б. Случай первый: А и Б не встречаются друг друга, и действия одного никак не затрагивают другого. Тогда можно считать, что практически они не встречались, и мы отбросим этот случай как тривиальный. Случай второй: Б, более поздняя личность, видит А, но А не видит Б. Здесь тоже нельзя ожидать никаких серьезных последствий. Личность А не получает никакой информации о своем будущем. Ничего нового в этом нет.

Третья и четвертая возможности заключаются в том, что А видит Б, но Б не видит А и что А и Б видят друг друга. В каждом из этих случаев важнее всего то, что А видит Б. Человек на более ранней стадии биологического бытия видит себя существующим на более поздней стадии. Заметим, что из этого он может заключить, что доживет до возраста Б. Он видит, как Б совершает какое-то действие, и приходит к выводу, что ему предстоит совершить это действие в будущем. Но человек, знающий свое будущее даже в малой степени, может начать действовать на основании этого знания и тем самым изменить это будущее. Отсюда следует, что Реальность должна измениться настолько, чтобы встреча А и Б стала невозможной или же, по меньшей мере, чтобы А не смог увидеть Б. Далее, поскольку никакими способами нельзя обнаружить Реальность, переставшую существовать, то, следовательно, А никогда не встречался с Б. Аналогично в любом возможном парадоксе, связанном с перемещением во Времени, Реальность всегда избегает этого парадокса, и мы приходим к заключению, что парадоксов, связанных с путешествиями во Времени, нет и не может быть.

И Сеннор, явно довольный собой и своими силлогизмами, обвел присутствующих торжествующим взглядом, но в этот момент из-за стола поднялся Твиссел.

— Прошу прощения, — нетерпеливо произнес он. — Время не ждет.

И совершенно неожиданно для Харлена завтрак окончился. Пятеро членов подкомитета встали из-за стола и, кивнув ему на прощание, вышли один за другим из комнаты с видом людей, удовлетворивших свое любопытство. Только Сеннор пожал ему руку и грубовато проворчал:

— Счастливо оставаться, молодой человек.

Со смешанным чувством Харлен смотрел, как они уходят. Зачем было приглашать его к завтраку? Зачем надо было затевать этот разговор о человеке, встречающем самого себя? О Нойс они даже не упомянули. Неужели они хотели только взглянуть на него? Оглядели его с головы до ног и отдали на суд Твисселу.

Твиссел вернулся к столу, с которого уже исчезли еда и посуда. Они

остались с Харленом наедине, и словно для того, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, Твиссел закурил новую сигарету.

— А теперь за работу, Харлен, — сказал он. — Нам предстоит сделать немало.

Но Харлен не мог, не хотел ждать. Он прямо заявил:

— Прежде чем мы что-нибудь сделаем, мне необходимо поговорить с вами.

Твиссел удивленно посмотрел на него, сощурил свои выцветшие глазки и задумчиво стряхнул пепел.

— Разумеется, мы поговорим, если ты этого хочешь, — сказал он. — Только сначала сядь. Сядь и рассказывай.

Но Техник Эндрю Харлен не стал садиться. Он шагал взад и вперед вдоль стола, выпаливая фразу за фразой и с трудом не давая им сбиться в один неразборчивый ком. Старшему Вычислителю Твисселу, не сводившему с него глаз, приходилось то и дело поворачивать за ним голову, похожую на высушенное временем яблоко.

— Вот уже несколько недель, — говорил Харлен, — как я просматриваю пленки по истории математики. Я изучаю книги из различных Реальностей 575-го. Реальности разные, но математика одна и та же. Последовательность ее развития не меняется. Какими бы разными ни были Реальности, история математики остается такой же. Меняются люди, которые совершают открытия, но конечные результаты... В общем, я обнаружил такую вот закономерность. Что вы о ней скажете?

— Странное занятие для Техника, — произнес Твиссел, нахмурившись.

— Но я же не простой Техник, — возразил Харлен. — И вы это знаете.

— Продолжай, — сказал Твиссел, взглянув на часы. Его пальцы с необычной для него нервозностью крутили сигарету.

— Давным-давно, еще в Первобытные Времена, — продолжал Харлен, — жил в 24-м Столетии человек по имени Виккор Маллансон. Более всего он известен тем, что ему первому удалось получить Темпоральное поле. Это значит, разумеется, что он основал Вечность, поскольку Вечность — это всего лишь обширное Темпоральное поле, в котором замкнуто обычное Время и на которое не распространяются физические законы обычного Времени.

— Мой мальчик, тебя учили этому еще в школе.

— Но меня не учили в школе, что Виккор Маллансон никак не мог получить Темпорального поля в 24-м веке. И никто не мог. Для этого тогда не было необходимой математической базы. Фундаментальные уравнения

Лефевра могли быть выведены только после появления в 27-м Столетии работ Жана Вердьера.

Для Старшего Вычислителя Твиссела существовал только один способ выразить крайнее изумление — выронить сигарету, что он и сделал. Даже улыбка исчезла с его лица.

— Разве ты изучал уравнения Лефевра, мой мальчик?

— Нет. И я не стану вас уверять, что понимаю их. Но я понял одно: без них нельзя создать Темпоральное поле. И они не могли быть открыты до 27-го века. Это я тоже понимаю.

Твиссел нагнулся за упавшей сигаретой и с сомнением взглянул на нее.

— А что если Маллансон получил Темпоральное поле, не заботясь о связанных с этим математических трудностях? Что если это было чисто эмпирическое открытие? Таких примеров много.

— Я и об этом подумал. После того как Поле было открыто, потребовалось почти триста лет, чтобы разработать его теорию, и за все это время установку Маллансона никто не смог улучшить. Это не случайно. Сотня признаков доказывает, что Маллансон должен был использовать уравнения Лефевра. Но если он знал о них или вывел их самостоятельно, что совершенно невозможно без работ Вердьера, то почему он нигде не говорит об этом?

— Ты упорно хочешь рассуждать как математик, — сказал Твиссел. — От кого ты узнал эти подробности?

— Я читал пленки.

— И это все?

— Еще размышлял.

— Без специальной математической подготовки? Ну знаешь, мой мальчик, я внимательно следил за тобой много лет, но даже не подозревал о твоих талантах в этой области. Продолжай.

— Вечность не могла бы возникнуть, если бы Маллансон не создал Темпоральное поле. А Маллансон не мог бы сделать этого, не зная специальных разделов математики, разработанных намного позже. Это во-первых. Между тем сейчас здесь, в Вечности, есть Ученик, который был взят сюда в нарушение всех правил, поскольку он не подходит по возрасту и вдобавок женат. Вы обучаете его математике, а я — Первобытной социологии. Это во-вторых.

— Ну и что?

— Я утверждаю, что вы собираетесь послать его в прошлое, за нижнюю границу Вечности, в 24-е Столетие. Вы хотите, чтобы этот Ученик — Купер — обучил Маллансона уравнениям Лефевра. Следовательно, вы

должны понять, — добавил Харлен с горячностью, — что мое исключительное положение как специалиста по Первобытным Временам и как человека, понимающего, что здесь происходит, позволяет мне рассчитывать на особое отношение. На совершенно особое отношение.

— Святое Время! — пробормотал Твиссел.

— Это правда, не так ли? Только с моей помощью вы сможете замкнуть круг, иначе... — Он не стал заканчивать фразу.

— Ты очень близок к истине, — сказал Твиссел, — хотя я мог бы поклясться, что ничто не показывало... — Он впал в задумчивость, в которой ни окружающий его мир, ни Харлен не играли, казалось, никакой роли.

— Всего лишь близок к истине? То, что я сказал, и есть истина. — Харлен не мог сказать, откуда у него взялась эта уверенность. Возможно, она проистекала из его горячего желания, чтобы все оказалось именно так.

— Нет-нет, все не совсем так. Ученик Купер не отправляется в 24-й век учить чему-либо Маллансона.

— Я вам не верю.

— Но ты должен мне поверить. Ты должен понять всю важность нашего дела. Для того чтобы успешно завершить проект, мне необходима твоя помощь. Видишь ли, Харлен, круг замкнут еще больше, чем тебе кажется. Дело в том, что Ученик Бринсли Шеридан Купер и есть Виккор Маллансон.

Глава 12. НАЧАЛО ВЕЧНОСТИ

Харлен даже не предполагал, что Твиссел в этот момент может настолько удивить его. Неужели он ошибся?

— Купер... Маллансон?... — растерянно бормотал он. Твиссел спокойно докурил сигарету, извлек новую и продолжал:

— Да, Маллансон. Хочешь, я расскажу тебе в двух словах его биографию? Вот послушай. Маллансон родился в 78-м Столетии, два года провел в Вечности и умер в 24-м.

Своей маленькой ручкой Твиссел слегка сжал локоть Харлена, и на его морщинистом гномьем лице еще шире расплылась неизменная улыбка.

— Пойдем, мой мальчик. Биовремя летит, и даже мы не властны над ним. Не пройти ли нам в мой кабинет?

Твиссел вышел из комнаты, и Харлен последовал за ним, не замечая толком ни движущихся лестниц, ни автоматически открывающихся дверей.

На ходу он перестраивал свой план действий с учетом услышанной новости. После краткого периода растерянности прежняя уверенность с

новой силой овладела им. В конце концов, ничто не изменилось, разве только его позиция стала более прочной, а сам он — еще более незаменимым для Вечности. Теперь им придется выполнить его требования. Хотят они или не хотят — им придется вернуть ему Нойс.

Нойс!

Великое Время, пусть только попробуют ее тронуть! Она одна придавала его жизни смысл. Вся Вечность без нее была пустой фантазией и не стоила ни гроша.

Харлен вдруг обнаружил, что стоит посреди кабинета Вычислителя Твиссела. Он не мог вспомнить, как он попал сюда из столовой. Какое-то время он оглядывался по сторонам, пытаясь уцепиться взглядом за какой-нибудь предмет в хаосе примелькавшихся вещей, но происходящее по-прежнему казалось ему очередным обрывком дурацкого сна.

Кабинет Твиссела представлял собой большую комнату, сверкающую стерильной фаянсовой чистотой. Одна из длинных стен от пола до потолка была заставлена блоками Вычислительной машины, представлявшей собой крупнейший Киберцентр, находящийся в личном пользовании, едва ли не самый большой во всей Вечности. Противоположная стена была забита справочными фильмами. Между этими двумя стенами оставался узенький проход, перегородженный письменным столом с двумя креслами. На столе громоздилась всевозможная записывающая и воспроизводящая аппаратура вместе с непонятым предметом, назначение которого Харлен никак не мог себе уяснить, пока Твиссел не кинул в него остатки докуренной сигареты.

Окурок бесшумно вспыхнул, но прежде чем он догорел, Твиссел со своей обычной ловкостью фокусника уже успел достать новую сигарету.

“Ну, пора”, — подумал Харлен и заговорил несколько громче и агрессивнее, чем, может быть, следовало:

— У меня есть девушка. Она из 482-го...

Твиссел нахмурился и быстро замахал руками, как человек, пытающийся уклониться от неприятного разговора.

— Знаю, все знаю. Ей ничего не сделают, как и тебе. Все обойдется, вот увидишь.

— Вы хотите сказать...

— Я уже сказал — мне все известно. Если тебя волнует только это, тогда успокойся.

Харлен изумленно посмотрел на старика. И это все? Хотя он осознавал всю степень своего могущества, он не ждал, что доказательства этого последуют так скоро.

Но Твиссел уже снова заговорил:

— Позволь мне рассказать тебе одну историю. — Судя по тону, можно было подумать, что он разговаривает с только что поступившим Учеником. — Никогда не думал, что мне придется ее рассказывать тебе. Впрочем, и сейчас в этом нет особой необходимости, но ты заслужил этот рассказ своими изысканиями и догадками.

Он остановился и испытующе посмотрел на Техника.

— Ты знаешь, мне все еще не верится, что ты пришел к этим выводам совершенно самостоятельно. — Немного помолчав, он продолжал: — Человек, которого большинство Вечных знает под именем Виккора Маллансона, незадолго до кончины оставил записки о своей жизни. Эти записки трудно назвать дневником или автобиографией. Скорее они представляют собой руководство, адресованное Вечности, которая, как он знал, должна была когда-нибудь возникнуть. Это своеобразное завещание было оставлено в особом времянепроницаемом сейфе, секрет которого известен только Вычислителям. Рукопись пролежала там нетронутой более трех Столетий, и только после основания Вечности Старший Вычислитель Генри Уодсмен, первый из великих деятелей Вечности, открыл сейф и, прочитав эти записки, сразу понял их колоссальную важность. С тех пор эта рукопись как секретнейший документ передавалась в течение многих поколений одним из Старших Вычислителей его преемнику, пока не попала в мои руки. Посвященным она известна как “Мемуар Маллансона”.

В ней рассказывается история жизни человека по имени Бринсли Шеридан Купер, который родился в 78-м и был взят Учеником в Вечность, в нарушение всех правил, в возрасте двадцати трех лет после того, как он был больше года женат, но, по счастью, не имел детей. Попав в Вечность, Купер изучал матричное исчисление Темпоральных полей под руководством одного из Старших Вычислителей по имени Лабан Твиссел, а личный Техник этого Вычислителя по имени Эндрю Харлен давал Куперу уроки Первобытной социологии. После того как Купер овладел обеими дисциплинами, его послали в далекое прошлое, в 24-е Столетие, с заданием обучить некоторым разделам математики Первобытного ученого по имени Виккор Маллансон.

Оказавшись в 24-м, Купер долго и осторожно приспосабливался к окружающей обстановке, изучая непривычные нравы и образ жизни. Он прекрасно преуспел в этом благодаря познаниям, полученным под руководством Техника Харлена. С особой благодарностью Купер вспоминает советы Вычислителя Твиссела, который с необычной проницательностью предвидел многие из ожидавших его трудностей. После двух лет напряженных поисков Купер нашел Виккора Маллансона,

который жил нелюдимым отшельником в хижине среди калифорнийских лесов. У Маллансона было много странностей и чудачеств, но он обладал смелым и не-зашоренным умом. Медленно и осторожно Купер завоевал его доверие и постепенно приучил его к мысли, что перед ним посланник из будущего. После этого он начал обучать Маллансона уравнениям Лефевра и технологии Темпоральных генераторов. Постепенно Купер приноровился к нелегкому характеру своего подопечного и научился обращаться с примитивным электрогенератором на дизельном топливе и с бытовыми приборами, которые приходилось соединять с источником электричества при помощи металлических проводов.

Но обучение продвигалось с трудом, и скоро Купер осознал недостаточность своих педагогических талантов. С каждым днем Маллансон становился все более недоверчивым и нелюдимым, а потом вдруг погиб, сорвавшись при невыясненных обстоятельствах со скалы в пропасть. Несколько недель Купер провел в состоянии беспробудного отчаяния; ему казалось, что он загубил дело всей его жизни и, в конечном счете, саму Вечность. И тогда у него возник дерзкий замысел. Никому не сообщив о смерти Маллансона, он взялся за дело, приступив к созданию из подручных материалов генератора Темпорального поля. Как ему это удалось — для нас несущественно. После долгих лет упорного труда, проявив чудеса терпения и изобретательности, Купер построил генератор и отправился с ним в Калифорнийский технологический институт, тот самый, куда он много лет назад собирался послать Маллансона.

Все дальнейшее известно тебе со школьной скамьи. Его встретили насмешками и недоверием и даже поместили в психиатрическую лечебницу, откуда он бежал, чуть было не потеряв свой генератор. Ты знаешь, что его подобрал и принял владелица придорожного кафе, имени которого он так и не узнал. Сейчас этот человек — один из героев Вечности. Знаешь, что Куперу удалось уговорить профессора Цимбалиста на проведение эксперимента, в котором белая мышь перемещалась взад и вперед во Времени. Я не буду докучать тебе всеми этими деталями.

Боясь выдать свое истинное происхождение, Купер воспользовался именем Виктора Маллансона. Труп настоящего Маллансона так и не нашли. Весь остаток жизни Купер посвятил незначительным усовершенствованиям генератора Темпорального поля. С его помощью ученые института построили еще несколько генераторов. На большее он не осмеливался. Он не мог даже записать уравнения Лефевра — для того чтобы их смогли понять, математике предстояло развиваться еще триста лет. Он не смел намекнуть, откуда он. Ему нельзя было делать больше того,

что в свое время, насколько он знал, сделал настоящий Виккор Маллансон.

Ученые, работавшие с Купером, были обескуражены, видя гения, который добивался блестящих результатов, но не умел объяснить, как и почему он что-либо делает. И сам Купер тоже был обескуражен, потому что он ясно представлял, не будучи в состоянии хоть как-то помочь, тот грандиозный путь, который предстояло пройти науке до классических экспериментов Жана Вердьера, на основании которых великий Антуан Лефевр впоследствии выведет свои фундаментальные уравнения Реальности. Только после этого будет создана Вечность.

И лишь на самом склоне лет, глядя, как солнце опускается в воды Тихого океана — этот эпизод подробно описан в мемуаре, — Купер вдруг понял, что он и есть настоящий Виккор Маллансон. Может быть, ему не принадлежало само это имя, но человек, вошедший в историю под именем Виккора Маллансона, был на самом деле Бринсли Шериданом Купером.

Это прозрение вдохновило Купера на создание его мемуара. Он хотел усовершенствовать процесс основания Вечности, сделать его более простым и безопасным. Написав свое завещание, Купер спрятал его в маленьком, изготовленном им самим времянепроницаемом сейфе в своей комнате.

Так был замкнут круг. Разумеется, мы не станем считаться с теми намерениями, которые руководили Купером–Маллансоном при написании его мемуара. Куперу предстоит прожить свою жизнь в точности так же, как он прожил ее. Первобытная Реальность не терпит никаких Изменений. В настоящий момент био-Времени Купер даже не подозревает о том, что его ждет. Он искренне верит, что обучит Маллансона и сразу же возвратится в Вечность. Всю свою жизнь он будет мечтать о возвращении и только в самом ее конце поймет свою ошибку и сядет писать “Маллансоновский мемуар”.

Замкнув круг Времени, мы должны раскрыть людям тайну путешествий во Времени и основать Вечность задолго до того, как это позволит сделать естественный ход развития науки. В противном случае предоставленное самому себе человечество не познает истинной природы Времени, пока бесконтрольное развитие науки в других направлениях не приведет людей к неизбежному самоуничтожению.

Харлен весь превратился в слух, захваченный видением грандиозного круга Времени, который пересекает Вечность и замыкается в ней сам на себя. В этот момент он забыл бы даже Нойс... если бы мог о ней забыть.

— Значит, вы с самого начала знали все, что должны сделать вы, что должен сделать я, что я уже сделал?

Твиссел сидел, погружившись в глубокую задумчивость, уставясь невидящим взором на голубоватое облачко табачного дыма, но вопрос Харлена вернул его к действительности. Его пронизательные старческие глазки укоризненно посмотрели на Техника.

— Конечно же, нет. Между пребыванием Купера в Вечности и созданием мемуара прошли десятки лет по биологическому Времени. Купер мог вспомнить лишь немногие события, очевидцем которых ему довелось быть. И он никак не мог вспомнить того, чего никогда не знал. Пойми это наконец.

Твиссел глубоко затянулся, выпустил тоненькую струйку дыма и разбил ее на маленькие завихрения быстрым движением узловатого пальца.

— Все шло по плану. Вначале нашли и взяли в Вечность меня. Затем через много биолет я стал Старшим Вычислителем, и тогда мне вручили мемуар и поставили во главе Проекта. Я должен был возглавить Проект — ведь в мемуаре говорилось, что я возглавлял его. Прошло еще множество биолет. Затем, после очередного Изменения в 95-м, появился ты (мы внимательно следили за твоими Аналогами в предыдущих Реальностях). Потом мы нашли Купера. Мелкие подробности, не указанные в мемуаре, мне пришлось домысливать самому, пользуясь иногда Киберцентром, но чаще — собственным здравым смыслом. Если бы ты знал, сколько осторожности пришлось мне проявить, инструктируя твоего Наставника Ярроу — я не мог доверить ему величайший секрет Вечности. Ярроу в свою очередь осторожно поощрял твое увлечение Первобытной историей.

Как тщательно мы следили за Купером, чтобы он случайно не получил лишних сведений, которых, судя по мемуару, у него не было! — Твиссел печально улыбнулся. — Это Сеннор любит забавляться подобными вещами. Он называет это “обращением причины и следствия”. Нам, мол, известно следствие, поэтому мы подгоняем под него причину. К счастью, я не запутался в паутине метафизики, как Сеннор.

Я был очень рад, мой мальчик, когда из тебя получился отличный Наблюдатель, а потом и Техник. В мемуаре об этом не было сказано ни слова, поскольку Купер не видел твою работу и не мог судить о ней. Твои таланты пришлись весьма кстати. Благодаря им я мог доверять тебе обычные задачи, которые делали твою роль в судьбах Вечности менее заметной. Даже просьба Вычислителя Финжа направить тебя к нему пригодилась мне. Купер упоминает в мемуаре о твоём длительном отсутствии, во время которого его занятия математикой сделались настолько интенсивными, что он с нетерпением ожидал твоего возвращения. Но один раз ты здорово напугал меня.

— Когда я взял Купера в капсулу?

— Как ты догадался? — потребовал ответа Твиссел.

— Это был единственный случай, когда вы по-настоящему на меня рассердились. Теперь я понимаю, что мой поступок противоречил “Мемуару Маллансона”.

— Не совсем. Просто в мемуаре ни разу не упоминаются Колодцы Времени. Мне казалось, что умолчание о столь важном аспекте Вечности свидетельствует о полной неосведомленности Купера в этой области. Поэтому я по мере сил удерживал его подальше от капсул. Меня сильно беспокоила ваша поездка, но ничего страшного не произошло. Все идет как надо.

Твиссел медленно потер руки, глядя на Харлена с нескрываемым любопытством и удивлением.

— Подумать только — ты сумел почти обо всем догадаться сам! Это изумляет меня. Я готов поклясться, что даже хорошо подготовленный Вычислитель не смог бы прийти к правильным выводам на основе той скудной информации, которая была в твоём распоряжении. Для Техника — это чудо проницательности! — Наклонившись к Харлену, Твиссел ласково потрепал его по колену. — Само собой, в “Мемуаре Маллансона” о твоей жизни после отъезда Купера нет ни слова.

— Понимаю, сэр, — ответил Харлен.

— Собственно говоря, в отношении тебя мы сможем сделать все, что нам захочется. Ты проявил такие таланты, которыми нельзя разбрасываться. Думаю, что ты недолго останешься Техником. Не буду пока ничего обещать, но я надеюсь, ты понимаешь, что звание Вычислителя не является для тебя чем-то недостижимым?

Дополнительная взятка, подумал Харлен. Ему удалось сохранить невозмутимое выражение лица; он практиковался в этом много лет.

Но довольствоваться одними предположениями было опасно. Беспочвенная сумасшедшая догадка, озарившая его в ту вдохновенную ночь, после библиотечных изысканий превратилась в разумную гипотезу. Рассказ Твиссела подтвердил ее почти во всем, кроме одной детали: Купер оказался Маллансоном.

Эта ошибка не сыграла никакой роли; его положение осталось таким же незыблемым, но, ошибившись один раз, он мог допустить и другую ошибку. Нельзя слепо полагаться на случай. Надо убедиться, насколько велика его власть.

Спокойно, почти небрежно Харлен начал:

— Теперь, когда я узнал правду, моя ответственность неизмеримо

возросла.

— В самом деле?

— Насколько велик риск? Вдруг какое-то непредвиденное обстоятельство помешало или помешает мне сообщить Куперу что-то жизненно важное?

— Я не понимаю твоего беспокойства. — Почудилось ли это Харлену или же в усталых глазах старика действительно мелькнул страх?

— Я должен знать, можно ли разомкнуть круг? Что если неожиданный удар по голове выведет меня из строя в тот самый момент, когда в соответствии с мемуаром я должен буду что-то сделать? Значит ли это, что вся конструкция рухнет? Или, предположим, по каким-то причинам я поступлю вопреки указаниям мемуара? Что тогда?

— С чего это тебе в голову взбрело?

— Просто мыслю логически. Если я вас правильно понял, то неосторожным или злонамеренным действием я могу разорвать круг. Из этого следует, что в моих руках находится судьба Вечности. А если это так, — многозначительно продолжал Харлен, — то вам следует сделать все от вас зависящее, чтобы я не сделал ничего лишнего. Хотя я полагаю, что только очень уж необычное стечение обстоятельств может толкнуть меня на такой шаг.

Твиссел громко рассмеялся, но Харлен уловил в его смехе фальшивые нотки.

— Мой мальчик, это все казуистика. Ничего страшного не произойдет, поскольку ничего страшного не произошло. Круг будет замкнут.

— А вдруг? Девушка из 482-го...

— Она в безопасности. Сколько раз можно повторять тебе одно и то же? — нетерпеливо прервал его Твиссел и поднялся с места. — Я вижу, что этим разговорам не будет конца. За время Проекта я уже наслушался всех этих парадоксов от членов подкомитета. Мы зря теряем биовремя, а мне надо многое сказать тебе. Ты еще даже не знаешь, зачем я тебя вызвал. Пойдем со мной.

Харлен был удовлетворен. Никаких сомнений в собственном могуществе у него не осталось. Твиссел понял, что Харлен может отказаться от занятий с Купером или же, напротив, сообщить ему сведения, противоречащие мемуару. Вычислитель рассчитывал ошеломить Техника важностью и значением его роли и таким путем принудить его к слепому повиновению, но он ошибся.

Харлен недвусмысленно связал свою угрозу погубить Вечность с судьбой Нойс, и то, как Твиссел торопливо крикнул ему: “Она в

безопасности!”, показывало, что Вычислитель отчетливо понял всю серьезность этой угрозы.

Он встал и молча последовал за Твисселом.

Харлен никогда не был в зале, в который они вошли. Зал был таким огромным, словно для его создания снесли немало стен. В него можно было попасть только через узкий коридор, перегороженный барьером силового поля. Автоматы в течение нескольких секунд изучали лицо Твиссела, прежде чем отключили защиту и пропустили их внутрь.

Большая часть зала была занята огромной сферой, возвышавшейся почти до самого потолка. Сквозь откинутую дверцу люка были видны четыре небольшие ступеньки и часть ярко освещенной площадки.

Пока Харлен оглядывался по сторонам, из шара послышались голоса, и в отверстии появилась пара ног. Человек спустился вниз, и Харлен узнал в нем члена Совета Августа Сеннора. Вслед за ним спустился еще один Старший Вычислитель из тех, кто присутствовал за завтраком.

При виде посторонних Твиссел недовольно поморщился, но голос его прозвучал сдержанно:

— Разве члены подкомитета все еще здесь?

— Только Райс и я, — уклончиво ответил Сеннор. — Прекрасная машина! Она чем-то напоминает мне космический корабль.

Райс был толстяком, на лице которого застыло удивленное выражение человека, уверенного в том, что он прав, но почему-то неизменно проигрывающего любой спор. Потерев свой нос-картошку, он ухмыльнулся.

— Сеннор теперь не говорит ни о чем, кроме космических путешествий.

Лысина Сеннора ярко заблестела.

— Послушайте, Твиссел, как ваше мнение: при расчете Реальности космические путешествия следует считать положительным или отрицательным фактором?

— Бессмысленный вопрос, — раздраженно ответил Твиссел. — Какой тип космических путешествий? В какой Реальности? При каких обстоятельствах?

— Бросьте. Можно ведь что-то сказать о космических путешествиях что-то абстрактное?

— Только то, что они являются быстро проходящим увлечением, отнимают у человечества массу сил и средств и ничего не дают взамен.

— Следовательно, они бесполезны и должны рассматриваться как отрицательный фактор, — с удовлетворением заключил Сеннор. —

Полностью согласен.

— Как вам будет угодно, — ответил Твиссел. — Купер вот-вот будет здесь. Пора убрать отсюда посторонних.

— Нас уже нет. — Сеннор подхватил Раиса под руку и повел его к выходу. Его громкий голос доносился до них даже из коридора. — Периодически, мой дорогой Райс, все усилия человечества почему-то сосредотачиваются на космических путешествиях, причем из-за бесцельности таких путешествий эти усилия не приносят человечеству ничего, кроме разочарований. У меня есть доказательства этого положения в матричной форме, но, по-моему, все ясно и так. Когда умы заняты космосом, к земным делам начинают относиться с пренебрежением. Я сейчас готовлю специальный меморандум Совету, в котором рекомендую разработать Изменение и навсегда вычеркнуть из Реальности всякую возможность космических путешествий.

В ответ послышался дискант Раиса:

— Нельзя же быть таким суровым! В некоторых цивилизациях космические путешествия служат спасительным клапаном. Возьмем, к примеру, пятьдесят четвертую Реальность 290-го Столетия. Если я правильно припоминаю, там...

— Странный человек этот Сеннор, — сказал Твиссел, покачав головой. — Он вдвое умнее любого члена Совета, но его губят метания из стороны в сторону.

— А как вы думаете, он прав? — с любопытством спросил Харлен. — Относительно космических путешествий?

— Сомневаюсь. Впрочем, мы сможем лучше судить об этом, когда он представит обещанное доказательство. Но я мало верю, что он его доведет до конца. Он всегда загорается и так же быстро остывает. Какое-нибудь новое увлечение помешает ему. Но хватит об этом...

Твиссел хлопнул ладонью по обшивке сферы, которая от удара глухо загудела, но тут же поднес руку ко рту, чтобы вытащить докуренную сигарету.

— Ну как, Техник, можешь догадаться, что это такое?

— Похоже на большую капсулу с крышкой.

— Молодец! Ты угадал. Это и есть капсула. Зайдем-ка в нее.

Харлен последовал за Твисселом внутрь шара. Капсула была достаточно просторна, чтобы вместить пять–шесть человек, но абсолютно пуста. Гладкий пол, вогнутые полированные стены, два окна — и больше ничего.

— А где же управление? — удивился Харлен.

— Управление осуществляется дистанционно с особого пульта, — ответил Твиссел, погладив стенку рукой. — Стены двойные. Пространство между ними заполнено замкнутым на себя Темпоральным полем. Эта капсула в своих перемещениях во Времени не ограничена Колодцами; в ней можно отправиться куда угодно. В “Мемуаре Маллансона” мы нашли ряд ценных намеков, которые позволили нам сконструировать и изготовить ее. Иди за мной.

Пульт управления находился в дальнем углу зала и был отгорожен от него массивной перегородкой. Войдя внутрь, Харлен с любопытством оглядел забранные решетками окна.

— Слышишь меня, мой мальчик?

Харлен вздрогнул и резко обернулся. Войдя в пультовую, он не обратил внимания, что Твиссел не последовал за ним. Он машинально направился к окну и увидел, что Вычислитель снаружи машет ему рукой.

— Я вас слышу, сэр, — ответил Харлен. — Хотите, чтобы я вышел к вам?

— Вовсе нет. Ты заперт

Харлен метнулся к двери и почувствовал, как у него похолодело внутри. Твиссел был прав. Разрази его Время, что здесь происходит?

— Надеюсь, тебе приятно будет узнать, мой мальчик, — продолжал Твиссел, — что на этом твоя ответственная миссия кончается. Мне кажется, я понял причину твоей повышенной нервозности в последние дни, а также твоих наводящих вопросов в нашей последней беседе. Мысль о грандиозной ответственности не давала тебе покоя. Так вот, с этой минуты от тебя больше ничего не зависит. Я один отвечаю за все. К сожалению, тебе придется, немного посидеть взаперти. В “Мемуаре Маллансона” говорится, что в момент отправления капсулы ты стоял за пультом и дал старт. Но для наших целей будет вполне достаточно, если Купер увидит тебя через окно.

Однако я все же попрошу тебя в нужный момент нажать на пусковой рычаг в соответствии с инструкциями, которые я тебе дам. Если и эта ответственность покажется тебе слишком большой, не волнуйся. Все будет сделано и без тебя. У нас есть параллельный пульт управления, за которым сидит другой человек. Если по каким-то причинам ты не нажмешь на рычаг, то это сделает он. И еще я выключу передатчик видеофона в твоей комнате. Ты сможешь слышать нас, но будешь лишен возможности говорить с нами. Поэтому можешь не бояться, что какое-нибудь твое невольное восклицание разомкнет круг.

Харлен беспомощно уставился в окно.

— Купер вот-вот будет здесь, — продолжал Твиссел. — Его путешествие в Примитивную эпоху начнется через два биочаса. После этого Проект будет завершен, и мы с тобой, мой мальчик, обретем свободу.

Все поплыло и закружилось в водовороте отчаяния. Как ловко Твиссел перехитрил его! Неужели с самого начала он преследовал только одну цель — без лишнего шума запереть Харлена в пультовой? Неужели, узнав о догадке Харлена, Вычислитель мгновенно, с дьявольской хитростью придумал этот коварный план, занял Харлена разговором, усыпил его бдительность своими историями и привел сюда, чтобы посадить его под замок?

А быстрая сдача позиций в отношении Нойс? “Ей ничего не будет, — клялся Твиссел. — Даю слово!”

Как он мог поверить в эту явную ложь? Если они не собираются причинять вреда Нойс, то зачем было блокировать Колодцы в 100000-м? Один только этот факт должен был выдать Твиссела с головой.

Дурак, он так поверил в свое могущество, что позволил Твисселу несколько биочасов водить себя за нос. И вот он сидит в пультовой, и в нем не нуждаются даже для того, чтобы нажать на пусковой рычаг. Одним ударом его лишили всей его важности. Один ловкий ход — и вместо козырей у него на руках жалкие двойки. Все кончено! Нойс потеряна для него навсегда! Предстоящее наказание его мало трогало. Что ему все их угрозы теперь, когда Нойс потеряна навсегда?

Ему даже в голову не приходило, что Проект так близок к завершению. В этом была его главная ошибка, вот почему он потерпел поражение.

Глухо прозвучал голос Твиссела:

— Я отключаю тебя, мой мальчик.

Харлен остался один, беспомощный и бесполезный...

Глава 13. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПРОШЛОГО

На пороге появился Бринсли Купер. От возбуждения его узкое лицо порозовело и казалось почти юношеским, несмотря на густые маллансоновские усы, свисающие с верхней губы.

(Харлен мог видеть его через окно, слышать его голос по видеофону. Он с горечью подумал: “Маллансоновские усики! Ну конечно!”.)

Купер устремился к Твисселу.

— Вычислитель, меня не хотели пустить сюда раньше.

— Правильно делали, — ответил Твиссел. — На этот счет были даны специальные инструкции.

— Но ведь мне уже пора отправляться, да?

— Почти пора.

— А я вернусь обратно? Я еще увижу Вечность?

Несмотря на все старания Купера придать себе бодрый вид, в его голосе звучала неуверенность.

(В пультовой Харлен в отчаянии стиснул кулаки и стукнул изо всех сил по металлической сетке окна; ему хотелось выбить стекло, закричать: “Стойте! Согласитесь на мои условия, не то я...”. Что толку?)

Купер оглядел комнату, даже не заметив, что Твиссел воздержался от ответа на его вопросы. В окне пультовой он заметил Харлена и возбужденно замахал ему.

— Техник Харлен! Идите сюда. Я хочу пожать вашу руку перед отъездом.

— Не сейчас, мой мальчик, не сейчас, — вмешался Твиссел. — Харлен занят. Он настраивает аппаратуру.

— В самом деле? А вы знаете, он не очень-то хорошо выглядит.

— Я только что рассказал ему об истинной цели нашего Проекта, — сказал Твиссел. — Боюсь, что от этого кому угодно станет не по себе.

— Святое Время, конечно! — воскликнул Купер. — Вот уже несколько недель, как я знаю правду, и все никак не могу привыкнуть. — В его смехе слышались нервные, почти истерические нотки. — Никак не могу вбить в свою твердолобую башку, что моя роль в этом спектакле главная. Я... я даже капельку трушу.

— Ничуть не виню тебя за это.

— Во всем, знаете ли, виноват мой желудок. Он радуется меньше всего.

— Ну ладно, — сказал Твиссел. — Все это вполне естественно и скоро пройдет. А пока час твоего отправления приближается. Перед отъездом тебе необходимо получить последние инструкции. Например, ты еще не рассмотрел капсулу, которая доставит тебя в прошлое.

В течение двух последующих часов Харлен слышал каждое произнесенное ими слово, даже когда не глядел на них. Он понимал, почему Твиссел наставляет Купера в такой высокопарной манере, — Куперу сообщались те самые подробности, о которых он должен будет впоследствии упомянуть в “Маллансоновском мемуаре”.

(Замкнутый круг. Замкнутый круг! И Харлену не разорвать его, не обрушить подобно библейскому Самсону крышу храма на головы своих врагов; круг смыкается все тесней и тесней.)

— Движение обычной капсулы внутри Вечности из Столетия А в Столетие Б, — слышал он голос Твиссела, — происходит, как тебе

известно, под действием Темпорального поля. При этом капсула, образно выражаясь, выталкивается из пункта А и притягивается в пункт Б. Энергия, необходимая для движения капсулы, имеется как в пункте отправления, так и в пункте назначения.

Но капсула, которая доставит тебя в прошлое, должна будет выйти за пределы Вечности; необходимую энергию она может получить только в пункте отправления. Ее можно только толкать, но не тянуть. Потребление энергии в этом случае возрастает в десятки тысяч раз. Понадобилось проложить специальные энергопроводы вдоль Колодцев Времени, чтобы отсасывать энергию вспышки Солнца, ставшего Новой, в нужной концентрации.

У этой капсулы все необычно, начиная с пульта управления и кончая источниками питания. Десятки биолет мы прочесывали прошлые Реальности в поисках нужных сплавов и специальной технологии. Самая важная находка была сделана в 13-й Реальности 222-го Столетия. Там был создан Темпоральный толкатель, без которого эта капсула никогда не была бы построена. 13-я Реальность 222-го Столетия.

Последние слова Твиссел выговорил особенно отчетливо.

(Запомни это, Купер, с горечью подумал Харлен, 13-я Реальность 222-го Столетия. Запомни для того, чтобы ты мог упомянуть о ней в “Маллансоновском мемуаре”, для того, чтобы Вечные знали, где вести поиски, для того, чтобы они могли сказать тебе об этом, для того, чтобы ты мог упомянуть... Тесней и тесней смыкается круг...)

— Разумеется, мы еще ни разу не посылали капсулу с человеком за нижний предел Вечности, — продолжал Твиссел. — Но внутри Вечности мы испытывали ее неоднократно. Поэтому мы убеждены в успехе.

— А разве может быть иначе? — спросил Купер. — То есть я хотел сказать, что мой Аналог уже попадал туда, иначе Маллансон не смог бы создать Поля, а он его создал.

— Вот именно, — ответил Твиссел. — Ты окажешься в безопасной и пустынной местности в малонаселенном районе юго-запада Соединенных Штатов Амелики.

— Америки, — поправил его Купер.

— Пусть Америки. Это будет 24-е Столетие, или, с точностью до сотых долей, — 23,17. Я полагаю, что мы даже можем назвать это Время, если хочешь, 2317 годом. Капсула, как видишь, очень вместительна. Сейчас ее загрузят водой, продовольствием, средствами защиты и всем необходимым для создания убежища. У тебя будут подробнейшие инструкции, понятные только тебе одному. Я хочу еще раз подчеркнуть, что

ты должен принять все мыслимые меры предосторожности. Никто из местных жителей не должен обнаружить тебя прежде, чем ты будешь к этому готов. С помощью землеройной машины ты выроешь себе в горах глубокую пещеру. Все вещи будут уложены в капсулу таким образом, чтобы ты смог как можно скорее разгрузить ее.

(Повторяйте! Повторяйте! — думал Харлен. Все это уже говорилось ему много раз, но необходимо еще раз повторить все, что должно войти в мемуар. Тесней и тесней...)

— На разгрузку тебе дается пятнадцать минут и ни секундой более, — говорил Твиссел, — после чего капсула автоматически вернется в исходный пункт вместе со всеми инструментами и приборами, неизвестными в 24-м веке. Список этих вещей ты получишь перед отправлением. После исчезновения капсулы ты будешь предоставлен самому себе.

— Неужели капсула должна возвратиться так скоро? — спросил Купер.

— Быстрое возвращение увеличивает шансы на успех, — ответил Твиссел.

(Капсула должна вернуться через пятнадцать минут, думал Харлен, потому что в прошлый раз она вернулась через пятнадцать минут. Тесней и...)

— Мы не хотели рисковать, подделывая средства обмена той эпохи. — В голосе Твиссела появились торопливые нотки. — Поэтому тебе дадут золото в виде небольших самородков. Рассказ о том, как они попали к тебе, подробно записан в инструкции. У тебя будет местная одежда; во всяком случае, для начала она вполне сойдет за местную.

— Отлично, — произнес Купер.

— А теперь запомни. Ни одного поспешного шага. Не торопись. Если надо, выжидай неделями. Тебе необходимо духовно вжиться в эту эпоху. Уроки Техника Харлена — это хорошая основа, но их далеко не достаточно. Приемник электромагнитных волн, изготовленный на основе принципов того времени, позволит тебе быть в курсе всех текущих событий и, самое главное, изучить правильное произношение и интонацию тогдашнего языка. Сделай это как можно тщательнее. Я уверен, что Техник Харлен превосходно знает английский язык, но ничто не может заменить изучение языка непосредственно на месте.

— А что если я попаду не туда, куда надо? — спросил Купер. — Я хочу сказать: а вдруг я попаду не в 2317-й?

— Проверь это тщательно. Но все будет в порядке. Все будет в порядке.

(Харлен подумал: все будет в порядке, потому что однажды уже было в

порядке. Тесней...)

Однако на лице Купера, должно быть, промелькнула тень сомнения, потому что Твиссел торопливо добавил:

— Точность настройки тщательно отработана. Я как раз собирался объяснить тебе положенный в основу принцип, и мы сейчас этим займемся. Кстати, наша беседа поможет Харлену лучше понять систему управления.

Харлен стремительно повернулся от окна к пультам. Угол завесы отчаяния чуть отдернулся. А что если...

Твиссел продолжал читать Куперу лекцию нарочито педантичным тоном школьного учителя, и Харлен краем уха прислушивался к его словам.

— Нетрудно понять, — говорил Твиссел, — что главная наша проблема заключалась в том, чтобы определить, насколько далеко можно забросить материальный объект в Первобытную эпоху, сообщив ему определенный энергетический толчок. Проще всего было бы послать эту капсулу с человеком в прошлое, тщательно измеряя при этом затраченное количество энергии. Этот человек мог бы каждый раз определять, в какое Время он попал, с точностью до сотых долей Столетия, при помощи либо астрономических наблюдений, либо информации, полученной из радиопередач. Однако этот способ был бы очень медленным и к тому же крайне опасным, так как, если бы наш посланец был обнаружен местными жителями, это, вероятно, повлекло бы за собой катастрофические последствия для всего Проекта. Вместо человека мы посылали в прошлое определенную массу радиоактивного изотопа, ниобия-94, который, испуская бета-частицы, превращается в стабильный изотоп, молибден-94. Период полураспада ниобия-94 составляет почти ровно пятьсот столетий. Первоначальная интенсивность излучения образца нам известна. Со временем эта интенсивность убывает по хорошо известному закону и может быть измерена с высокой точностью.

Когда капсула попадает в место своего назначения в Первобытной эпохе, ампула с изотопом выстреливается в горный склон и капсула возвращается обратно в Вечность. В тот же самый момент биовремени, когда происходит выстрел, ампула появляется сразу во всех будущих Временах, последовательно становясь старше. В 575-м Столетии Техник выходит из Вечности во Время в том самом месте, куда попала ампула, находит ее по излучению и извлекает. Измерив уровень радиации, легко определить, сколько времени эта ампула пролежала на склоне горы, а следовательно, узнать с точностью до двух десятых, в какое Столетие попала наша капсула. Послав в прошлое дюжину ампул с различной

энергией толчка, мы построили калибровочную кривую. Затем эта кривая была проверена посылкой ампул не в Первобытную эпоху, а в первые Столетия Вечности, где были возможны прямые наблюдения.

Естественно, у нас были и неудачи. Несколько первых ампул были потеряны, так как мы не учли геологических изменений, происшедших в период между последними Столетиями Первобытной эпохи и 575-м. Следующие три ампулы тоже найти не удалось. Возможно, катапультирующий механизм вогнал их слишком глубоко в недра горы. Нам пришлось прервать опыты, когда уровень радиации в той местности сделался чересчур высоким. Мы опасались, что какой-нибудь житель Первобытных Времен обнаружит радиацию и заинтересуется, каким образом сюда попали радиоактивные элементы. Но все же мы провели ряд удачных экспериментов и совершенно уверены, что можем послать человека в любое Первобытное Столетие с точностью до сотых долей. У тебя есть вопросы?

— Я отлично все понял, Вычислитель Твиссел, — ответил Купер. — Я уже видел прежде эту калибровочную кривую, не понимая ее значения, но теперь мне все совершенно ясно.

Харлен слушал этот разговор со все возрастающим интересом. Он посмотрел на шкалу прибора. Сверкающая фаянсовая дуга на металле была разделена тонкими черточками на Столетия, Децистолетия и Сантистолетия. Цифры были очень мелкими, но, пригнувшись, Харлен разглядел, что на шкале нанесены Столетия, с 17-го по 27-е. Тоненькая, как волосок, стрелка стояла на отметке 23,17. Харлену уже доводилось встречаться с аналогичными Векометрами, и он привычным жестом нажал на пусковой рычаг. Но рычаг был заклинен. Волосок остался на месте.

Он едва не подскочил, услышав голос Твиссела:

— Техник Харлен!

— Слушаю, Вычислитель! — крикнул он в ответ, но затем вспомнил, что Твиссел не слышит его. Подойдя к окну, он кивнул головой.

Твиссел заговорил, словно прочитав мысли Харлена:

— Векометр установлен на посылку капсулы в 23,17. Никакой дополнительной настройки не требуется. Единственная твоя задача — это в соответствующий момент биовремени включить контакт. Справа от Векометра расположен секундомер. Кивни, когда найдешь его.

Харлен кивнул.

— Он будет отсчитывать время назад до нуля. В минус пятнадцать секунд включи контакт. Это просто. Ты понял, да?

Харлен снова кивнул.

— Особой точности не требуется. Ты можешь включить его в минус четырнадцать или минус тринадцать секунд, или даже в минус пять секунд, но все-таки постарайся включить его не позднее чем в минус десять секунд. Как только ты включишь контакт, механизм синхронизации сделает остальное и точно в нулевой момент сообщит капсуле необходимый толчок. Ты понял?

Харлен еще раз кивнул головой. Он понял даже больше, чем сказал Твиссел. Если он не включит контакт в минус десять секунд, то это сделают без него.

Обойдемся без посторонней помощи, угрюмо подумал Харлен.

— У нас еще осталось тридцать биоминут, — продолжал Твиссел. — Мы с Купером пойдем проверим его снаряжение.

Они ушли. Закрылась дверь, и Харлен остался наедине с пультом, Временем (секундомер уже заработал, медленно продвигаясь к нулю) и твердой решимостью довести задуманное до конца.

Отвернувшись от окна, Харлен сунул руку в карман и вытащил все еще лежавший там болеизлучатель. Он так и протаскал его с собой все это время. Рука его слегка дрожала.

Снова промелькнула мысль: “Самсон, разрушающий храм¹”.

Язвительно и цинично он подумал: “Кто из Вечных хоть когда-либо слышал о Самсоне? Кто из них знает, как он погиб?”.

Оставалось всего двадцать пять минут. Харлен не знал, сколько времени займет затеянная им операция. Не знал и того, работает ли она.

Но разве у него был выбор? Отвинчивая влажными пальцами наконечник болеизлучателя, он чуть было не уронил его. Он действовал быстро, не думая о последствиях, меньше всего его беспокоила мысль о том, что он сам перейдет в небытие

В минус одну минуту Харлен в полной готовности стоял у пульта.

“Может быть, последняя минута жизни”, — отстранение подумал он. Он ничего не видел, кроме возвратного движения красной стрелочки, отсчитывавшей уходящие секунды.

Минус тридцать секунд. “Больно не будет. Это не смерть”, — мелькнула мысль.

Он пытался думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука Харлена потянула рычаг на себя. Не торопиться!

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Заработала автоматика. Старт будет дан в нулевой момент. Харлену оставалось сделать только одно движение — движение Самсона, сокрушающего храм! Правая рука начала подниматься. Он не смотрел на нее.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя. Он так и не взглянул на нее.

Неужели это и есть небытие?

Нет, пока нет. Он все еще жив.

Не двигаясь, Харлен застывшим взором смотрел в окно. Время словно остановилось для него.

Зал был пуст. На месте огромной, занимавшей его почти целиком капсулы зияла пустота. Металлические конструкции, служившие ей опорой, сиротливо вздымались в воздух.

В гигантском зале все замерло, словно в зачарованной пещере, и только Твиссел, казавшийся совсем маленьким, суетливо вышагивал взад и вперед.

Несколько минут Харлен следил за ним, затем отвел глаза.

Внезапно и совершенно беззвучно капсула появилась на прежнем месте. Ее переход через тончайшую грань, отделяющую будущее от прошедшего, не потревожил в воздухе ни одной молекулы.

Громада капсулы заслонила Твиссела, но секунду спустя он появился из-за ее края и бегом направился к пультовой.

Стремительным движением руки Вычислитель включил механизм, открывающий дверь, и ворвался внутрь, крича в ликующем возбуждении:

— Свершилось! Свершилось! Мы замкнули круг! — Он хотел сказать еще что-то, но ему не хватило дыхания.

Харлен молчал.

Твиссел подошел к окну и уперся в стекло ладонями. Харлен обратил внимание на то, как дрожат его руки, заметил старческие пигментные пятна на них. Казалось, мозг его потерял способность отделять важное от несущественного и тупо выхватывал из окружающей действительности отдельные случайные детали.

“Какое все это имеет значение? — устало подумал он. — И что вообще имеет сейчас значение?”

Твиссел снова заговорил, но Харлен едва слышал его; слова доносились словно откуда-то издалека.

— Теперь я могу тебе сказать, что здорово волновался, хоть и не

показывал виду. Сеннор одно время любил повторять, что вся эта затея совершенно немыслима. Он настаивал, что что-то непременно должно помешать этому... В чем дело?

Он резко обернулся, услышав, как Техник что-то глухо пробурчал.

Отрицательно покачав головой, Харлен с усилием выдавил:

— Ничего...

Твиссел не стал допытываться и снова отвернулся. Было непонятно, обращается ли он к Харлену или просто говорит в пустоту. Казалось, ему хочется выговориться за все годы волнений и тревог.

— Сеннор — неисправимый скептик. Мы и спорили с ним, и убеждали. Мы приводили ему математические выкладки, мы ссылались на результаты, полученные многими поколениями исследователей за все биовремя существования Вечности. Он же отметал в сторону наши рассуждения и преподносил в качестве доказательства парадокс о человеке, встречающем самого себя. Да ведь ты слышал, как он рассуждал об этом. Это его любимая тема.

“Нельзя знать будущее”, — говорил Сеннор. Например, я, Твиссел, знаю из мемуара, что хотя я буду очень стар, но я доживу до того момента, когда Купер отправится в свое путешествие за нижний предел Вечности. Я знаю и другие подробности о своем будущем, знаю, что мне предстоит совершить...

“Это невозможно, — настаивал он. — Знание собственной судьбы обязательно изменит Реальность, даже если из этого следует, что круг никогда не замкнется и Вечность никогда не будет создана”. Что заставляло его так говорить, я не знаю. Может быть, он искренне верил в свои выдумки, может быть, они были для него чем-то вроде интеллектуальной игры, а может быть, ему просто хотелось шокировать нас необычным мнением. Во всяком случае, Проект продвигался вперед, и ряд предсказаний мемуара начал осуществляться. Например, мы отыскали Купера именно в том Столетии и той Реальности, которые были указаны в мемуаре. Уже одно это не оставляло камня на камне от всех утверждений Сеннора, но и это его не убедило. К тому времени у него появилось новое увлечение.

Твиссел тихо засмеялся, не заметив, как сигарета догорела почти до самых кончиков его пальцев.

— И все же, знаешь, мне долгие годы было не по себе. Ведь что-то действительно могло произойти. Реальность, в которой была основана Вечность, могла измениться таким образом, чтобы не допустить того, что Сеннор называл парадоксом. И тогда, в этой новой Реальности, уже не

было бы ни Вечности, ни нас с тобой. Ты знаешь, иногда среди ночи, во время бессонницы, мне вдруг начинало казаться, что все погребло... Только теперь, когда все кончилось благополучно, я могу посмеяться над собой, как над старым маразматиком.

— Вычислитель Сеннор был прав, — очень тихо произнес Харлен.

— Что такое? — метнулся к нему Твиссел.

— Проект провалился. Круг не замкнут. — Харлену казалось, что его рассудок медленно освобождается от густого тумана.

— Что ты такое несешь? — Старческие пальцы Твиссела с неожиданной силой впились в плечи Харлена. — Ты болен, мой мальчик. У тебя сдали нервы.

— Нет, не болен. Мне все опротивело. Вы. Я. Но я не болен. Взгляните сами. Сюда, на векометр.

— Векометр?

Тоненький волосок стрелочки был прижат к правому концу шкалы около отметки 27-го Столетия.

— Что здесь произошло?

Радость на лице Твиссела сменилась страхом.

Харлен уже полностью овладел собой.

— Я расплавил предохранительный механизм и высвободил рычаг управления.

— Как ты...

— У меня был болеизлучатель. Я разобрал его и использовал вделанный в него в качестве источника питания микрореактор как автоген. Вот все, что от него осталось. — Харлен подтолкнул ногой маленькую кучку металлических обломков, валявшихся на полу.

Твиссел все еще не хотел верить.

— 27-е? Ты хочешь сказать, что Купер попал в 27-е Столетие?

— Я понятия не имею, куда он попал, — вяло ответил Харлен. — Сначала я перевел рычаг вниз, далеко за 24-е. Но я не знаю куда. Я не посмотрел. Потом я переставил его в это положение. Вот и все.

Твиссел с ужасом смотрел на Харлена, его лицо побледнело до болезненной желтизны, губы дрожали.

— Я не знаю, где сейчас Купер, — продолжал Харлен. — Он затерялся в Первобытных веках. Круг разорван. Сначала я думал, что все кончится сразу, в нулевой момент. Но это глупо. Придется ждать. Наступит такое мгновение по биовремени, когда Купер поймет, что он не в том Столетии, когда он сделает что-нибудь противоречащее мемуару, когда он... — Харлен не закончил фразу и засмеялся натянутым, хриплым смехом. —

Какая разница? Все это только отсрочка, пока Купер не совершит какой-нибудь непоправимой ошибки, пока он не разорвет круг. Мы бессильны помешать ему. Минуты, часы, дни. Не все ли равно? Когда отсрочка истечет, Вечность прекратит существование. Вы меня слышите? Это будет концом Вечности!

Глава 14. ДАВНЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

— Но почему? Почему?

Твиссел растерянно перевел взгляд со шкалы на Техника; в его глазах, как в зеркале, отразились растерянность и недоумение, прозвучавшие в голосе.

Харлен поднял голову.

— Нойс! — одним словом ответил он.

— Женщина, которую ты спрятал в Вечности? — спросил Твиссел.

Горькая усмешка Харлена была ему единственным ответом.

— Но при чем здесь она? — продолжал недоумевать Твиссел. — Я тебя не понимаю, мой мальчик.

— Да что тут понимать? — взорвался Харлен. — Зачем вы притворяетесь? Да, у меня была женщина. Мы с ней были счастливы. Кому это мешало? Ведь ее даже не существует в новой Реальности.

Твиссел тщетно пытался вставить хоть слово.

— Но у Вечности свои законы, — кричал Харлен. — О, я знаю их все наизусть. Союзы требуют разрешения; союзы требуют Вычислений; союзы требуют высокого знания; союзы — вещь рискованная. Что вы приготовили для Нойс по завершении проекта? Поместить ее в гибнущую ракету? Или дать ей тепленькое местечко общей любовницы знатных Вычислителей? Ну, теперь-то у вас не будет никаких планов.

В полном изнеможении он закончил свою тираду, и Твиссел быстро подошел к видеофону. Очевидно, передатчик видеофона снова был включен. Вычислитель повторял сигнал вызова до тех пор, пока не добился ответа.

— Говорит Твиссел. Никого сюда не пускать, — произнес он не допускающим возражений тоном. — Никого. Вам ясно? Тогда выполняйте! Нет, никаких исключений. И для членов Совета тоже. К ним это относится в первую очередь.

Он снова повернулся к Харлену и задумчиво проговорил:

— Они не посмеют нарушить мой приказ, потому что я старейший член Совета и еще потому, что меня считают выжившим из ума чудачком. Поэтому мне и доверили этот Проект. — На мгновение он впал в

задумчивость. — Ты тоже так думаешь?

В этот момент он был похож на маленькую сморщенную обезьянку.

“Святое Время, он и правда спятил, — со страхом подумал Харлен. — Потрясение лишило его рассудка”.

Мысль, что он заперт наедине с сумасшедшим, заставила Харлена испуганно отступить назад. Но он быстро опомнился. Спятил Твиссел или нет, он был дряхлым стариком, и к тому же скоро наступит конец всему, даже безумию.

Скоро? А почему не сразу? Чем вызвана эта отсрочка?

— Ты не ответил мне, — вкрадчиво продолжал Твиссел. (Вот уже несколько минут в его руках не было привычной сигареты, но он, казалось, не замечал этого.) — Ты тоже считаешь, что я выжил из ума? Думаю, что да. Если бы ты считал меня своим другом, а не капризным, свихнувшимся стариком, ты бы поделился со мной своими сомнениями. И тогда не было бы этой глупой выходки.

Харлен насупился. Оказывается, Твиссел считает, что это он спятил!

— Меня толкнули на это, — сердито буркнул он. — Я в здравом рассудке.

— Но я же сказал тебе, что девушке ничто не грозит.

— Я был бы последним дураком, если бы поверил вам. Только дурак может поверить в справедливость Совета к Технику.

— При чем тут Совет?

— Финж знал все, это он донес на меня Совету.

— Как ты узнал об этом?

— Вырвал признание у Финжа под дулом болеизлучателя. Болеизлучатель помог ему забыть о разнице в наших званиях.

— Это ты сделал тем же излучателем? — Твиссел указал на шкалу векометра, круглое лицо-циферблат которого было искажено гримасой расплавленного металла.

— Да.

— Хватило ему работы. — Его тон стал резче. — А ты знаешь, почему Финж не принял мер сам, а послал донесение Совету?

— Потому что он ненавидит меня и хотел действовать наверняка. Ему нужна была Нойс.

— До чего же ты наивен! Если бы дело было только в Нойс, он без труда устроил бы себе союз с ней. Никакой Техник не встал бы у него на пути. Этот человек ненавидит меня, мой мальчик.

В его руках по-прежнему не было сигареты, отчего выпачканный табаком палец, которым он ткнул себя в грудь, выглядел неприлично

голым.

— Вас?

— Такая уж штука эта политика, мой мальчик. Не каждому Вычислителю удастся стать членом Всевременного Совета. Финж честолюбив. Он готов был добиваться этого поста любой ценой. Но я помешал ему, так как счел его эмоционально неустойчивым. Святое Время, я только теперь понял, как я был прав тогда... Послушай, мой мальчик, он знал, что я тебе покровительствую. Он видел, как из рядового Наблюдателя я сделал тебя первоклассным Техником. Ты постоянно работал со мной. Как еще мог бы Финж отомстить мне? Если бы ему удалось доказать, что мой любимчик виновен в страшном преступлении против Вечности, то это могло бы отразиться и на мне. Я был бы вынужден покинуть Совет, и, как по-твоему, кто тогда занял бы мое место?

Привычным жестом он поднес руку в губам и, не обнаружив сигареты, посмотрел недоуменным взглядом на промежуток между пальцами, где она обычно была.

“Не так уж он спокоен, как притворяется, — подумал Харлен. — Да и можно ли оставаться спокойным в такой момент? Но для чего рассказывать мне всю эту чушь теперь, когда Вечность идет к концу?”

И снова его обожгла мысль: “Но почему конца до сих пор нет? Почему?”

— Когда я недавно отпустил тебя к Финжу, — продолжал Твиссел, — я предчувствовал опасность. Но в “Мемуаре Маллансона” говорилось, что ты отсутствовал весь последний месяц, а никакого другого предлога не подвернулось. К счастью для нас, Финж перестарался.

— Каким образом? — устало спросил Харлен. Ему это было совершенно безразлично, но Твиссел говорил без умолку, и легче было принять участие в разговоре, чем пытаться отключить слух.

— Финж озаглавил свое донесение “О непрофессиональном поведении Техника Эндрю Харлена”. Он разыгрывал из себя истинного Вечного, бесстрастно и невозмутимо выполняющего свой долг. Он предоставил Совету гневаться и срывать зло на мне. К несчастью для себя, он не подозревал о твоём истинном значении. Ему даже в голову не пришло, что любое донесение, касающееся тебя, будет немедленно передано мне.

— И вы мне ничего не сказали?

— А как я мог? Я хотел оградить тебя от ненужных волнений накануне решающего момента. Я давал тебе возможность самому рассказать мне о своих затруднениях.

Давал возможность? Харлен недоверчиво скривил рот, но потом вспомнил усталое лицо Вычислителя на экране видеофона, вспомнил его настойчивые вопросы. Это было вчера. Всего лишь вчера! Ничего не ответив, он опустил глаза.

— Я сразу понял, — уже мягче продолжал Твиссел, — что Финж намеренно толкает тебя на... поспешные действия.

Харлен поднял голову.

— Вы знали об этом?

— Ты удивлен? Я давно знаю, что Финж копает под меня. Я уже старик, мой мальчик, и сразу вижу такие вещи. Если Вычислитель вызывает подозрения — нетрудно проследить за ним. Есть особые устройства, изъятые из Времени, которых ты не сыщешь даже в наших музеях. И некоторые из них известны только Совету.

Харлен с горечью подумал о блокировке Колодцев Времени в 100000-м.

— На основании донесения Финжа и той информации, которую я получил из других источников, было нетрудно восстановить истину.

— Но, может быть, Финж подозревал, что вы за ним шпионите? — неожиданно спросил Харлен.

— Возможно. Меня бы это не удивило.

Харлен вспомнил свои первые дни в 482-м. Финж ничего не знал о Проекте, и необычный интерес Твиссела к молодому Наблюдателю насторожил его. “Вы встречались прежде со Старшим Вычислителем Твисселом?” — спросил он как-то. Харлен припомнил, что в голосе Финжа звучало острое беспокойство. Уже тогда Финж мог заподозрить Харлена в том, что он шпион Твиссела. Так вот в чем источник его ненависти!

— Если бы ты сам пришел ко мне... — продолжал Твиссел.

— Прийти к вам? — не выдержал Харлен. — А как насчет Совета?

— Во всем Совете об этом знал я один.

— И вы им ничего не сказали? — Харлен попытался изобразить иронию.

— Ничего.

Харлен почувствовал, что его лихорадит. Одежда душила его. Неужели этому кошмару не будет конца? Глупая, бессмысленная болтовня. Зачем? Во имя чего?

Почему не погибла Вечность? Почему не наступает желанный покой небытия? Великое Время, в чем он ошибся?!

— Ты все еще не веришь мне? — спросил Твиссел.

— А почему я должен вам верить? — снова взорвался Харлен. —

Сегодня утром все они в полном составе явились посмотреть на меня. Зачем им это, если они не читали отчета Финжа? Нет, их заинтересовал чужак, который нарушил законы Вечности, но которого нельзя было трогать еще целый день. Всего день, пока не будет завершен Проект. Они пришли позлорадствовать накануне завтрашней потехи.

— Мой мальчик, ты глубоко неправ. Они хотели увидеть тебя просто потому, что они люди. Ведь члены Совета — тоже люди. Они не могли присутствовать при отправлении капсулы, потому что мемуар не говорит, что они там были. Им нельзя было поговорить с Купером — об этом в мемуаре тоже нет ни слова. Святое Время, как ты не понимаешь, что их разбирало любопытство. Ты был для них самой доступной частью Проекта — вот почему они так разглядывали тебя.

— Я не верю вам.

— Но это правда.

— Да? А чем тогда были вызваны рассуждения члена Совета Сеннора о человеке, встречающем самого себя? Он явно знал о моих противозаконных вылазках в 482-е и о том, как я чуть было не встретил там самого себя. Он просто дразнил меня, развлекался за мой счет.

— Сеннор? Тебя беспокоит Сеннор? Знал бы ты, что это за жалкая фигура! Он родился в 803-м Столетии, одном из немногих, где в угоду извращенным представлениям о красоте намеренно уродуют человеческие тела. Когда Сеннор был еще подростком, ему удалили все волосы на теле. Знаешь ли ты, как уродство влияет на человека? Оно разрушает его связи с предками и потомками. Ты почти не найдешь среди Вечных выходцев из этого Столетия — слишком уж они отличны от нас. За всю историю Вечности Сеннор — единственный, кто получил место в Совете. Нетрудно догадаться, как все это на него повлияло. Ты, конечно, знаешь, что такое неуверенность. Но тебе, вероятно, и в голову не приходило, что член Совета может чувствовать себя неуверенно. Сеннору неоднократно приходилось выслушивать призывы к исправлению его Реальности, к уничтожению в ней тех самых обычаев, из-за которых он так резко выделяется среди нас. Когда-нибудь такое случится. И тогда он останется чуть ли не единственным таким уродом.

Он ищет утешения в философии. В качестве моральной компенсации он неизменно высказывает самые непопулярные или непризнанные точки зрения. Парадокс о человеке, встречающем самого себя, — любимая его тема. Я уже говорил тебе, что ему нравилось предсказывать неудачу этому Проекту. Сегодня за завтраком он дразнил нас, членов Совета, а не тебя. К тебе это не имело ни малейшего отношения.

Твиссел разгорячился. Увлечшись своим монологом, он забыл о том, где они находятся, забыл о нависшей катастрофе, он снова превратился в хорошо знакомого Харлену карлика с быстрой жестикуляцией и неловкими движениями. Он даже вытащил сигарету из нарукавного кармашка, но так и не щелкнул зажигалкой.

Внезапно он замолчал, резко повернулся и пристально посмотрел на Харлена, словно до его сознания только сейчас дошел смысл последних слов Техника.

— Ты сказал, что чуть было не встретил самого себя. Что это значит?

Харлен вкратце рассказал о своем приключении.

— Разве вы не знали об этом?

— Нет.

За этим последовало несколько секунд тишины, которые сжигаемый лихорадкой Харлен принял так же охотно, как умирающий от жажды глоток воды.

— А что если ты действительно встретил сам себя?

— Но ведь...

— Случайные отклонения всегда возможны, — не обращая на него внимания, продолжал Твиссел. — При бесконечном множестве допустимых Реальностей ни о каком детерминизме не может быть и речи. Предположим, что в Реальности Маллансона, в предшествовавшем цикле...

— Разве циклы повторяются бесконечно? — не удержался от вопроса Харлен. Оказывается, он еще способен удивляться.

— А ты думал — только дважды? По-твоему, двойка — магическое число? За конечный промежуток биовремени может осуществиться бесчисленное множество циклов. Точно так же, как можно, например, бесконечно водить карандашом по одной и той же окружности, но тем не менее описывать конечную площадь. В предшествующем цикле ты не встретился сам с собой. В теперешнем цикле в силу принципа статистической неопределенности это событие стало возможным. При этом Реальность должна была измениться так, чтобы предотвратить эту встречу, и в новой, уже изменившейся Реальности ты послал Купера не в 24-е, а в...

— Но к чему все это? — вскричал Харлен. — Что вы хотите от меня? Ведь все уже кончено. Все! Оставьте меня. Слышите: оставьте меня в покое!

— Я хочу, чтобы ты понял свою ошибку. Я хочу, чтобы ты осознал всю глубину своего заблуждения.

— Я был прав. А если и нет, уже поздно.

— Нет, не поздно. Выслушай меня. — Твиссел упрашивал его, почти умолял. — Тебе вернут твою девушку. Я обещал и еще раз подтверждаю свое обещание. Ни тебе, ни ей не причинят ни малейшего вреда. Я дам тебе любые гарантии.

Харлен посмотрел на него широко раскрытыми глазами.

— Но ведь уже слишком поздно. Что толку?

— В том-то и дело, что еще не поздно. Еще можно все исправить. С твоей помощью мы можем сделать это. Но надо, чтобы ты захотел помочь, захотел переделать сделанное.

Харлен облизнул пересохшим языком потрескавшиеся губы. Твиссел свихнулся. Его разум не может примириться с неудачей... или... Неужели Совет действительно знает что-то, неведомое остальным? Знает ли? Неужели есть средство противостоять приговору Изменения Реальности? Неужели можно остановить Время или обратить его вспять?

— Но ведь вы сами заманили меня в пультовую, где я, по вашему мнению, был совершенно беспомощен, и держали меня там взаперти, пока все не было кончено.

— Ты сказал, что боишься не выдержать напряжения, что у тебя не хватит сил довести свою роль до конца.

— Это была угроза.

— Я понял тебя буквально. Прости меня. Ты должен мне помочь.

Итак, они снова вернулись к исходной точке Его помощь необходима. Кто из них сошел с ума? Он? Твиссел? Имеет ли смысл это безумие? И что вообще имеет смысл?

Совет нуждается в нем. Чего только они не наобещают ему сейчас: Нойс, звание Вычислителя, все что угодно. Но что получит “да, когда спасет их? Нет, во второй раз его уже не одурачат!

— Нет, — решительно ответил он.

— Тебе вернут Нойс.

— Хотите сказать, что Совет нарушит законы Вечности, когда опасности удастся избежать? Не верю. (Разве этой опасности можно избежать? — возвала здравая часть его рассудка. — К чему все это?)

— Совет ничего не узнает.

— Неужели вы захотите стать преступником? Вы же идеальный Вечный. Как только минует опасность, вы подчинитесь закону. Вы просто не сможете поступить иначе.

Щеки Твиссела покрылись красными пятнами. С его старческого лица исчезли умудренность и сила; осталась лишь странная печаль.

— Я сдержу слово и нарушу закон по причине, о которой ты даже не

подозреваешь, — медленно произнес Твиссел. — Я не знаю, сколько еще просуществует Вечность. Может быть, месяцы, а может быть, считанные часы. Но я уже потратил так много времени, пытаюсь образумить тебя, что потрачу еще немного. Только выслушай меня. Пожалуйста.

Харлен замялся. Затем, решив, что спорить бесполезно, он устало произнес:

— Говорите.

— Много раз до меня доходили слухи, — начал свой рассказ Твиссел, — что я родился стариком, что меня воспитал Киберцентр, что даже во сне я не расстаюсь с карманным анализатором, что мозг у меня состоит из микрочипов, а вместо крови по моим жилам течет смазочное масло для счетных машин, в котором плавают крохотные перфокарты.

То и дело мне приходится выслушивать подобные бредни, и, наверное, я даже немного горжусь ими. Может быть, в глубине души я и сам верю в них. Недаром думают, что я выжил из ума. Глупо старику верить в подобные выдумки, но что поделаешь, они облегчают жизнь.

Ты удивлен? Да, я, Лабан Твиссел, Старший Вычислитель, Старейшина Всевременного Совета, стремлюсь облегчить свою жизнь. Ты никогда не задумывался, почему я курю? Вечные не курят, да и большинство Времян тоже. Мне иногда кажется, что это просто бунт против Вечности, мелкая месть за провал большого восстания... Нет, нет, со мной все в порядке. Одна-две слезинки мне не повредят, и я не притворяюсь, поверь мне. Просто я давно не вспоминал об этом. Грустная вещь — воспоминания.

Как и у тебя, все началось с женщины. Это не случайное совпадение; если хорошенько подумать, оно почти неизбежно. Все мы, променявшие радости семейной жизни на пригоршню перфолент, подвержены этой инфекции. Вот почему Вечность вынуждена принимать такие строгие меры предосторожности. И наверное, по той же причине Вечные то и дело так изобретательно нарушают законы.

Я не могу забыть ту женщину. Должно быть, глупо так цепляться за воспоминания. Ведь больше я о том биовремени почти ничего не помню. От моих бывших коллег сохранились лишь имена в архивах; Изменения, которые я рассчитывал (все, кроме одного), — только номера в катушках памяти Киберцентра. А ее я помню. Впрочем, ты, вероятно, сможешь понять меня.

Много лет я просил разрешения на союз, но получил его, только став Младшим Вычислителем. Она оказалась из этого же Столетия, из 575-го. До получения разрешения я, как водится, и в глаза ее не видел. Она была

умна и добра, хотя ее нельзя было назвать красивой или хотя бы хорошенькой. Но ведь и я даже в молодости (а я был молод — не верь легендам) не отличался красотой. Мы отлично подходили друг другу по характеру, и не будь я Вечным, я был бы счастлив назвать ее своей женой. Сколько раз повторял я ей эти слова! Похоже, ей это льстило, но я — то знал, что это правда. Вечные вынуждены встречаться со своими женщинами лишь в строгом соответствии с Расчетами, и мало кому из них выпадает на долю такая удача.

Однако в той Реальности ей было суждено умереть молодой, а никто из ее Аналогов не подходил для союза. Сперва я смотрел на это философски. В конце концов, именно краткость ее жизни сделала возможным наш союз. Стыдно вспомнить, но в самом начале ее близкая смерть не слишком огорчала меня. Но так было только в самом начале. Я проводил с ней все время, отпускаемое мне инструкциями, боясь упустить хотя бы минуту, бесстыдно пренебрегая работой, забывая про еду и сон. Даже в самых смелых мечтах я не мог представить, что женщина может быть настолько привлекательна. Я полюбил ее. Мне нечего к этому прибавить. Мой опыт в любви очень мал, а знания, которые приобретаешь, наблюдая за Временами, весьма ненадежны. Думаю все же, что я действительно любил ее.

Из простого удовлетворения чувственных желаний наша связь переросла в нечто гораздо большее. И тогда неизбежность ее смерти перестала быть благом и превратилась в катастрофу. Я рассчитал ее Судьбу. Я не обращался к Планировщикам. Всю работу я проделал сам. Наверное, это удивляет тебя. Да, я нарушил закон, но все это бледнеет рядом с преступлениями, которые я совершил потом.

Да, я преступник. Я, Старший Вычислитель Лабан Твиссел.

Трижды наступал и проходил момент биовремени, когда самое простое действие с моей стороны могло изменить ее личную Реальность. Разумеется, я знал, что такое персональное Изменение ни за что не будет одобрено Советом. Но все равно я заранее начал чувствовать себя виновным в ее смерти. Позже это тоже сыграло свою роль.

Потом она забеременела. Я не предпринял никаких мер, хотя обязан был сделать это. Я рассчитал ее Судьбу, приняв во внимание ее связь со мной, и знал, что вероятность беременности для нее весьма велика. Ты можешь этого не знать, но Временницы иногда беременеют от Вечных, несмотря на все предосторожности. Случается и такое. Но Вечным нельзя иметь детей, поэтому мы быстро и безболезненно ликвидируем последствия. Для этого есть много методов.

Из Плана Судьбы я знал, что она умрет до родов, поэтому не принял мер. Она так радовалась тому, что станет матерью, и мне не хотелось ее огорчать. Она рассказывала мне, какое это счастье — чувствовать в себе трепет новой жизни, а я сидел рядом с ней и пытался улыбаться.

А затем случилось нечто совершенно непредвиденное. Она родила до срока...

Неудивительно, что ты на меня так посмотрел. У меня был ребенок, настоящий ребенок, мой собственный. Возможно, никто из Вечных не может сказать такого о себе. Это было серьезное преступление, но худшее случилось потом.

Я не ожидал ничего подобного. В вопросах, связанных с рождением детей, мой жизненный опыт был крайне мал. Я в панике обратился к Плану Судьбы и обнаружил, что проглядел маловероятную вилку. Профессиональный Планировщик сразу бы заметил ее, а я, я был наказан за чрезмерную самонадеянность.

Что мне было делать?

Убить ребенка я не мог. Его матери оставалось жить лишь две недели, и я решил: пусть они проживут этот срок вместе. Две недели счастья — не такой уж великий дар.

Мать умерла точно в предсказанный срок и точно так, как было предсказано. Я пробыл в ее комнате все время, позволенное пространственно-временной инструкцией. То, что я уже целый год знал об этом, только усугубляло мое горе. До самого конца я держал ее за руку, а другой рукой обнимал своего сына.

Я сохранил ему жизнь. Почему ты так вскрикнул? Ты что, осуждаешь меня?

Откуда тебе знать, что значит держать на руках своего сына — крохотную частицу собственной жизни? Я могу иметь Киберцентр вместо сердца и инструкции вместо нервов, но я это знаю!

Да, я сохранил ему жизнь. Я пошел и на это преступление. Я поместил его в воспитательный дом и часто навещал (в строгой хронологической последовательности через определенные промежутки биовремени), внося за него плату и наблюдая, как он растет.

Так прошло два года. Периодически я проверял План Судьбы своего сына (это нарушение правил стало для меня привычным) и каждый раз с удовольствием убеждался, что вредные эффекты для данной Реальности отсутствуют с точностью до 0,00001. Мальчик научился ходить и лепетать несколько слов. Никто не учил его называть меня “папой”. Я не знаю, какие догадки в отношении меня строили Времяне, заведовавшие этим домом.

Они брали мои деньги и помалкивали.

Через два года во Всевременном Совете рассматривался проект Изменения, которое краешком захватывало 575-е. Незадолго до этого меня произвели в Вычислители. Детальная разработка проекта была поручена мне. Это было первое Изменение, которым я занимался самостоятельно.

Конечно, я был горд, но к гордости примешивалась озабоченность. В текущей Реальности мой сын был незванным пришельцем. В новой Реальности он не должен был иметь Аналогов. Мысль о том, что ему предстоит уйти в небытие, мучила меня.

Я разработал проект Изменения, который показался мне безукоризненным. Мой первый проект. Но я поддался искушению. Поддался еще и потому, что нарушение законов давно вошло у меня в привычку. Можно сказать, я стал закоренелым преступником. Заранее уверенный в ответе, я все же еще раз составил План Судьбы для моего сына в новой Реальности.

Затем я провел сутки в своем кабинете без еды и сна, до изнеможения проверяя этот План в безнадежных попытках отыскать в нем ошибку.

Но ошибки не было.

Утром я должен был вручить свои рекомендации Совету. Вместо этого я наскоро разработал для себя инструкцию — все равно этой Реальности оставалось существовать недолго, — и вышел во Время в точке, отстоящей от момента рождения моего сына на тридцать с лишним лет.

Ему было тридцать четыре года, столько же, сколько и мне тогда. Я представился ему в качестве дальнего родственника его матери. Он ничего не помнил о своем отце и не сохранил никаких воспоминаний о моих визитах к нему в детстве.

Он работал авиационным инженером. В 575-м существовало много способов воздушных сообщений (так же, как и в теперешней Реальности), и сын был уважаемым и преуспевающим членом общества. Он был женат на очаровательной женщине, но детей не имел. В новой Реальности, где мой сын не должен был существовать, Аналог этой женщины никогда не выйдет замуж. Все это я знал давно. Я знал, что Реальность не пострадает, иначе не осмелился бы оставить своего сына в живых. Все-таки я был не настолько безнадежен.

Целый день я не отходил от моего сына. Любезно улыбаясь, я беседовал на отвлеченные темы и сухо простился, когда отведенное инструкцией время истекло. Но, прикрываясь маской равнодушия, я жадно впитывал каждый его жест, каждое слово, пытаюсь навсегда сохранить их в своей памяти. На следующий день (по биовремени) эта Реальность должна

была прекратить существование.

Мне хотелось в последний раз посетить и тот отрезок Столетия, когда еще была жива моя жена, но я уже истратил свое время до последней секунды. Да и не знаю, хватило ли бы у меня мужества хоть издали взглянуть на нее.

Возвратившись в Вечность, я провел еще одну ужасную ночь в яростной борьбе с собой. С опозданием на сутки я вручил Совету свои рекомендации по поводу Изменения.

Твиссел понизил голос до шепота и умолк. Сгорбившись, он сидел совершенно неподвижно, уставясь в какую-то точку на полу, и только руки его медленно сжимались и разжимались.

Не дождавшись продолжения, Харлен тихо кашлянул. Ему было жалко старика, жалко несмотря на все совершенные им преступления.

— И это все? — спросил он после долгой паузы.

— Нет, хуже... гораздо хуже, — прохрипел Твиссел. — У моего сына в новой Реальности все же был Аналог. В четырехлетнем возрасте после полиомиелита он стал паралитиком. Сорок два года в постели при обстоятельствах, не позволяющих применить к нему технику регенерации нервов, открытую в 900-м. Я бессилен спасти его или хотя бы безболезненно закончить его мучения.

Эта Реальность все еще существует. Мой сын все еще там, в своем Столетии. Я один во всем виноват. Это моя воля приготовила ему такую жизнь, мой приказ совершил Изменение. Много раз я нарушал законы ради него или ради его матери, но мне всегда будет казаться, что в тот последний раз, исполнив свой долг и сохранив верность клятве Вечного, я совершил самое большое и главное свое злодеяние.

Харлен молчал, не находя слов.

— Но теперь-то ты понимаешь, почему я так близко принял к сердцу твою историю, почему я хочу, чтобы ты получил свою девушку? — продолжал Твиссел. — Вечности это не повредит, а для меня, быть может, станет искуплением за мое преступление.

И Харлен поверил. В один миг он поверил старику.

Сжав голову кулаками, он упал на колени и медленно раскачивался, не находя выхода отчаянию.

Подобно Самсону, он одним ударом разрушил свой храм. Он должен был спасти Вечность — и погубил ее; он мог обрести Нойс — и навсегда ее потерял.

Глава 15. ПОИСК В ГЛУБИНЕ ВРЕМЕН

Твиссел тряс Харлена за плечи, настойчиво окликая его по имени:

— Харлен! Харлен! Во имя Вечности, будь мужчиной.

Харлен медленно выбрался из трясины отчаяния.

— Что же нам теперь делать?

— Только не то, что ты делаешь. Не отчаиваться. Для начала выслушай меня. Забудь о своем взгляде Техника на Вечность и попробуй взглянуть на нее глазами Вычислителя. Все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Когда ты воздействуешь на Время и тем самым вызываешь Изменение Реальности, то Изменение наступает сразу. Почему?

— Потому что вариация сделала Изменение неизбежным, — дрожащим голосом ответил Харлен.

— Разве? Ты ведь можешь вернуться назад и уничтожить все следы этого воздействия. Можешь или нет?

— Наверное, могу. Но мне никогда не приходилось делать этого. Я даже не слышал о таких вещах.

— Правильно. Поскольку мы не отказываемся от своего намерения произвести Изменение, оно происходит. Здесь же мы имеем дело с обратным случаем. Ненамеренная вариация. Ты послал Купера не в то Столетие, и теперь мы хотим во что бы то ни стало исправить эту ошибку и вернуть Купера обратно.

— Как, ради Времени?

— Еще не знаю, но способ должен быть. Если бы это было невозможно, то воздействие было бы необратимым; Изменение произошло бы сразу. Но Изменение пока не наступило. Мы все еще находимся в Реальности “Мемуара Маллансона”. Это означает, что воздействие обратимо и будет обращено.

— Что?!

Харлену казалось, что он снова погружается в бурлящую, бездонную пучину кошмара.

— Несомненно, существует какой-то способ замкнуть круг во Времени, и вероятность того, что мы сумеем найти этот способ, возможно, очень велика. Иначе наша Реальность уже исчезла бы. Пока она существует, мы можем быть уверены, что идем по правильному пути. Если в какой-то момент я или ты придем к ложным выводам, если вероятность замкнуть круг станет меньше определенной критической величины, Вечность тут же исчезнет. Тебе это понятно?

В этом Харлен был не слишком уверен. Впрочем, он не особенно старался что-либо понять. Он медленно поднялся с колен и кое-как доковылял до кресла.

— Вы думаете, что мы сможем вернуть Купера назад?..

— ...и послать его в нужное Время. Захватим его в момент выхода из капсулы, и он попадет в 24-е Столетие постаревшим на несколько биочасов, от силы на несколько биодней. Разумеется, это тоже будет вариацией, но, к счастью, незначительной. Реальность будет поколеблена, мой мальчик, но не рухнет.

— Но как мы найдем его?

— Мы знаем, что это возможно, иначе Вечность бы уже не существовала. Что касается того, как это сделать, то как раз здесь мне необходима твоя помощь; поэтому-то я так стремлюсь привлечь тебя на свою сторону. Ты ведь у нас специалист по Первобытным Временам. Ты и скажешь, что делать.

— Я не знаю, — простонал Харлен.

— Нет, знаешь, — настаивал Твиссел. Его голос снова зазвучал бодро, казалось, он даже помолодел. Глаза его загорелись восторгом битвы, и он размахивал зажженной сигаретой, как копьем. Даже Харлен, которого пережитые потрясения сделали почти бесчувственным, увидел, что Твисселом овладел азарт борьбы и он упивается этим чувством.

— Попробуем восстановить ход событий, — говорил Твиссел. — Вот пульт. Ты стоишь около него и ждешь сигнала. Пора. Ты включаешь контакт и в то же время переводишь рычаг на несколько Столетий назад. На сколько?

— Не знаю. Я же сказал вам: не знаю!

— Ты-то, может быть, и не знаешь, но твои мышцы должны помнить. Становись сюда, к пульта, и положи руку на контакт. Возьми себя в руки, мой мальчик. Иди сюда. Так. Стань вот здесь. Ты ждешь сигнала. Ты ненавидишь меня, ненавидишь Совет, ненавидишь Вечность. Твое сердце изнывает от тоски по Нойс. Перенесись снова в это мгновенье. Попробуй пережить его еще раз. Теперь я пушу секундомер. Я даю тебе одну минуту, чтобы войти в роль. Потом в нулевой момент рвани правой рукой рычаг точно так же, как ты сделал это прежде. Потом убери руку. Только не возвращай рычаг назад. Приготовился?

— Не думаю, чтоб у меня получилось.

— Он не думает!.. Святое Время, да у тебя нет выбора! Или ты знаешь другой способ вернуть свою девушку?

Выбора действительно не было. Харлен заставил себя подойти к пульта, и как только он это сделал, недавние чувства снова захлестнули его. Ему не пришлось искусственно вызывать их. Они сами нахлынули на него, стоило ему только повторить знакомое движение. Красная стрелка

секундомера двинулась по циферблату.

“Может быть, последняя минута жизни”, — отвлеченно подумал он.

Минус тридцать секунд.

“Больно не будет. Ведь это не смерть”, — мелькнула мысль.

Он решил думать только о Нойс.

Минус пятнадцать секунд.

Нойс!

Левая рука потянулась к контакту.

Минус двенадцать секунд.

Контакт!

Начала подниматься правая рука.

Минус пять секунд.

Нойс!

Правая рука... НОЛЬ... рывком рванула рычаг на себя.

Тяжело дыша, Харлен отскочил в сторону.

Твиссел стремительно бросился к прибору и нагнулся над шкалой.

— Двадцатое Столетие, — сказал он. — Точнее, девятнадцать целых тридцать восемь сотых.

— Не знаю, — сдавленным голосом выговорил Харлен. — Я старался как можно точнее воспроизвести свои ощущения, но все было немного иначе. Я знал, что я делаю, и в этом вся разница.

— Понимаю, — ответил Твиссел. — Возможно, что ты ошибся. Будем считать наш опыт первым приближением.

Он замолчал, мысленно произведя какие-то расчеты, начал было вытаскивать карманный анализатор, но передумал и засунул его обратно.

— Время с ними, с этими десятичными знаками! Примем за 99 процентов вероятность того, что ты застал его во вторую четверть двадцатого Столетия. Ну, скажем, куда-нибудь между 19,25 и 19,50. Согласен?

— Не знаю.

— Ладно, теперь слушай меня внимательно. Я принимаю решение вести поиски только в этом отрезке Времени, исключив все остальные. Если я ошибусь, мы потеряем последнюю возможность замкнуть круг во Времени, и Вечность исчезнет. Само по себе это решение уже является Минимальным необходимым воздействием, МНВ, которого достаточно, чтобы вызвать Изменение. Теперь я принимаю решение. Я решаю твердо и бесповоротно...

Харлен осторожно огляделся вокруг, словно Реальность вдруг сделалась такой хрупкой, что могла рассыпаться от резкого поворота

головы.

— Я абсолютно уверен в существовании Вечности, — сказал он.

Своим спокойствием Твиссел настолько заразил Харлена, что тот произнес эти слова твердым голосом (во всяком случае, так ему показалось).

— Значит, Вечность еще существует, — сухо и деловито сказал Твиссел, — и следовательно, мое решение верно. Здесь нам больше нечего делать. Я предлагаю перейти в мой кабинет, а сюда пустим членов подкомитета. Пусть толпятся здесь, если им этого так хочется. Им незачем что-либо знать. Они думают, что Проект благополучно завершен. Если мы потерпим неудачу, они никогда об этом не узнают. И мы тоже.

Твиссел внимательно осмотрел со всех сторон свою сигарету и начал:

— Вопрос вот в чем: что предпримет Купер, когда обнаружит, что попал не в то Столетие?

— Не знаю.

— Ясно одно: он смысленый парнишка, неглупый и с воображением. Как ты считаешь?

— Конечно, он же Маллансон.

— Вот именно. И он уже интересовался, возможна ли ошибка. Помнишь, один из его последних вопросов: а вдруг он попадет не в то Время?

— Ну и что же? — Харлен не имел ни малейшего представления, куда клонит Твиссел.

— Следовательно, внутренне он подготовлен к такой возможности. Он попытается что-то предпринять, связаться с нами, облегчить нам поиски. Помни, что часть своей жизни он был Вечным. Это очень существенно.

Твиссел выпустил колечко дыма и, подцепив его пальцем, внимательно следил за вьющимися струйками.

— Для Купера нет ничего необычного в идее послать сообщение через сотни Столетий. Он вряд ли без борьбы примирится с тем, что потерялся во Времени. Он ведь знает, что мы будем искать его.

— Но без капсулы, за семь веков до создания Вечности, как он может хоть что-то сообщить нам? — спросил Харлен.

— Множественное число здесь ни к чему. Техник. Не нам, а тебе. Ты у нас специалист по Первобытной эпохе. Ты обучал Купера. Естественно, он придет к выводу, что только ты сможешь разыскать его следы.

— Какие следы?

Твиссел взглянул на Харлена, его пронизательное старческое личико лучилось морщинами.

— Мы планировали оставить Купера в Первобытной эпохе. У него нет защитной оболочки в виде Поля биовремени. Вся его жизнь вплетена в ткань Времени и останется там, пока мы с тобой не вытащим его оттуда. Точно так же вплетены в эту ткань любые предметы, знаки или сообщения, которые он мог оставить для нас. Я не сомневаюсь, что когда вы изучали 20-е Столетие, вы пользовались какими-нибудь специальными источниками. Архивные документы, пленки, справочники, предметы. Любые подлинные материалы, относящиеся к той эпохе.

— Разумеется.

— Он изучал их вместе с тобой?

— Да.

— Не было ли среди этих материалов таких, которые особенно нравились тебе, о которых Купер знал бы наверняка, что ты хорошо с ними знаком и легко обнаружишь в них малейшее упоминание о нем?

— Теперь я понимаю, к чему вы клоните, — сказал Харлен и задумался.

— Ну? — нетерпеливо спросил Твиссел.

— Почти наверняка это мои еженедельники. Эти журналы пользовались большой популярностью в 20-м Столетии. У меня есть почти все выпуски одного из них, начиная с первых лет 20-го века и почти до конца 22-го.

— Отлично. Как ты думаешь, каким способом Купер мог бы поместить свое сообщение в этот еженедельник? Помни, ему известно, что ты читаешь этот журнал и хорошо знаком с ним.

— Не знаю. — Харлен покачал головой. — Эти журналы отличались манерностью стиля. Их содержание было скорее выборочным, чем полным и, как правило, носило случайный характер. Трудно или даже невозможно рассчитывать на то, что они напечатают определенное сообщение и к тому же в неискаженном виде. Даже если бы Куперу удалось получить работу в редакции, а это маловероятно, нельзя поручиться, что его заметка минует многочисленных редакторов. Я не вижу такого способа, Вычислитель.

— Во имя Вечности, подумай как следует! Сосредоточься на этом еженедельнике. Представь, что ты Купер и что ты в 20-м Столетии. Ты обучал его, Харлен. Ты формировал его мышление. Так что же он предпримет? Как он заставит журнал напечатать его сообщение, напечатать в том же виде, в каком ему нужно?

Харлен широко раскрыл глаза.

— Реклама!

— Что-что?

— Реклама. Платное объявление, которое печатается в точности так, как этого хочет заказчик. Мы с Купером несколько раз говорили на эту тему.

— Ах да, да! Что-то в таком духе было в 186-м.

— Не то, что в 20-м. Это было время расцвета рекламы. Уровень культуры...

— Возвратимся к этому рекламному объявлению, — торопливо прервал его Твиссел. — Каким оно может быть?

— Хотел бы я знать...

Твиссел уставился на горящий кончик своей сигареты, словно ища в нем искорку вдохновения.

— Он не может действовать открыто. Он не может написать: Купер из 78-го Столетия заброшен в 20-е и вызывает Вечность...

— Почему вы так уверены?

— Совершенно невозможно. Подобное сообщение, опубликованное в 20-м Столетии, еще вернее разорвало бы Маллансонов круг, чем ошибочное действие с нашей стороны. Но мы еще здесь — следовательно, за всю свою жизнь в текущей Реальности 20-го Столетия Купер не сделал ни одного ложного шага.

— А кроме того, — сказал Харлен, уводя разговор в сторону от всей этой круговой казуистики, которая, казалось, совершенно не смущала Твиссела, — кроме того, ни одна редакция не согласилась бы на публикацию объявления, которое показалось бы ей безумным или бессмысленным. Они заподозрили бы розыгрыш или что-нибудь незаконное и побоялись бы связываться. Кстати, поэтому же Купер не мог написать свое объявление на Межвременном языке.

— Да, это наверняка что-нибудь хитрое, — задумчиво проговорил Твиссел. — Ему, вероятно, пришлось прибегнуть к иносказаниям. Это объявление должно казаться современникам совершенно обычным. Совершенно. И в то же время в нем должно содержаться нечто, совершенно очевидное для нас. Какая-нибудь деталь, которую мы заметим с первого взгляда, потому что искать это объявление придется среди тысяч ему подобных. Харлен, как по-твоему, они дорого стоили?

— Я думаю, очень дорого.

— А у Купера наверняка не густо с деньгами. Кроме того, оно все равно должно быть небольшим во избежание излишних подозрений. Подумай, Харлен, какой величины оно может быть?

— Полколонки, — показал руками Харлен.

— Колонки?

— Видите ли, эти журналы печатались на бумаге. Текст располагался колонками.

— Да, да. У меня книги всегда ассоциируются только с пленками... Ну вот, мы получили еще одно приближение. Нам следует искать рекламное объявление на полколонки, которое с первого взгляда покажет нам, что его поместил человек из другого, более позднего Столетия, но в котором люди 20-го века не увидели ничего подозрительного.

— А что если я не найду его? — спросил Харлен.

— Обязательно найдешь. Вечность ведь существует, не так ли? Пока она существует, мы на верном пути. Кстати, скажи мне, когда ты занимался с Купером, тебе не попадалось похожего объявления? Не было чего-нибудь хоть на секунду показавшегося тебе странным, непонятным, каким-то не таким?

— Нет.

— Мне не нужны мгновенные ответы. Подумай минут пять, потом отвечай.

— Бессмысленно. Когда я просматривал эти журналы вместе с Купером, его еще не было в 20-м веке.

— Мой мальчик, для чего у тебя голова? Послав Купера в 20-е, ты произвел воздействие. Это еще не Изменение, ведь воздействие не является необратимым. Но существуют изменения с малой буквы, микроизменения, как их называют Вычислители. В то же самое мгновение, в которое Купер был послан в 20-е, в соответствующем выпуске журнала появилось это объявление. Твоя собственная Реальность претерпела микроизменение в том смысле, что ты с большей вероятностью остановил бы свой взгляд на странице с объявлением, чем на странице без объявления. Ты понял?

И снова у Харлена голова пошла кругом от той легкости, с которой Твиссел пробирался сквозь джунгли “парадоксов” Времени. Он растерянно покачал головой.

— Не припоминаю ничего похожего.

— Ну что ж, оставим это. Где ты хранишь свою коллекцию?

— Я воспользовался особым положением Купера и устроил специальную библиотеку на Втором уровне.

— Чудесно, — ответил Твиссел. — Пошли туда. И поскорее.

Войдя в библиотеку Харлена, Твиссел долго с удивлением разглядывал старинные переплетенные тома и затем снял один из них с полки. Книги были такие старые, что непрочную бумагу пришлось пропитать специальным составом; в неловких руках Вычислителя хрупкие страницы преворачивались с легким треском.

Харлен поморщился. В другое время он велел бы Твисселу держаться подальше от полок, будь он хоть трижды Старшим Вычислителем.

Твиссел напряженно разглядывал хрустящие страницы, медленно произнося про себя устаревшие слова.

— Так это и есть тот самый английский язык, о котором столько толкуют лингвисты? — спросил он, ткнув пальцем в страницу.

— Да, английский, — пробормотал Харлен. Твиссел поставил том на полку.

— Громоздкая и неудобная штука.

Харлен пожал плечами. Конечно, в большинстве Столетий, охватываемых Вечностью, в ходу были книгофильмы; там, где технический прогресс шагнул еще дальше, применяли запись на молекулярном уровне. Но все же книги и бумага не были чем-то неслыханным.

— Печатать книги было проще и дешевле, чем изготавливать пленки, — ответил он.

Твиссел потер рукой подбородок.

— Возможно. Ну что, приступим?

Он снял с полки другой том и, открыв его на первой попавшейся странице, принялся разглядывать ее со странной пристальностью.

“Что это он делает? — подумал Харлен. — Неужели рассчитывает, что ему сразу же повезет?”

Очевидно, догадка Харлена была верной, потому что Твиссел, встретив его удивленный взгляд, смущенно покраснел и сунул книгу назад.

Харлен взял первый том, относящийся к 25-му сантистолетию 20-го века, и начал методично его перелистывать. Все его тело застыло в напряженной сосредоточенности, двигались только глаза да правая рука, переворачивавшая страницы.

Через долгие, казавшиеся ему веками промежутки биовремени Харлен вставал и, что-то бормоча себе под нос, тянулся за новым томом. В эти коротенькие перерывы рядом с ним обычно оказывалась чашка кофе или бутерброд.

Харлен тяжело вздохнул:

— Ваше присутствие здесь бесполезно.

— Я тебе мешаю?

— Нет.

— Тогда я лучше останусь, — пробормотал Твиссел.

Он вставал, садился, снова вставал и принимался бродить по комнате, беспомощно разглядывая корешки переплетов. Искры от бесчисленных сигарет обжигали ему кончики пальцев, но он не обращал на это внимания.

Биодень подошел к концу.

Харлен спал мало и плохо. Утром в перерыве между двумя томами Твиссел, помедлив над последним глотком кофе, задумчиво проговорил:

— Порой мне кажется странным, почему я не отказался от звания Вычислителя после того, как я... ты знаешь, о чем я говорю.

Харлен кивнул.

— Мне хотелось так поступить. Долгие биомесяцы я страстно надеялся, что мне больше не придется иметь дела ни с одним Изменением. Меня тошнило от одной мысли о них. Я даже стал задумываться, имеем ли мы право совершать Изменения. Забавно, до чего могут довести человека эмоции. Ты специалист по Первобытной истории, Харлен. Ты знаешь, что она собой представляла. Реальность тогда развивалась слепо, по линии наибольшей вероятности. И если эта наибольшая вероятность означала эпидемию чумы или десять Столетий рабства, или упадок культуры, или... давай поищем что-нибудь по-настоящему скверное... или даже атомную войну, если бы только она была возможна в Первобытную эпоху, то, разрази меня Время, именно это и происходило. Люди были бессильны предотвратить катастрофу.

После возникновения Вечности все сделалось иначе. Начиная с 28-го Столетия подобные явления не происходят. Великое Время, мы подняли нашу Реальность на такой высокий уровень благоденствия, о котором в Первобытные Времена невозможно было даже мечтать. Если бы не вмешательство Вечности, человечество никогда не достигло бы этого уровня; его вероятность ничтожно мала.

“Чего он добивается? — пристыженно подумал Харлен. — Заставить меня работать еще напряженнее? Я и так делаю все, что могу”.

— Если мы упустим сейчас эту возможность, — продолжал Твиссел, — то Вечность погибнет, и, вероятнее всего, безвозвратно. Одним грандиозным скачком Реальность изменится в сторону максимальной вероятности. Я совершенно уверен, что это означает атомную войну и гибель человечества.

— Я думаю, мне пора взять следующий том, — сказал Харлен.

— Как много еще осталось! — растерянно произнес Твиссел в очередной перерыв. — Нельзя ли делать это побыстрее?

— Скажите как, — огрызнулся Харлен. — Мне лично кажется, что я должен просмотреть каждую страницу от начала и до конца. Как я могу делать это быстрее?

Он продолжал методично перелистывать страницы.

— Все. Больше не могу, — сказал Харлен. — Буквы расплываются,

значит, пора спать.

Второй биодень подошел к концу.

На третий биодень поисков в 10 часов 22 минуты по стандартному биовремени Харлен уставился на страницу в тихом изумлении и проговорил:

— Вот оно.

— Что? — не понял его Твиссел.

Харлен поднял голову, его лицо выражало крайнее удивление.

— Я не верил в это. Поймите, я ни на минуту по-настоящему не верил в это. Все ваши измышления насчет рекламных объявлений и журналов казались мне беспросветной чепухой.

До Твиссела наконец дошло, в чем дело.

— ТЫ НАШЕЛ ЕГО!

Он бросился к Харлену и судорожно вцепился дрожащими пальцами в толстый том.

Харлен резко вырвал у него книгу, захлопнул ее и спрятал за спину.

— Погодите. Вы не найдете его, даже если я покажу вам страницу.

— Что ты наделал? — взвизгнул Твиссел — Ты же снова потерял его.

— Не волнуйтесь. Я знаю, где оно. Но прежде...

— Что прежде?

— Вычислитель Твиссел, нам осталось решить один небольшой вопрос. Вы сказали, что мне вернут мою девушку. Верните ее. Я хочу на нее взглянуть.

Твиссел удивленно посмотрел на Харлена, его редкие седые волосы в беспорядке торчали во все стороны.

— Ты что, шутишь?

— Нет, — резко ответил Харлен. — Мне не до шуток. Вы обещали мне, что все устроите... Может быть, это вы шутили? Вы дали слово, что мы с Нойс будем вместе.

— Да, я обещал. Это решено.

— Тогда покажите мне ее живой и невредимой.

— Но я все никак не пойму тебя. У меня ведь ее нет. Никто ее не трогал. Она все еще там, в далеком будущем, в том Секторе, который Финж указал в своем донесении. Великое Время, я же сказал тебе, что она в безопасности.

Харлен глядел на старика, чувствуя, как его нервы натягиваются до предела. Он сдавленно произнес:

— Прекратите играть словами. Ладно, она в безопасности. Но мне-то что от этого? Снимите блокировку Времени в 100000-м.

— Снять что?

— Барьер. Капсула не проходит сквозь него.

— Ты мне ни слова не сказал об этом.

— Разве?

Харлен был крайне удивлен. Говорил он об этом или нет? Все эти дни ни о чем другом он не думал. Неужели он не сказал ни слова? Он пытался вспомнить и не мог. Потом он собрался с духом.

— Ладно, — сказал он. — Считайте, что я говорю вам об этом сейчас. Снимите его.

— Но ведь это невозможная вещь. Барьер, непроницаемый для капсулы? Блокировка Времени?

— Вы что, хотите сказать мне, что вы его не ставили?

— Я не ставил его, клянусь Временем!

— Тогда... тогда... — Харлен почувствовал, что он бледнеет. — Значит, это сделал Совет. Они все знали и решили принять свои меры независимо от вас. Но тогда — клянусь Временем и Реальностью! — пусть сами поищут это объявление, Купера, Маллансона и все, что останется от Вечности. Они ничего не найдут. Ничего!

— Стой, стой! — Твиссел в отчаянии схватил Харлена за локоть. — Возьми себя в руки, мой мальчик. Подумай сам. Совет не ставил барьера.

— Но он есть.

— Тем не менее они его не ставили. Его нельзя поставить. Это невозможно теоретически.

— Значит, вы знаете не всю теорию. Барьер есть.

— Я знаю больше всех членов Совета и утверждаю, что подобная вещь невозможна.

— Барьер существует!

— Но если это так...

И Харлен вдруг заметил в глазах Твиссела такой ужас, какого не было даже в тот момент, когда он впервые услышал, что Купер послан не в то Столетие и что Вечности угрожает гибель.

Глава 16. СКРЫТЫЕ СТОЛЕТИЯ

Эндрю Харлен рассеянно следил, как продвигается работа. Работники вежливо не замечали его, потому что он был Техником. В обычных обстоятельствах Харлен и сам не обращал бы на них внимания куда менее вежливо — они ведь из Обслуживающих. Но глядя на них сейчас, он вдруг поймал себя на чувстве зависти к ним.

Серо-стальная форма и черные нашивки с двойной красной стрелой

выдавали их принадлежность к Отделу межвременных перевозок. С помощью сложной аппаратуры они быстро и умело проверяли двигатели капсулы и степени гиперсвободы вдоль временной протяженности Колодцев. Вероятно, их теоретические познания в темпоральной механике были невелики, зато свое дело они знали в совершенстве.

Учась в школе, Харлен почти не сталкивался с Работниками. Честно говоря, ему совсем не хотелось знакомиться с ними. В Работники направляли Учеников, не выдержавших испытания. Попасть в не-Специалисты, как их деликатно называли, значило всю жизнь носить на себе клеймо провала, и Ученики старались не обсуждать эту тему.

Но сейчас, когда Харлен наблюдал за Работниками, они казались ему спокойными, уверенными и вполне довольными жизнью. Ничего удивительного. Их было раз в десять больше, чем Специалистов, “истинных Вечных”. У них было свое общество, свои жилые Секции, свои радости и удовольствия. Их рабочий день не превышал определенного числа биочасов, и никто не глядел на них косо, если в свободное время они занимались посторонними делами, не имеющими отношения к их профессии. У них было время, которого вечно не хватало Специалистам, и они могли посвящать свой Досуг книгам и стереофильмам, отобраным из различных Реальностей.

Похоже, как раз их существование было более насыщенным. Полная спешки и стрессов жизнь Специалистов казалась неестественной по сравнению с простым и спокойным существованием Работников.

Работники были тем фундаментом, на котором держалась Вечность. Странно, что эта очевидная мысль ни разу прежде не приходила ему в голову. Работники ведали доставкой из Времени воды и продовольствия, уничтожали отходы, обслуживали энергетические установки. Это они обеспечивали безотказную работу сложного механизма Вечности. Если бы в один прекрасный день вымерли все Специалисты, то Работники могли бы и дальше поддерживать существование Вечности. А вот если бы исчезли Работники, то Специалистам оставалось бы только покинуть Вечность или погибнуть самым жалким образом.

Как относятся Работники к невозможности вернуться в родное Время, к запрету иметь жен и детей? Служит ли для них достаточной компенсацией избавление от нужды, болезней и Изменений Реальности? Интересуется ли хоть кто-нибудь их мнением по разным вопросам? Харлен вновь почувствовал в себе пыл социального реформаторства.

Появление Твиссела отвлекло его от этих мыслей. Они расстались полчаса назад, когда Работники приступили к осмотру капсулы. Твиссел,

запыхавшись, почти бежал, и вид у него был еще более замученный, чем прежде.

“Как только он выдерживает такое напряжение? — подумал Харлен. — Он ведь старик”.

Твиссел быстро, по-птичьи оглядел Работников, которые при его появлении автоматически выпрямились, приняв почтительный вид.

— Ну что с Колодцами? — спросил он.

— Все в порядке, сэр, — отрапортовал один из Работников. — Путь чист, интенсивность Поля везде нормальная.

— Вы все проверили?

— Да, сэр. Весь интервал, обслуживаемый отделом.

— Тогда идите. — Его слова прозвучали как категорический приказ немедленно удалиться. Работники, вежливо поклонившись, поспешили прочь — Твиссел и Харлен остались в Колодце вдвоем.

— Подожди меня здесь, — попросил Твиссел. — Я скоро вернусь.

Харлен отрицательно покачал головой.

— Я поеду с вами.

— Ну как ты не понимаешь! Что бы ни случилось со мной, ты знаешь, как найти Купера. Если же что-нибудь произойдет с тобой, то что смогу сделать без тебя я или любой другой Вечный, или даже все Вечные вместе?

Харлен снова упрямо покачал головой. Твиссел сунул в рот сигарету.

— Сеннор почуял неладное. За два последних биодня он несколько раз вызывал меня по видеофону. Он допытывается, почему я вдруг уединился. Если он узнает, что по моему приказу проведена полная проверка всего оборудования Колодцев... Мне надо ехать, Харлен. Сейчас же. Не задерживай меня.

— Я вас не задерживаю. Я готов.

— Ты настаиваешь на своем?

— Если барьера нет, то нет и опасности. Если же он существует... ну что ж, я уже был там и вернулся. Что вас пугает, Вычислитель?

— Я не хочу рисковать без особой нужды.

— Тогда примените вашу любимую логику. Твердо решите, что я еду вместе с вами. Если после этого Вечность не исчезнет, значит, круг еще можно замкнуть, и значит, с нами ничего не случится. Если этот шаг ложен, то Вечность погибнет, но она с одинаковым успехом погибнет и в том случае, если я не поеду, потому что, клянусь, без Нойс я и пальцем не пошевелю, чтобы отыскать Купера.

— Я сам привезу ее к тебе.

— Если это так легко и безопасно, почему бы и мне не поехать вместе

с вами?

Было видно, что Твиссела раздирают сомнения. Наконец он хрипло сказал:

— Ладно, поехали!

Вечность уцелела.

Испуганное выражение в глазах Твиссела не исчезло и после того, как они вошли в капсулу. Он не сводил взгляда с мелькающих на счетчике цифр. Даже более грубый счетчик Килостоletий, установленный специально для этой поездки, и тот щелкал с минутными интервалами.

— Тебе не следовало бы ехать!

— Почему? — пожал плечами Харлен.

— Меня что-то беспокоит. Без всякой видимой причины. Назови это, если угодно, суеверием. Я себе места не нахожу. — Он сцепил руки, крепко сжав их.

— Не понимаю вас.

Твиссел напрашивался на разговор: казалось, он стремился заговорить своего демона сомнения.

— Вот послушай. Ты у нас специалист по Первобытной истории. Сколько Времени в Первобытной эпохе существовал человек?

— Десять тысяч Столетий. От силы пятнадцать.

— Так. И за это время он превратился из примитивного обезьяноподобного существа в гомо сапиенса. Верно?

— Да. Но это знают все.

— Все знают, однако никто не задумывается над тем, как велика была скорость эволюции. Всего за пятнадцать тысяч Столетий от обезьяны до человека.

— Ну и что?

— А то, что я, например, родился в 30000-м...

(Харлен невольно вздрогнул. Ни он и никто из тех, с кем ему приходилось сталкиваться, не знали, откуда Твиссел родом.)

— Я родился в 30000-м, — повторил Твиссел, — а ты в 95-м. Нас с тобой разделяет промежуток, вдвое превышающий все время существования человека в Первобытной эпохе, а чем мы отличаемся друг от друга? У моих современников на четыре зуба меньше, чем у тебя, и отсутствует аппендикс. Анатомические различия на этом кончаются. Обмен веществ у нас тот же самый. Самая большая разница заключается в том, что клетки твоего организма могут образовывать стероидные ядра, а моего — не могут, поэтому для меня необходим холестерин, а ты можешь без него обойтись. У меня был ребенок от женщины из 575-го. Вот как мало

изменений внесло Время в человеческие существа.

На Харлена это рассуждение не произвело особого впечатления. Он никогда не сомневался в том, что человек в принципе одинаков во всех Столетиях. Для него это положение было аксиомой. Он сказал:

— Есть и другие существа, не изменившиеся за миллионы Столетий.

— Не так уж много. Кроме того, остается фактом, что эволюция человека прекратилась после возникновения Вечности. Что это, случайность? Подобными вопросами у нас интересуются лишь немногие, вроде Сеннора, а я никогда не был Сеннором. Я никогда не занимался беспочвенным теоретизированием. Если проблему нельзя рассчитать с помощью Киберцентра, то Вычислитель не имеет права тратить на нее свое биовремя. И все-таки, когда я был моложе, я порой задумывался...

“Интересно, о чем? — подумал Харлен. — Что ж, тут есть, что послушать”.

— Я пытался вообразить, что собой представляла Вечность вскоре после своего возникновения. Она простиралась всего на несколько Столетий между 30-ми и 40-ми и занималась в основном межвременной торговлей. Она интересовалась проблемой восстановления лесов, перемещала во Времени почву, пресную воду, химикалии. Жизнь была проста в те дни. Но затем были открыты Изменения Реальности. Старший Вычислитель Генри Уодсмен с присущим ему драматизмом предотвратил войну, испортив тормоза в автомобиле одного конгрессмена. После этого центр тяжести Вечности все больше и больше смещался от торговли к Изменениям Реальности. Почему?

— Причина известна. Благоденствие человечества.

— Да, да. Обычно и я так думаю. Но сейчас я говорю о своих кошмарах. А что если существует и другая причина, невысказанная, подсознательная? Человек, имеющий возможность отправиться в бесконечно далекое будущее, может встретить там людей, настолько же обогнавших его в своем развитии, насколько он сам ушел от обезьяны. Разве не так?

— Возможно. Но люди остаются людьми...

— ...даже в 70000-м. Да, я знаю. А не связано ли это с нашими Изменениями Реальности? Мы изгнали необычное. Даже безволосые создания из века Сеннора и те постоянно находятся под угрозой, а уж они-то совершенно безобидны. А что если мы, несмотря на все наши честные и благородные намерения, остановили эволюцию человека только потому, что боялись встретиться со сверхлюдьми?

Но и эти слова не высекли искры.

— Остановили так остановили, — ответил Харлен. — Какое это имеет значение?

— Но что если сверхлюди все-таки существуют в том отдаленном будущем, которое недоступно нам? Мы контролируем Время только до 70000-го, дальше лежат Скрытые Столетия. Но почему они Скрытые? Не потому ли, что эволюционировавшее человечество не желает иметь с нами дела и не пускает нас в свое Время? Почему мы позволяем им оставаться Скрытыми? Не потому ли, что и мы не хотим иметь с ними дела и, потерпев неудачу в первый раз, отказались от всех дальнейших попыток? Я не хочу утверждать, что мы сознательно руководствуемся этими соображениями, но сознательно или подсознательно мы все-таки исходим из них.

— Пусть так, — угрюмо заявил Харлен. — Они недосыгаемы для нас, а мы — для них. Живи сам и давай жить другим.

Казалось, Твиссела разозлила эта фраза.

— Живи и давай жить другим? Но ведь мы-то поступаем как раз наоборот. Мы совершаем Изменения. Через какое-то число Столетий Изменения затухают из-за инерции Времени. Помнишь, Сеннор за завтраком говорил об этом эффекте, как об одной из неразрешимых загадок? Ему следовало сказать, что все это — лишь вопрос статистики. Действие одних Изменений растягивается на большее число Столетий, действие других — на меньшее. Почему, никто не знает. Теоретически существуют Изменения, способные затронуть любое число Столетий — сто, тысячу, даже сто тысяч. Люди будущего из Скрытых Столетий могут знать об этом. Предположим, они обеспокоены возможностью, что в один прекрасный день какое-то Изменение затронет всю эту эпоху, вплоть до 200000-го.

— Но что толку сейчас волноваться из-за этого? — спросил Харлен с видом человека, которого заботят вещи куда более серьезные.

— А ты представь себе, — шепнул Твиссел, — что это беспокойство было не особенно серьезным, пока Сектора в Скрытых Столетиях оставались необитаемыми. Для них это служило доказательством, что мы не агрессивны. И вдруг кто-то нарушил перемирие и поселился где-нибудь за 70000-м. Что если они сочли это первым признаком готовящегося вторжения? Они в состоянии отгородить от нас свое Время — значит, их наука намного опередила нашу. Кто знает, может быть, они в состоянии сделать то, что кажется нам невозможным, — заблокировать Колодцы Времени, отрезать нас...

С криком ужаса Харлен вскочил на ноги.

— Они похитили Нойс?!

— Не знаю. Все это только домыслы. Может быть, никакого барьера и не было. Может быть, твоя капсула просто была неисправна...

— Барьер был! — крикнул Харлен. — Конечно, чем же еще это объяснить! Почему вы мне раньше ничего не сказали?

— Я не был уверен! — простонал Твиссел. — Я и сейчас не уверен. Мне не следовало бы вспоминать о своих дурацких фантазиях. Но все совпало... мои страхи... история с Купером... Подождем, осталось несколько минут.

Он указал на счетчик. Стрелка двигалась между 95000-м и 96000-м.

Положив руку на рычаг управления, Твиссел осторожно притормозил капсулу, 99000-е осталось позади. Стрелка грубого счетчика замерла неподвижно. На более чувствительном счетчике медленно сменялись номера отдельных Столетий. 99726. 99727. 99728...

— Что нам делать? — прошептал Харлен.

Твиссел сделал головой движение, в котором робкая надежда и призыв к терпению слились с сознанием собственного бессилия.

Харлен приготовился к удару о барьер и в полном отчаянии подумал: неужели придется спасать Вечность только для того, чтобы выиграть время для предстоящей борьбы с созданиями из Скрытых Столетий? Но как еще вернуть Нойс? Как спасти ее? Скорее назад, в 575-е, и там напрячь все силы!..

99938. 99939. 99940...

Харлен затаил дыхание. Твиссел еще сбавил скорость. Капсула еле ползла вперед. Все ее механизмы работали безукоризненно; она чутко отзывалась на каждое движение руки Вычислителя.

99984. 99985. 99986...

— Сейчас, сейчас, вот сейчас... — сам того не замечая, шептал Харлен.

99998. 99999. 100000. 100001. 100002...

Двое мужчин в замороженном молчании напряженно следили за сменой чисел на счетчике.

Твиссел первым пришел в себя.

— Никакого барьера нет! — радостно вскричал он.

— Но он был! Был! — отозвался Харлен. Потом в ужасе воскликнул: — Неужели они уже похитили ее и сняли барьер за ненадобностью?

111394-е.

С отчаянным воплем “Нойс! Нойс!” Харлен выскочил из капсулы. Гулкое эхо заметалось по пустынным коридорам и замерло вдалеке.

— Харлен, постой!.. — крикнул вслед ему Твиссел, не поспевая за своим молодым спутником.

Бесполезно! Харлен стремительно мчался сквозь безлюдные переходы к той части Сектора, где они с Нойс устроили себе какое-то подобие дома. На мгновение он подумал о возможности встречи со “сверхлюдьми”, как их называл Твиссел, и почувствовал, как по коже пробегают мурашки, но стремление отыскать Нойс оказалось сильнее страха.

— НОЙС!

И вдруг мгновенно она оказалась в его объятиях; обвив его шею руками, она прижалась к нему всем телом и уткнулась щекой в плечо так, что его подбородок совершенно потонул в ее мягких черных волосах.

— Эндрю, — чуть слышно прошептала она, задыхаясь, — где ты пропадал? Тебя все не было и не было, я уже начала бояться.

Харлен отстранил ее и залюбовался ею с жадным восхищением.

— С тобой все в порядке?

— Со мной — да. Я опасалась, не случилось ли что с тобой. Я думала...

Она вдруг осеклась, и в глазах ее мелькнул ужас.

— Эндрю!

Харлен стремительно повернулся. Но это был всего лишь Твиссел, запыхавшийся от быстрого бега.

Выражение лица Харлена, должно быть, несколько успокоило Нойс, и она спросила более ровным голосом:

— Ты его знаешь, Эндрю? Он с тобой?

— Не бойся, — ответил Харлен, — это мой начальник, Старший Вычислитель Лабан Твиссел. Он про тебя знает.

— Старший Вычислитель?! — Нойс испуганно отшатнулась.

Твиссел медленно приблизился к ней.

— Я помогу тебе, дитя мое. Я помогу вам обоим. Я дал слово Технику, но он не хочет мне верить.

— Прошу прощения, Вычислитель, — проговорил Харлен без особых признаков раскаяния.

— Прощаю, — ответил Твиссел. Нойс робко и не без колебания позволила ему взять себя за руку.

— Скажи мне, девочка, тебе хорошо здесь жилось?

— Я волновалась.

— С тех пор как Харлен оставил тебя, здесь никого не было?

— Н-нет, сэр.

— Никого? Ни одной живой души?

Нойс покачала головой. Ее темные глаза обратились к Харлену.

— А почему вы спрашиваете?

— Так, пустяки. Дурацкие страхи. Пойдем, мы отвезем тебя в 575-е.

На обратном пути Эндрю Харлен постепенно впал в глубокую задумчивость. Он даже не взглянул на счетчик, когда они миновали 100000-е и Твиссел издал громкий вздох облегчения, словно до последней минуты боялся оказаться в ловушке.

Даже рука Нойс, скользнувшая ему в ладонь, не вывела Харлена из этого состояния, и ответное пожатие его пальцев было чисто машинальным.

После того как Нойс мирно уснула в соседней комнате, нетерпение Твиссела достигло предела.

— Объявление, мой мальчик! Я сдержал слово. Тебе вернули твою возлюбленную.

Молча, все еще занятый своими мыслями, Харлен раскрыл лежащий на столе том и нашел нужную страницу.

— Все очень просто. Я сначала прочту вам это объявление по-английски, а потом переведу.

Объявление занимало верхний левый угол 30-й страницы. На фоне рисунка, сделанного тонкими штриховыми линиями, было напечатано крупными черными буквами несколько слов:

АКЦИИ

ТОРГОВЛЯ

ОБМЕН

МОЖНО ОПТОМ

Внизу мелкими буквами было написано: “Фирма “Новости рынка”. Почтовый ящик 14, Денвер, Колорадо”.

Твиссел, напряженно слушавший перевод, разочарованно спросил:

— Что такое акции? Что они хотели этим сказать?

— Это такие ценные бумаги, — нетерпеливо пояснил Харлен, — способ привлечения капитала. Дело не в этом. Разве вы не видите, на фоне какого рисунка напечатано это объявление?

— Вижу. Грибовидное облако взрыва атомной бомбы. Попытка привлечь внимание. Ну и что?

— Великое Время! — взорвался Харлен. — Что с вами стряслось, Вычислитель? Взгляните на дату выхода номера.

Он указал на маленькую строчку в самом верху страницы: “28 марта 1932 года”.

— Едва ли это нуждается в переводе. Цифры выглядят почти так же,

как и в Межвременном, и вы без моей помощи прочтете, что это 19,32. Неужели вы не знаете, что в то Время ни одно живое существо еще не видело грибовидного облака? Никто не смог бы нарисовать его так точно, кроме...

— Постой, постой. Ведь здесь всего несколько тонких линий, — сказал Твиссел, стараясь сохранить спокойствие. — Может быть, это просто случайное совпадение?

— Случайное совпадение? Тогда взгляните на первые буквы строк: **А**кции-**Т**орговля-**О**бмен-**М**ожно оптом. Составьте их вместе, и вы получите слово **АТОМ**. По-вашему, это тоже случайное совпадение? Разве вы не видите, Вычислитель, что это объявление удовлетворяет всем вами же выработанным условиям? Оно сразу бросилось мне в глаза, Купер знал, что я не пропущу подобный анахронизм. И в то же время для человека из 19,32-го в нем нет никакого скрытого смысла. Значит, это Купер. Это и есть его послание нам. Мы знаем его положение во Времени с точностью до одной недели. У нас есть его почтовый адрес. Остается отправиться за ним. Во всей Вечности только один человек достаточно хорошо знает Первобытную эпоху, чтобы отыскать там Купера, — это я.

— И ты согласен ехать? — На лице Твиссела отразилось облегчение.

— Согласен при одном условии.

— Снова условия? — Твиссел сердито нахмурился.

— Условие все то же: безопасность Нойс. Я не выдвигаю никаких новых требований. Она поедет со мной. Здесь я ее не оставлю.

— Ты все еще мне не доверяешь? Разве я хоть в чем-нибудь обманул тебя? Что беспокоит тебя?

— Только одно. Вычислитель, — мрачно ответил Харлен, — только одно. В 100000-м был поставлен барьер. С какой целью? Вот что меня по-прежнему беспокоит.

Глава 17. КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Эта мысль его не просто беспокоила. Она прямо-таки грызла его в дни приготовления к отъезду. Сначала между ним и Твисселом, а позже между ним и Нойс встала стена отчуждения. Настал день отъезда, но и это не вывело Харлена из состояния мрачной задумчивости.

Когда Твиссел вернулся и заговорил с ним о заседании подкомитета, Харлен с трудом поддерживал разговор.

— Как все прошло? — спросил он.

— Сказать по правде, это был не самый приятный разговор в моей жизни, — устало ответил Твиссел.

Харлен готов был удовольствоваться этим ответом, но чтобы заполнить паузу, пробормотал:

— Надеюсь, вы им не рассказали о...

— Не бойся, — последовал раздраженный ответ. — Я не сказал им ни о девушке, ни о твоей роли в путанице с Купером. Я заявил, что всему виной неполадки в механизмах, несчастливая случайность. Взял всю вину на себя.

Как ни тяжело приходилось Харлену, он почувствовал угрызения совести.

— Эта история скверно отразится на вас.

— Что они мне сделают? Им придется ждать, пока ошибка будет исправлена. До этого они не тронут меня. Если мы потерпим провал, наказывать будет некого и некому. А если добьемся успеха, это, возможно, защитит меня. К тому же, — Твиссел пожал плечами, — я все равно собираюсь по завершении этой истории отойти от дел.

Не докурив сигарету даже до половины, он погасил ее и бросил в пепельницу.

— Я бы охотно не посвящал их в это дело, но не было никакой другой возможности получить разрешение на использование специальной капсулы для новых поездок за нижнюю границу Вечности, — со вздохом закончил он.

Харлен отвернулся. Его мысли снова вернулись на путь, которым с нарастающей скоростью следовали последние несколько дней. Он смутно слышал, как Твиссел что-то сказал, но Вычислителю пришлось несколько раз повторить свой вопрос, прежде чем Харлен, вздрогнув, пришел в себя.

— Простите?

— Я спрашиваю: твоя девушка готова? Понимает ли она, что ей предстоит?

— Да, конечно. Я все ей объяснил.

— Ну и как она к этому отнеслась?

— Что? А, да, да... Гм... Так, как я и рассчитывал. Она не испугалась.

— Осталось меньше трех биочасов.

— Знаю.

На этом разговор оборвался, и Харлен снова остался наедине со своими мыслями и давящим сознанием того, что ему предстоит сделать.

Когда с загрузкой капсулы и отладкой управления было покончено, появились Харлен и Нойс. Они были одеты так, как одевались в сельской местности в начале 20-го века.

Нойс не во всем послушалась рекомендаций Харлена относительно ее

костюма, ссылаясь на свое женское чутье в вопросах одежды и эстетики. Она тщательно подбирала детали своего одеяния по рекламным картинкам в соответствующих томах еженедельника и внимательно разглядывала вещи, доставленные из десятка различных Столетий.

Несколько раз она обращалась к Харлену за советом. Он пожимал плечами.

— Когда говорит женское чутье, мне лучше молчать.

— Слишком уж ты покладист, Эндрю, — сказала она с веселостью, которая выглядела наигранной. — Это плохой знак. Что с тобой? Ты на себя не похож. Это длится уже несколько дней.

— Все в порядке, — уныло отвечал Харлен.

Увидев их в роли аборигенов 20-го Столетия, Твиссел натянуто рассмеялся.

— Святое Время! Что за уродливые костюмы носили эти Первобытные люди. И все-таки даже этот отвратительный наряд не в силах скрыть вашу красоту, моя милая, — обратился он к Нойс.

Нойс одарила его приветливой улыбкой, и Харлен, стоявший рядом с ней в мрачном молчании, был вынужден признать, что в старомодном комплименте Твиссела есть доля истины. Платье Нойс скрывало красоту ее тела; косметика сводилась к нескольким невыразительным мазкам краски на губах и щеках, брови были уродливо выщипаны. Ее прелестные волосы, что хуже всего, пришлось безжалостно остричь. И все же она была прекрасна.

Сам Харлен уже освоился с тем, что ему давит пояс и жмет под мышками, смирился с мышинной серостью своей одежды из грубой ткани. Ему не раз приходилось носить странные костюмы чужих Столетий.

— Мне бы очень хотелось установить в капсуле ручное управление, как мы собирались, — обратился Твиссел к Харлену, — но, оказывается, это невозможно. Инженерам необходим для этого достаточно мощный источник энергии, а таких источников вне Вечности нигде нет. Мы забрасываем вас в Первобытную эпоху, изменяя локальную напряженность Темпорального поля. Но нам все же удалось установить рычаг возврата.

Он провел их в капсулу, пробираясь между кипами снаряжения, и указал на маленький рычажок, торчащий в гладкой внутренней стенке.

— Он действует как простой выключатель. Вместо того чтобы сразу же автоматически возвратиться в Вечность, капсула останется в Первобытном Времени. Как только вы захотите вернуться, поверните этот рычаг. Затем еще несколько минут, и последняя поездка...

— Как, еще одна поездка? — вырвалось у Нойс. Харлен повернулся к

ней.

— Я не успел тебе объяснить. Видишь ли, цель нашей экспедиции — точно установить момент появления Купера в 20-м. Мы не знаем, сколько времени прошло между его прибытием и публикацией объявления. Мы напишем ему по указанному в объявлении почтовому адресу и постараемся узнать время его прибытия с точностью до минуты. Затем прибавим к этому моменту те пятнадцать минут, которые капсула оставалась в Первобытном...

— Понимаете, мы не можем послать капсулу в одно и то же место и Время в два различных момента биовремени, — вмешался Твиссел. Он сделал попытку улыбнуться Нойс.

Казалось, Нойс усвоила это объяснение.

— Понимаю, — не слишком уверенно сказала она.

Твиссел продолжал, обращаясь к ней:

— Перехватив Купера в момент его прибытия, мы устраним все микроизменения. Объявление с грибовидным облаком исчезнет, а сам Купер будет знать только то, что капсула исчезла, как ей и полагалось, и вдруг неожиданно появилась снова. Он так и не узнает, что побывал не в том Столетии, и мы не скажем ему об этом. Ему объяснят, что в его инструкции оказался упущенным какой-то очень важный пункт (это мы еще придумаем), а дальше нам остается только надеяться, что он не придаст этому событию особого значения и не упомянет в своем мемуаре о том, что его посылали в прошлое дважды.

Нойс подняла выщипанные брови:

— Все это слишком сложно.

— Да, к сожалению.

Твиссел потер руки и посмотрел на них так, словно его мучили внутренние сомнения. Затем он выпрямился, закурил новую сигарету и даже умудрился придать голосу некоторую беззаботность:

— Ну что ж, счастливого пути, мой мальчик!

Он торопливо пожал руку Харлену кивнул Нойс и вышел из капсулы.

— Мы уже отправляемся? — спросила Нойс, когда они остались вдвоем.

— Через несколько минут, — ответил Харлен, искоса поглядывая на Нойс. Она глядела ему прямо в глаза и бесстрашно улыбалась. Ему захотелось улыбнуться в ответ, но он одернул себя. Это были эмоции, а не разум. Он отвернулся.

В путешествии не было ничего или почти ничего особенного; оно ничем не отличалось от обычной поездки в капсуле. На какое-то мгновение

они ощутили внутренний толчок, вероятно, соответствовавший переходу через нижнюю границу Вечности. Впрочем, этот толчок был едва заметен и мог быть просто плодом воображения.

Когда капсула остановилась в Первобытном Времени, они вышли из нее в скалистый пустынный мир, освещенный яркими лучами заходящего солнца. Дул легкий, чуть холодноватый ветерок, и над всем нависала тишина.

Вокруг них громоздились могучие скалы, расцвеченные во все цвета радуги окислами железа, меди и хрома. Великолепие этой безлюдной и почти безжизненной местности подавило и ошеломило Харлена. Вечность не принадлежала к материальному миру; в ней не было солнца, и даже воздух был привозным. Воспоминания детства давно потускнели. А в своих Наблюдениях он имел дело только с людьми и их городами. Такого он не видел никогда.

Нойс тронула его за рукав.

— Эндрю, я замерзла.

Вздрагнув, он повернулся к ней.

— Эндрю, — повторила она, — мне холодно. Может быть, установим инфралампу?

— Хорошо. В пещере Купера.

— А ты знаешь, где она?

— Где-то здесь, — последовал лаконичный ответ.

Харлен был уверен в этом. Местоположение пещеры было точно указано в мемуаре, и вначале Купер, а затем и они были посланы в это самое место.

Правда, еще на школьной скамье у Харлена зародились сомнения в возможности в любой момент Времени точно попасть в любой пункт на поверхности Земли. Ему вспомнилось, как он однажды поспорил с Наставником Ярроу.

— Ведь Земля вращается вокруг Солнца, — говорил Харлен, — а Солнце движется относительно центра Галактики, и сама Галактика тоже находится в движении. Если переместиться с какого-то места на Земле на сто лет назад, то мы окажемся в пустоте, потому что Земле потребуется целых сто лет, чтобы достичь этой точки пространства. (В те дни он еще говорил “сто лет” вместо “Столетия”.)

— Нельзя разделять Время и Пространство, — ответил на его возражение Ярроу. — Двигаясь назад во Времени, ты следуешь движению Земли. Или ты думаешь, что птица, поднявшись в воздух, вдруг окажется в пустоте, потому что Земля вращается вокруг Солнца и улетает от птицы со

скоростью тридцать километров в секунду?

Аналогия была довольно рискованной, но позднее Харлен познакомился и с более вескими доказательствами. Поэтому сейчас, после беспрецедентного путешествия в Первобытный мир, он уверенно сделал несколько шагов и не испытал ни малейшего удивления, обнаружив вход в пещеру именно там, где было указано инструкцией.

Раскидав груды камней и гальки, укрывавших вход, он вошел внутрь. Белый луч его фонарика рассекал темноту, словно скальпель. Дюйм за дюймом он тщательно осматривал пол, стены и потолок пещеры. Нойс, не отходившая от него ни на шаг, спросила шепотом:

— Что ты ищешь?

— Сам не знаю. Что угодно, — ответил он.

Это “что угодно” нашлось в самом конце пещеры в виде пачки зеленых бумажек, придавленных плоским камнем. Отбросив камень, Харлен провел пальцем по краю пачки.

— Что это такое? — спросила Нойс.

— Банкноты. Средство обмена. Деньги.

— Ты знал, что они здесь?

— Я ничего не знал. Просто надеялся.

Это снова была перевернутая логика Твиссела, выведение причины из следствия. Вечность существует — следовательно, Купер должен был прийти к правильному решению. Если он рассчитывал, что объявление приведет Харлена в соответствующее Время, то естественно было воспользоваться пещерой в качестве дополнительного средства связи.

Дела обстояли даже лучше, чем Харлен смел надеяться. Много раз во время подготовки к путешествию он опасался, что его появление в городе со слитками золота, но без гроша в кармане вызовет подозрения и может задержать его.

Конечно, Купер справился с этим, но Купер мог не спешить. Харлен полистал пачку. Чтобы накопить столько, нужно немало времени. Этот юнец устроился совсем неплохо!

Еще немного, и круг замкнется!

В красноватых лучах закатного солнца они разгрузили капсулу и перенесли припасы в пещеру. Сама капсула была накрыта отражающей диффузной пленкой, надежно скрывавшей ее от любопытных глаз, но на крайний случай Харлен был вооружен бластером. Они установили инфралампу и воткнули в расщелину фонарик, обеспечив себя теплом и светом.

Снаружи была холодная мартовская ночь.

Нойс задумчиво глядела на медленно вращающийся параболический отражатель инфралампы.

— Каковы твои планы, Эндрю?

— Завтра утром я отправлюсь в ближайший город. Я знаю, где он находится... то есть где он должен находиться.

“Раз должен, значит, и есть. Все будет в порядке, — подумал он. — Опять эта логика Твиссела”.

— Я тоже пойду с тобой, да?

— Нет, — покачал головой Харлен. — Ты не знаешь языка, а мне и без тебя хватит забот.

Нойс с ее остриженными волосами выглядела как настоящая Первобытная, и неожиданный гнев в ее глазах заставил Харлена смущенно отвернуться.

— Я не дуручка, Эндрю. Ты почти не разговариваешь со мной, даже не глядишь в мою сторону. В чем дело? Может быть, мораль твоего века снова взяла над тобой верх? Или ты думаешь, что чуть не погубил Вечность, и винишь в этом меня? Уж не думаешь ли ты, что я тебя совратила? В чем дело?

— Ты даже не представляешь, что я думаю, — ответил он.

— Так расскажи мне. Нам надо поговорить сейчас. Кто знает, будет ли у нас потом такая возможность. Ты все еще любишь меня, Эндрю? А если любишь, то почему относишься ко мне как к врагу? Зачем ты вообще взял меня с собой? Объясни мне. Почему бы тебе было не оставить меня в Вечности, если я не нужна тебе, если тебе противно даже смотреть на меня?

— Есть одна опасность, — пробормотал Харлен.

— Неужели?

— Больше, чем опасность. Кошмар. Кошмар Вычислителя Твиссела. Когда мы в панике мчались к тебе сквозь Скрытые Столетия, он рассказал мне, что он думает по поводу этих Столетий. Он боится, что в отдаленном будущем скрывается от нас эволюционировавшая ветвь человечества, неведомые существа, может быть, сверхлюди, оградившие себя от нашего вмешательства и замышляющие положить конец нашему вмешательству в Реальность. Он считал, что это они установили барьер в 100000-м. Затем мы нашли тебя, и Вычислитель Твиссел забыл о своем кошмаре. Он пришел к выводу, что барьер мне просто почудился, и вернулся к более насущной проблеме спасения Вечности. Но он заразил меня своими страхами. Я-то знал, что барьер был. Никто из Вечных не мог поставить его, потому что, по словам Твиссела, подобная штука теоретически

немыслима! Впрочем, возможно, наука Вечных недостаточно развита. Но барьер был. И кто-то поставил его.

— Разумеется, — продолжал он задумчиво, — кое в чем Твиссел заблуждается. Ему кажется, что человек должен эволюционировать, но это не так. Палеонтология не принадлежит к числу наук, популярных в Вечности, но она успешно развивалась в конце Первобытной эпохи, так что я в ней кое-что смыслю. И вот что мне известно: живые существа эволюционируют только под влиянием изменений в окружающей среде. Если окружение стабильно, то и эти существа остаются неизменными в течение миллионов Столетий. Первобытный человек эволюционировал очень быстро, потому что окружающая его среда была суровой и постоянно менялась. Но как только человек научился по собственному желанию изменять свою среду, он, естественно, перестал эволюционировать.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказала Нойс, ни капли не смягчившись, — поняла только то, что ты ни слова не сказал о нас с тобой, а это единственная тема, которая меня сейчас интересует.

Харлен постарался остаться внешне спокойным. Он продолжал:

— Так вот, зачем был нужен этот барьер на 100000-м? Какова его цель? С тобой ничего не случилось. Что все это значило? И тогда я задал себе вопрос: что произошло из-за того, что барьер был поставлен, или иначе, чего бы не произошло, если бы он отсутствовал?

Он помолчал, глядя на свои тяжелые, неуклюжие ботинки из натуральной кожи. Ему давно хотелось скинуть их, но теперь...

— На этот вопрос возможен только один ответ. Наличие барьера заставило меня в ярости броситься назад, за болеизлучателем, чтобы вырвать с его помощью признание у Финжа. А затем я решил рискнуть Вечностью, чтобы спасти тебя, и чуть было не погубил Вечность при мысли, что навсегда тебя потерял. Понимаешь?

Нойс смотрела на него со смешанным выражением недоверия и ужаса.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди будущего заставили тебя совершить все эти действия? Что они рассчитывали именно на такую реакцию с твоей стороны?

— Да. И не смотри так на меня. Да! Разве ты не понимаешь, что это все меняет. Пока я действую по своей воле, я беру на себя все последствия, материальные и духовные. Но знать, что меня одурачили, что кто-то управляет и манипулирует моими чувствами, словно я Киберцентр, в который достаточно вложить нужную перфокарту...

Харлен вдруг понял, что он кричит, и замолк на полуслове. Переждав несколько секунд, он продолжал:

— Это нельзя дальше терпеть. Я должен исправить все, что меня заставили натворить. Только тогда я смогу обрести покой.

Что ж, может быть, он и обретет его тогда... Несмотря на ожидающую его впереди личную трагедию, он мог чувствовать подступающий восторг от сознания общего триумфа. Круг замыкается!

Рука Нойс неуверенно потянулась вперед, пытаясь дотронуться до его чужой, враждебной руки. Он отодвинулся, не дав ей такой возможности.

— Все было подстроено. Моя встреча с тобой. Все, что случилось потом. Они проанализировали мой характер. Это же ясно. Действие и реакция. Нажмите на эту кнопку — и человек сделает то. Нажмите на другую — он сделает это.

Чувство стыда мешало Харлену говорить, и он помотал головой, пытаясь отряхнуть с себя кошмар, как мокрая собака отряхивает воду.

— Одного только я не понимал вначале: как я догадался, что Купера должны послать в Первобытную эпоху. Самая невероятная догадка на свете. У меня не было для нее никаких оснований. Твиссел никак не мог понять этого. Он не раз удивлялся, как это я, при моем слабом знании математики, умудрился прийти к правильному выводу. Но я все-таки догадался. Это случилось в ту самую ночь Ты спала, а я никак не мог уснуть. У меня было странное ощущение, точно мне обязательно надо что-то вспомнить, какие-то слова, какую-то мысль, которая чуть не пропала в возбуждении того вечера. Я думал и думал, пока вдруг не понял значения всего, что было связано с Купером, и одновременно в моей голове мелькнула мысль, что я в состоянии уничтожить Вечность. Позже я изучал историю математики, но в этом уже не было особой необходимости. Я уже все знал. Даже был в этом уверен. Как? Почему?

Нойс внимательно смотрела на него. Она больше не делала попыток взять его за руку.

— Неужели ты хочешь сказать, что люди из Скрытых Столетий подстроили и это? Что они вложили в твой мозг эти мысли и управляли тобой?

— Да, да! Именно это они и делали. Но они должны сделать еще кое-что. Круг замыкается, но он еще не замкнут.

— Но как они могут сделать что-нибудь сейчас? Ведь их нет здесь?

— Нет? — он произнес это так глухо, что Нойс побледнела.

— Невидимые сверхсущества? — прошептала она.

— Нет, не сверхсущества. И не невидимые. Я уже объяснил тебе, что, научившись контролировать окружающую среду, человек перестал эволюционировать. Человек Скрытых Столетий — это гомо сапиенс.

Самый обычный человек.

— Тогда их наверняка нет здесь.

— Здесь есть ты, Нойс, — печально сказал Харлен.

— Да. И ты. И больше никого.

— Ты и я, — согласился Харлен, — и никого больше. Женщи-йа из Скрытых Столетий и я... Хватит играть, Нойс. Прощу тебя.

Она в ужасе посмотрела на него.

— Что ты говоришь, Эндрю?

— То, что я должен сказать. Что ты мне нашептывала в тот вечер, когда опоила меня мятным напитком? Ты ведь говорила со мной. Так ласково... так нежно... Я ничего не слышал тогда, но подсознательно я все запомнил. О чем ты мне так нежно шептала? О Купере, которого посылают в прошлое? О Самсоне, разрушающем храм Вечности? Не правда ли?

— Я даже не знаю, кто такой этот Самсон, — сказала Нойс.

— Тебе нетрудно догадаться об этом. Скажи мне, когда ты впервые появилась в 482-м? Чье место ты заняла? Или ты просто... втиснулась в Столетие? Специалист из 2456-го рассчитал по моей просьбе твою Судьбу. В новой Реальности ты не существовала. У тебя не было Аналога. Странно для такого незначительного Изменения, но все же возможно. А потом Планировщик сказал мне одну вещь, и я услышал ее, но не понял. Удивительно, что я вообще запомнил эти слова. Может быть, они уже тогда отозвались где-то в моем мозгу, но я был слишком переполнен тобой.

Вот что он сказал: при заданной вами комбинации фактов я не совсем понимаю, как она могла существовать в предыдущей Реальности. Он был прав. Ты и не существовала в ней. Ты была пришельцем из далекого будущего и играла мной и Финжем в своих собственных целях.

— Эндрю...

— Все сходится. Если бы я не был таким слепым! Книга в твоей библиотеке называлась “Социальная и экономическая история”. Это сразу удивило меня. Но ведь она была тебе необходима, не правда ли, чтобы лучше узнать Столетие. И еще одно. Помнишь нашу поездку в Скрытые Столетия? Ведь это ты остановила капсулу в 111 394-м. Ты остановила ее аккуратно, без заминки. Где ты научилась управлять капсулой? Ведь это вроде бы было твое первое путешествие во Времени. Кстати, почему именно в 111394-м? Это что, твое родное Столетие?

— Зачем ты взял меня с собой? — тихо спросила она.

— Чтобы спасти Вечность! — неожиданно заорал Харлен. — Я не знаю, что ты могла бы там натворить. Но здесь ты беспомощна, потому что я знаю все. Признавайся, что все это правда! Признавайся!

В пароксизме гнева он вскочил и замахнулся на нее. Нойс даже не шелохнулась. Лицо ее было совершенно спокойно. Она казалась прекрасной статуей, отлитой из теплого прозрачного воска. Рука Харлена застыла в воздухе.

— Признавайся! — повторил он.

— Неужели после всех этих рассуждений ты все еще сомневаешься? — спросила она. — Какая теперь разница, признаюсь я или нет?

Харлен почувствовал, как в нем снова поднимается волна бешенства.

— Признайся, чтобы мне потом не чувствовать раскаяния.

— Раскаяния?

— Нойс, у меня с собой бластер, и я собираюсь убить тебя.

Глава 18. НАЧАЛО БЕСКОНЕЧНОСТИ

Харлена не оставляла гнетущая неуверенность, нерешительность, которая отнимала у него веру в собственную правоту. Но в руке он держал бластер, дуло которого было направлено на Нойс.

Почему она не отвечает? Что скрывается за ее напускной невозмутимостью?

Разве может он убить ее?

Разве можно ее не убивать?

— Ну? — спросил он хрипло.

Она уселась поудобнее, сложив руки на коленях, и казалась почти спокойной. Когда она наконец заговорила, голос ее показался ему нечеловеческим. Под дулом бластера она излучала убежденность и таинственную, почти мистическую силу.

— Ты хочешь убить меня, но совсем не потому, что стремишься спасти Вечность. Если бы твоей целью было именно это, ты мог бы связать мне руки и ноги, заткнуть кляпом рот и, оставив меня в пещере, спокойно отправиться в путь на рассвете. Или же попросить Вычислителя Твиссела продержать меня взаперти до твоего возвращения. Или взять меня с собой и бросить в пустыне. Но нет, тебя устраивает только моя смерть. И знаешь почему? Потому что ты думаешь, что я обманула тебя, сперва завлекла в любовные сети и потом толкнула на измену Вечности. Это месть оскорбленного самолюбия, а не то справедливое возмездие, о котором ты говоришь.

Харлен поежился.

— Но ведь ты из Скрытых Столетий? Скажи мне.

— Да, — ответила Нойс. — Что же ты не стреляешь?

Палец Харлена задрожал на пусковой кнопке бластера. Но он по-

прежнему колебался. Какая-то иррациональная его часть все еще пыталась оправдать ее, цепляясь за хрупкие остатки любви. Может быть, ее просто довели до отчаяния его подозрения? Может, она намеренно наговаривает на себя, играя со смертью? Может, она утешается глупым героизмом, отчаявшись удержать его любовь?

Нет!

Так могла вести себя героиня книгофильма, написанного в слащавых традициях 289-го, но не Нойс. Она была не из тех, кто умирает, словно чахлая надломленная лилия, на руках вероломного любовника.

Но почему она сомневается в его решимости убить ее? Уж не потому ли, что она уверена в силе своих чар, уверена, что его любовь к ней свяжет его по рукам и ногам, превратит в покорного исполнителя ее воли?

Этот удар попал в цель. Палец, перестав дрожать, твердо лег на спусковую кнопку.

— Ты медлишь, — вновь заговорила Нойс. — Может быть, ждешь, что я буду оправдываться?

— А у тебя есть оправдания? — Харлен пытался произнести это язвительным тоном, но в глубине души был рад отсрочке. Она отдаляла то мгновение, когда ему придется смотреть на кровавые ошметки, которые останутся от его прекрасной Нойс, и думать о том, что он сделал это собственными руками.

Он нашел оправдание отсрочке, подумав: “Пусть говорит. Чем больше она расскажет о Скрытых Столетиях, тем безопаснее для Вечности”.

Эта мысль возвысила его в собственных глазах, придав нерешительности видимость твердой политики. На какое-то время он смог смотреть на нее с тем же спокойствием, с каким смотрела на него она.

— Тебя интересуют Скрытые Столетия? — продолжала Нойс, словно прочитав его мысли. — Если так, то мне будет нетрудно оправдаться. Не хочешь ли ты, например, узнать, почему человечество исчезло с лица Земли после 150000-го Столетия?

Харлен не собирался ни выпрашивать, ни покупать сведения. У него был бластер, и он твердо решил не выказывать никаких признаков слабости.

— Говори! — отрывисто приказал он и покраснел, увидев в ответ ее насмешливую улыбку.

— Мы узнали о существовании Вечности прежде, чем она достигла отдаленных Столетий, прежде, чем она успела добраться хотя бы до 10000-го. Кстати, ты был прав, я действительно из 111394-го. Мы тоже умеем путешествовать во Времени, но делаем это на совершенно других

этических основаниях. Вместо того чтобы перемещать во Времени материальные объекты, мы просто наблюдаем. При этом мы имеем дело только с прошлым. Впервые о возникновении Вечности мы узнали косвенным путем. Мы рассчитали вероятность существования своей Реальности, и нас поразило, что эта вероятность ничтожно мала. Это был очень серьезный вопрос. Как возникла такая практически невозможная Реальность? Но ты не слушаешь меня, Эндрю. Неужели тебе это совсем неинтересно?

Она произнесла его имя с той же интимной нежностью, как и прежде. Казалось, теперь такая циничная фальшь должна была оскорбить его, вызвать гнев, но почему-то этого не случилось.

— Продолжай, женщина, и не тяни время, — сказал он, собирая все свое мужество. Он попытался уравновесить теплоту, прозвучавшую в ее “Эндрю”, холодным гневом, вложенным в слово “женщина”, и снова единственным ответом была ее легкая улыбка.

— Мы начали поиски в прошлом, — продолжала она, — и наткнулись на непрерывно растущую Вечность. И тогда мы поняли, что в какой-то предыдущий отрезок биовремени — у нас тоже есть это понятие, только под другим именем — наша Реальность была совсем другой. Эту Реальность с максимальной вероятностью существования мы назвали Основным Состоянием. Нам было ясно, что когда-то мы или, вернее, наши Аналоги жили в этом Основном Состоянии. В то время мы ничего не знали о природе этого Состояния. На этот счет не было даже догадок.

Однако мы знали, что одно из Изменений, совершенных некогда Вечностью, вызвало отклонения в Основном Состоянии, эффект которых распространился вплоть до нашего Столетия и еще дальше. Мы решили выяснить, что представляет собой Основное Состояние, и восстановить его в истинном виде, если это возможно. Прежде всего мы установили карантинную зону, которую вы называете Скрытыми Столетиями, изолировав наше Время от Вечности начиная с 70000-го Столетия. Эта изоляция должна была защитить нас от дальнейших Изменений. Она не давала абсолютной безопасности, но позволяла выиграть время.

Затем мы совершили поступок, находящийся в вопиющем противоречии со всей нашей этикой и культурой. Мы исследовали свое будущее. Нам было необходимо узнать судьбу человечества в существующей Реальности, чтобы иметь возможность сравнить ее с Основным Состоянием. Оказалось, что где-то около 125000-го человечество раскрыло секрет полета к звездам. Люди научились совершать прыжки через гиперпространство. Наконец-то человек смог

достичь звезд.

Харлен слушал ее тщательно отмеренные слова со все возрастающим вниманием. Что в ее повествовании соответствовало истине? Что было лишь расчетливой попыткой обмануть его? Пытаясь избавиться от гипнотического очарования ее голоса, он сказал:

— Когда люди достигли звезд, они покинули Землю. Наши ученые предполагали это.

— В таком случае, ваши ученые ошибались. Человек пытался покинуть Землю. К несчастью, мы не единственные разумные обитатели Галактики. У многих звезд есть свои планеты. На некоторых из них возникли цивилизации. Правда, ни одна из них, во всяком случае, в нашей Галактике, не может по древности сравниться с человеческой, но пока люди в течение двенадцати с половиной миллионов лет оставались на Земле, более молодые цивилизации обогнали нас, стали совершать межзвездные путешествия и покорили Галактику.

Когда человек достиг звезд, повсюду уже были знаки: *Занято! Не нарушать границ! Очистить территорию!* Люди отозвали свои исследовательские отряды и остались на Земле. Но теперь они видели Землю такой, какой она была: тюрьмой, окруженной безграничным океаном свободы... И человечество вымерло.

— Просто так взяло и вымерло? Что за нелепица!

— Не просто так. Это заняло тысячи Столетий. Были взлеты и падения, но все обесценивали утрата цели, чувство тщетности и безнадежности, которое невозможно было преодолеть. Под конец еще одно, последнее падение уровня рождаемости — и все кончилось. Это сделала ваша Вечность.

Теперь Харлену предстояло защищать Вечность — тем настойчивее, чем яростнее он сам недавно нападал на нее.

— Пустите нас в Скрытые Столетия, — прервал ее Харлен, — и мы все исправим. Смогли же мы в освоенных нами Столетиях добиться наивысшего блага...

— Наивысшего блага? — переспросила Нойс отчужденным тоном, который делал фразу насмешливой. — А что это такое? То, что говорят ваши счетные машины, ваши Анализаторы, ваши Киберцентры? Но кто настраивает машины? Кто вкладывает в них программу? Кто указывает им, что следует брать в расчет? Машины не умнее людей, они только быстрее решают проблемы. Только быстрее! А что является благом с точки зрения Вечности? Я отвечу тебе. Безопасность и еще раз безопасность. Осторожность! Умеренность! Ничего сверх меры. Никакого риска без

стоппроцентной уверенности в успехе.

Харлен промолчал. С неожиданной яркостью ему припомнился недавний разговор с Твисселом о людях из Скрытых Столетий. “Мы изгнали все необычное”, — сказал тогда Твиссел.

И разве это не так?

— Кажется, ты задумался, — снова заговорила Нойс. — Подумай тогда вот о чем: почему в существующей Реальности человек то и дело предпринимает попытки космических путешествий, хотя неизменно терпит неудачу? Каждое космическое Столетие должно знать о провалах в прошлом. Зачем тогда пробовать еще раз?

— Я не изучал этот вопрос специально, — неуверенно пробормотал Харлен. Он вспомнил вдруг о колониях, которые чуть ли не в каждом тысячелетии создавались на Марсе, и всегда неудачно. Он подумал о той странной притягательной силе, с которой идея космических полетов действовала даже на Вечных. О том, как Социолог Кантор Вой из 2456-го со вздохом сказал после уничтожения электрогравитационных космолетов: “Они были так прекрасны!”. О том, с какой горечью воспринял это известие Планировщик Нерон Фарук, и как он в попытке отвести душу принялся поносить Вечность за торговлю противораковой сывороткой.

Не обладают ли разумные существа инстинктивным стремлением расширить границы познания, достигнуть звезд, разорвать цепи тяготения? Не это ли подсознательное стремление побуждало человека десятки раз заново создавать космические корабли, чтобы вновь и вновь путешествовать к мертвым мирам Солнечной системы, в которой только Земля пригодна для жизни? И только ли случайностью был тот факт, что большинство Изменений уничтожало космические корабли, а люди вновь и вновь создавали их?

— По иронии судьбы, — продолжала Нойс, — оберегая человечество от несчастий Реальности, Вечность тем самым лишает его всех триумфов. Только преодолев величайшие испытания, человечество может успешно подняться к недостигаемым вершинам. Из опасности и неуюта исходит сила, толкающая людей на новые грандиозные завоевания. Можешь ты понять это? Способен ли ты понять, что, устраняя ошибки и неудачи человека, Вечность не дает ему найти собственные, более трудные и поэтому более верные решения стоящих перед ним проблем; подлинные решения, которые помогают преодолевать трудности, а не избегать их?

— Величайшее благо наибольшего числа людей состоит в том... — заученно начал Харлен, однако Нойс не дала ему договорить.

— Предположи, что Вечность не была создана.

— И что же?

— Я расскажу тебе, что бы тогда случилось. Те усилия, которые были затрачены на решение проблем путешествий по Времени, были бы посвящены развитию атомной физики. Вместо Вечности были бы созданы звездные корабли. Человечество достигло бы звезд на миллионы лет раньше, чем в текущей Реальности. Галактика была бы еще свободной, и люди могли бы обосноваться в ней. Тогда бы мы были первыми.

— Ну и что мы выиграли бы? — упорствовал Харлен. — Разве мы стали бы от этого счастливее?

— Кого ты имеешь в виду под словом “мы”? Человечество представляло бы собой не один мир, а миллионы и миллиарды. Могущество человека не знало бы границ. У каждого мира были бы свой счет Столетий, свои собственные ценности и идеалы, возможность искать счастья своим путем. У счастья много разновидностей... Это и есть Основное Состояние человечества.

— Это только догадки, — сказал Харлен; он был зол на себя за то, что его увлекла нарисованная Нойс картина будущего. — Откуда ты знаешь, что было бы на самом деле?

— Вас смешит невежество Времян, знающих только одну Реальность. Нас же смешит невежество Вечных, которые знают, что Реальностей много, но думают, что существовать может лишь одна из них.

— Что означает эта чепуха?

— Мы не рассчитываем разные Реальности. Мы наблюдаем их. Мы можем видеть их даже в состоянии Нереальности.

— Что-то вроде страны Нигде, где “может быть” играет с “если”?

— Да, только без сарказма.

— И как же вы это делаете?

— Я не могу объяснить это, Эндрю, — сказала Нойс, помолчав. — Существует много вещей, которыми мы пользуемся, не понимая их. Можешь ли ты объяснить, как устроен Киберцентр? Но все же ты знаешь, что он существует и работает.

— Ну и что же дальше?

— Мы научились наблюдать Реальности и нашли среди них ту, которая является Основным Состоянием человечества. Я уже рассказала тебе о ней. Затем мы обнаружили то Изменение, которое уничтожило Основное Состояние. Оно не было одним из тех Изменений, которые совершает Вечность; оно заключалось в создании Вечности, в самом факте ее существования. Любая система, которая, подобно Вечности, позволяет кучке людей выбирать за все человечество его будущее, обязательно

кончает умеренностью и убожеством. Такая Реальность не может достигнуть звезд. Само существование Вечности исключает покорение Галактики человеком. Чтобы достичь звезд, необходимо сначала покончить с Вечностью.

Число возможных Реальностей бесконечно велико. И у каждой Реальности существует бесчисленное множество вариаций. Например, число Реальностей, в которых существует Вечность, бесконечно; число Реальностей, в которых Вечность не существует, бесконечно; и наконец, число Реальностей, в которых Вечность существовала, но была уничтожена, тоже бесконечно. Среди последних люди моего Столетия выбрали группу Реальностей, в которых мне отводилась главная роль.

Все это было решено без меня. Меня подготовили для этой задачи так же, как ты и Твиссел готовили Купера. Но число Реальностей, в которых я могла бы уничтожить Вечность, тоже бесконечно велико. Мне предложили на выбор пять вариантов, которые казались наиболее простыми. Среди них я выбрала ту единственную Реальность, в которой был ты.

— Почему же ты выбрала ее? — спросил Харлен. Нойс опустила глаза.

— Потому что я люблю тебя, пойми это. Я полюбила тебя задолго до того, как мы встретились, — она сказала это с такой неподдельной искренностью, что Харлен с отвращением подумал: “Что за актриса!”.

— Все это просто глупо, — сказал он.

— Ты так думаешь? Я хорошо изучала Реальности, в которые меня могли отправить. Изучила и ту, в которой меня послали в 482-е Столетие, где я сначала встретила Финжа, а затем тебя. Я выбрала ту Реальность, в которой ты любил меня; Реальность, в которой ты взял меня в Вечность, спасая от Изменения, и спрятал в моем родном Столетии; Реальность, в которой ты отправил Купера не туда и где мы с тобой отправились в Первобытную эпоху искать его. Мы остались в ней до конца наших дней. Я видела, как мы любили друг друга и были счастливы. Это совсем не глупо. Я выбрала ту Реальность, в которой существует наша любовь.

— Притворство. Сплошное притворство! Неужели ты считаешь, что я поверю тебе? — Он на секунду замолчал, потом сказал внезапно: — Постой! Ты сказала, что знала все наперед? Все, что должно было произойти?

— Да.

— Тогда ты явно лжешь. Ты бы знала, что все кончится бластером. Ты бы знала заранее, что потерпишь неудачу. Что ты на это скажешь?

Нойс тихо вздохнула.

— Я уже объясняла тебе, что у каждой Реальности существует

бесчисленное количество вариаций. Как бы точно мы ни фокусировали данную Реальность, на деле она всегда представлена множеством схожих Реальностей. Чем резче фокусировка, тем меньше неопределенность, но добиться идеальной резкости невозможно. Вероятность того, что случайная вариация исказит результат, никогда не равна нулю. Все испортило одно небольшое отклонение.

— Какое?

— Ты должен был вернуться ко мне после снятия блокировки Времени в 100000-м, и ты вернулся. Но ты должен был вернуться один. Вот почему я так испугалась в первый момент, увидев с тобой Вычислителя Твиссела.

И снова Харлен не знал, что думать. Как она ловко сводит концы с концами!

— Я испугалась бы еще больше, — продолжала Нойс, — если бы я поняла тогда все значение этой вариации. Вернись ты один, ты бы взял меня с собой в Первобытную эпоху и здесь из любви ко мне, из любви к человечеству не стал бы разыскивать Купера. Ваш порочный круг был бы разорван, с Вечностью было бы покончено, а мы с тобой были бы счастливы. Но произошла случайная вариация — ты вернулся с Твисселом. В пути он рассказал тебе о своих кошмарах, связанных со Скрытыми Столетиями, и тем самым положил начало цепочке твоих размышлений, которые заставили тебя усомниться во мне. И вот между нами бластер. Теперь, Эндрю, история закончилась. Можешь стрелять. Ничто не помешает тебе.

Рука Харлена устала сжимать рукоятку, и он переложил оружие в другую руку. Почему в ее истории нет никаких неувязок? Он-то надеялся, что стоит ему убедиться в происхождении Нойс, как всем его сомнениям наступит конец. Сейчас его душа разрывалась на части еще сильнее, чем прежде.

— Но для чего понадобилось кончать с Вечностью в два приема? — спросил он. — Почему было не уничтожить ее сразу, одним ударом, когда я послал сюда Купера?

— Потому что просто уничтожить Вечность недостаточно, — ответила Нойс. — Необходимо свести к минимуму вероятность нового возникновения Вечности в любой форме. Поэтому нам нужно сделать здесь, в Первобытной эпохе одну вещь. Небольшое Изменение, совсем незначительное. Похожее на ваше Минимальное необходимое воздействие. Мне предстоит послать письмо на полуостров, который в 20-м Столетии называется Апеннинским. Здесь сейчас 1932 год. Если я пошлю это письмо, то через несколько лет один итальянский физик начнет

эксперименты по бомбардировке урана нейтронами.

Харлену стало страшно.

— Ты собираешься изменить Первобытную историю?

— Да. В этом-то и заключается моя задача. В новой, уже окончательной Реальности первый ядерный взрыв произойдет не в 30-м Столетьи, а в 1945 году.

— Ты представляешь себе, к каким последствиям это может привести? Способны ли вы понять, какая опасность грозит человечеству?

— Да. Мы знаем, что это опасно. Мы провели анализ всех следующих за этим Реальностей. Существует возможность, хотя и не уверенность, что Земля в итоге превратится в огромное радиоактивное кладбище. Но мы верим в разум человека.

— И что же, по-вашему, оправдывает этот риск?

— Покорение Галактики человеком. Возвращение к Основному Состоянию.

— И вы еще смее обвинять Вечность во вмешательстве?

— Мы обвиняем Вечность в том, что она вмешивается непрерывно для того, чтобы держать человечество в его безопасной тюрьме. Мы же вмешаемся только один раз, чтобы Вечность никогда не смогла возникнуть.

— Нет, Вечность должна существовать, — сказал Харлен с отчаянием в голосе.

— Как знаешь. Выбор в твоих руках. Если ты предпочитаешь, чтобы будущее человечества диктовалось психопатами...

— Психопатами?! — взорвался Харлен.

— А разве нет? Ты ведь знаешь их. Подумай сам.

Харлен с ужасом посмотрел на нее, но против собственной воли его захлестнула волна воспоминаний. Он вспомнил, как Ученики узнавали правду о Реальности и как Ученик Латуретт из его класса пытался покончить жизнь самоубийством. Его спасли, он даже стал Вечным и составлял потом проекты Изменений, но никто не знал, какие шрамы в его душе оставила эта история. Он вспомнил кастовую систему Вечности, ненормальную жизнь, превращающую подсознательное ощущение собственной вины в ненависть к Техникам. Вспомнил о склоках Вычислителей, о Финже, интригующем против Твиссела, и о Твисселе, шпионящем за Финжем. Он вспомнил Сеннора, мстящего за свое уродство всем Вечным.

Вспомнил он и о себе.

Потом он вспомнил о том, как сам Твиссел, великий, непогрешимый Твиссел нарушал законы Вечности.

Ему показалось, что он всегда знал Вечность именно такой. Иначе почему у него могло возникнуть желание уничтожить ее? Но он никогда не признавался себе в этом, ни разу до этого мгновенья не мог он набраться смелости взглянуть правде в глаза.

Сейчас он отчетливо видел Вечность такой, какой она была в действительности — клоакой глубоко скрытых психозов, змеиным гнездом интриг, массой человеческих жизней, беспощадно вырванных из контекста.

Невидящими глазами он смотрел на Нойс.

— Теперь ты видишь, Эндрю? — Ее голос снова был ласковым. — Тогда подойди со мной к выходу из пещеры.

Словно под гипнозом, он последовал за ней, обессилев от быстроты, с которой в его душе совершилась очередная перемена. Впервые за всю ночь дуло бластера отклонилось от прямой линии, соединявшей его с сердцем Нойс.

Небо на востоке уже начало сереть, и громада капсулы угрожающей тенью вырисовывалась на его фоне. Под защитной завесой Темпорального поля очертания капсулы казались неясными и расплывчатыми.

— Смотри, это Земля, — сказала Нойс. — Не вечный и единственный приют человечества, а всего лишь отправная точка бесконечного странствия. От тебя требуется только принять решение. Выбор за тобой. Поле биовремени предохранит нас с тобой от последствий Изменения. Купер исчезнет вместе со своим объявлением, погибнет Вечность, а вместе с ней и Реальность моего Столетия, но останемся мы с тобой, и у нас будут дети и внуки. И останется человечество, которое полетит к звездам.

Харлен повернулся и увидел ее улыбку. Перед ним была прежняя Нойс, и, как и прежде, при взгляде на нее его сердце забило сильнее.

Но он еще сам не знал, что уже принял решение, пока громада капсулы вдруг не исчезла, перестав заслонять быстро светлеющее небо.

Обнимая прижавшуюся к нему Нойс, он уже знал, что это исчезновение означает конец Вечности.

И начало Бесконечного Пути.

1955

© Перевод И.Измайлова, 2002.